

Проверено 1949 г.

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ПРОВЕРено
2000 г.

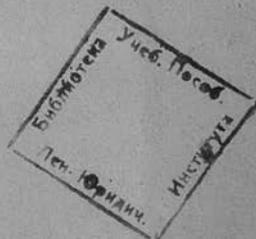
ВЫПУСК I

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф. АСКНАЗИЙ С. И.,

проф. ДОГАДОВ В. М., проф. ЛЮБЛИНСКИЙ П. И.,

проф. ШАРГОРОДСКИЙ М. Д., проф. ЯКОВКИН И. И.

История

СПбГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из важнейших политических задач, стоящих перед юридическими вузами, является развертывание научно-исследовательской работы.

Ликвидируя до конца последствия вредительства на фронте теории права, научные работники правовых вузов должны содействовать поднятию науки права на уровень подлинно советской науки, которая так ярко была охарактеризована товарищем Сталиным в его историческом выступлении 17 мая 1938 г. на приеме в Кремле участников Всесоюзного совещания работников высшей школы.

Каждый преподаватель вуза должен помнить, что свое преподавание он может поднять на высокий теоретический уровень, на должную методологическую высоту лишь в том случае, если он сам работает в научной области.

Ленинградский юридический институт за последнее время развернул довольно значительную научно-исследовательскую работу: пишется ряд диссертаций, на кафедрах ставятся научные доклады, опубликован в специальных юридических журналах ряд статей работников нашего института. Особое внимание кафедры института уделяют вопросам перестройки нашего законодательства в соответствии с установками Сталинской Конституции, вопросам разработки новых кодексов.

Одним из условий успешного развития научно-исследовательской работы является вовлечение в эту работу молодых научных работников, что расширяет круг работающих в научной области и обеспечивает непрерывное пополнение научных кадров.

План научно-исследовательской работы нашего института предусматривает широкое участие молодых сил в его выполнении.

Первый выпуск ученых записок нашего института посвящен показу образцов работы главным образом молодых работников, в первую очередь аспирантов. В этом выпуске мы публикуем пять статей, из них четыре написаны нашими аспирантами. Все статьи написаны в 1938 г.

Статья окончившего в 1938 г. аспирантуру А. Н. Агеева представляет собой главу из защищенной им в нашем институте осенью 1938 г. кандидатской диссертации на одну из актуальнейших тем советского гражданского права — «Право государственной собственности в СССР и правовой режим ее фондов».

А. Н. Агеев, в прошлом крестьянин-бедняк, успешно окончил рабфак нашего института, институт и аспирантуру. В настоящее

время он заведует кафедрой гражданского права в Юридическом институте в г. Алма-Ата.

Аспирант И. И. Солодкин в статье на одну из тем, представляющих большой политический интерес, — «Шпионаж и уголовно-правовая борьба с ним в капиталистических странах» — показывает в историческом разрезе зарождение шпионажа в древнее время и последующее его развитие, отдельные исторические примеры деятельности шпионов, слабость царского русского правительства в борьбе со шпионажем и дает юридический анализ (объект, субъект, способ действия и умысел) законодательства капиталистических стран о шпионаже, привлекая широкий законодательный материал.

Статья окончившего аспирантуру в 1938 г. Г. Б. Гальперина является частью защищенной им кандидатской диссертации на тему: «История возникновения Государственной думы и выборы в нее». Статья представляет собой первый опыт в нашей литературе дать исторический очерк образования булыгинской думы. Автор показывает то общественное движение, которое развернулось вокруг булыгинской думы, дает обзор различных проектов об устройстве булыгинской думы и показывает тактику большевиков в отношении булыгинской думы. Вся статья написана на неопубликованных архивных материалах (проект Булыгина, его докладная записка, протоколы комитета министров и др.) или же на опубликованных документах, но почти не использованных в научно-исследовательской работе (протоколы Петергофского совещания).

Статья окончившей аспирантуру в 1938 г. Ф. М. Левиант является главой из защищенной ею кандидатской диссертации на тему: «Классовая борьба в период между февралем и октябрём 1917 г. и отражение этой борьбы в трудовом законодательстве». В статье широко использован большой архивный материал.

Статья доцента Я. И. Давидовича представляет собой обработанную главу из защищенной им в 1938 г. кандидатской диссертации «Регулирование труда в ленинградской промышленности в годы первой пятилетки». Политическим фундаментом статьи, ее основной задачей является конкретная демонстрация на примере ленинградской социалистической индустрии глубокой правильности гениального анализа года великого перелома (1929), данного товарищем Сталиным в юбилейной статье в день XII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Партия и правительство окружают исключительным вниманием и заботой советскую интеллигенцию. Созданы все условия для полного овладения каждым научным работником единственно научной теорией — теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Овладения этой теорией, работники научного правового фронта несомненно сумеют выполнить стоящие перед ними ответственные задачи.

АГЕЕВ А. Н.

СОБСТВЕННОСТЬ В СССР

Пролетариат овладевает государственною властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. (Энгельс)

1. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ СССР. ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ КЛАССОВО-АНТАГОНИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Собственность в СССР представляет собой отношения, принципиально отличные от отношений собственности классово-антагонистических общественно-экономических формаций. При этом ее отличие лежит в совершенно иной плоскости, чем отличие собственности одной классово-антагонистической формации от другой такой же классово-антагонистической формации.

Различие собственности, господствующей в разных классово-антагонистических формациях, ограничивается только тем, что в разных формациях разные классы при помощи и посредством определенной собственности господствуют над эксплуатируемыми классами. Но общее между ними то, что в каждой классово-антагонистической формации форма собственности (присвоения) остается частной.

Именно это имеет в виду товарищ Сталин, когда он говорит, что «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами... Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами»¹.

Во всех этих случаях одна форма частной собственности как основа общественного строя заменяется другой формой частной

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 527.

собственности, один эксплуататорский класс, господствовавший ранее, заменяется другим эксплуататорским классом. Иначе говоря, «при всех прошлых революциях оставался всегда нетронутым характер деятельности, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности...»¹.

Для характеристики собственности, а значит и права собственности в СССР, недостаточно сказать, что здесь господствующим классом в отличие от буржуазии является другой класс — пролетариат. Следует выявить, что собой представляет господствующий класс в СССР, каков характер деятельности, которую он осуществляет на основе и при посредстве формы собственности в СССР, и наконец, следует выявить, каков характер самой собственности в СССР. При этом и критерии отличия социалистической собственности от собственности классово-антагонистических формаций окажутся иными, чем те, на основе которых мы отличаем одну форму частной собственности от другой формы частной собственности. Это определяется принципиальным различием, существующим между классово-антагонистическим строем и строем, созданным в СССР. Законы, действующие там и здесь, принципиально различны (законы развития классово-антагонистических формаций мы берем за одну скобку) и поэтому критерии их характеристики также различны.

«...коммунистическая революция выступает против характера прежней деятельности...»². Совершившаяся в СССР социалистическая революция устранила характер прежней деятельности, она поставила у власти класс, который выражает интересы развития всего человечества, который поэтому не заинтересован в сохранении своего господства навечно, а наоборот, стремится к уничтожению всякого господства, в том числе и своего собственного, которое он рассматривает лишь как средство, орудие для уничтожения этого господства.

Рабочий класс в СССР, совершив социалистическую революцию, ликвидировал всякую эксплуатацию человека человеком.

«Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплуататоров на других, не менять одну форму эксплуатации на другую, — а искоренить всякую эксплуатацию, искоренить всех и всяких эксплуататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых»³.

Таким образом рабочий класс в СССР как класс господствующий в отличие от всех ранее господствовавших классов не является классом эксплуатирующим, классом угнетающим. Его господство превратилось в действительное *руководство* обществом, и право собственности (присвоения) в условиях СССР не носит эксплуататорского характера, а является правом собственности (присвоения) общественным, социалистическим. Господствующий

¹ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, стр. 59.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 59.

³ Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 10, стр. 527.

класс в СССР выражает интересы всего общества, всего народа, точно так же и социалистическая собственность — собственность всенародная. «...Пролетариат овладевает общественной властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность»¹. В этом отличие социалистической собственности от собственности классово-антагонистических формаций, где собственность принадлежала и принадлежит только эксплуататорской части общества, а право собственности являлось и является не чем иным, как правом эксплуататоров присваивать труд эксплуатируемых.

Эта вопиющая несправедливость уничтожена Великой Октябрьской социалистической революцией. «Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могут защищать один вид собственности, не посягая на другой»².

Октябрьская социалистическая революция является последней революцией, посягнувшей в интересах социалистической собственности на собственность капиталистическую. Для посягательства на социалистическую собственность нет и не может быть исторически оправдываемых целей; посягательство на нее будет не революцией, а контрреволюцией, как особенно ярко доказал процесс антисоветского «право-троцкистского блока».

Но на этом не кончается отличие социалистической собственности в СССР от всех форм частной собственности. Отличие идет и дальше. Условия возникновения социалистической формы собственности принципиально отличны от тех, которые имели место при возникновении форм частной собственности.

Все формы частной собственности возникали стихийно, независимо от воли и сознания даже самих исторически-активных классов. В отличие от этого социалистическая форма собственности возникает в результате сознательной и организованной деятельности рабочего класса, осознавшего необходимость такой деятельности. Это определяется тем, что «превращение раздробленной, покоящейся на собственном труде отдельных лиц, частной собственности в собственность капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь — народной массе предстоит (а в СССР предстояло. — А. А.) экспроприировать немногих узурпаторов»³.

Далее, все формы частной собственности возникали и развивались в недрах предшествующей формации наряду с формой собственности, соответствующей данной общественной формации. А отсюда следует, что формы частной собственности развива-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 205.

² Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1937 г., стр. 110.

³ Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1932 г., стр. 613.

лись по времени раньше, чем совершалась революция, устанавливавшая строй, основой которого являлась уже ранее возникшая и развитая форма собственности. Товарищ Сталин указывает, что «Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества...», и что поэтому «...основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой...»¹. Общим для всех форм частной собственности является то, что они все возникают и развиваются до насильственных революций; то же самое можно сказать и о праве частной собственности.

Совершенно иначе обстоит дело с возникновением социалистической собственности. Социалистической собственности, а тем более права социалистической собственности, нет и не может быть до социалистической революции. Слишком резок антагонизм между социалистической собственностью и собственностью капиталистической, чтобы первая возникла и развивалась наряду с последней до пролетарской революции. Социалистический способ производства в отличие от других способов производства предполагает отсутствие эксплуатации, наличие плановости и проведение принципа вознаграждения по количеству и качеству труда. Ясно, что ни то, ни другое, ни третье не может быть осуществлено при господстве частной собственности на средства производства. Капиталистическая частная собственность на средства производства немыслима без эксплуатации, тогда как социалистическая собственность, наоборот, предполагает отсутствие эксплуатации. При капитализме «в общественном производстве господствует анархия», а при социализме, т. е. при превращении средств производства в общественную собственность, «...становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану»². Нечего и говорить о том, что только при социализме, строе, основанном на общественной собственности, возможно осуществление основного принципа социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

2. СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Сталинская Конституция, закрепив общественную социалистическую собственность на орудия и средства производства как экономическую основу СССР, подняла на принципиальную высоту и охрану права личной собственности граждан СССР. Поэтому понятно и естественно стремление многих авторов юридических работ найти в высказываниях основоположников марксизма характеристику личной (индивидуальной) собственности в социалисти-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 107.

² Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 195, 205.

ческом обществе, тем более что в работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы встречаем много указаний по вопросу о личной (индивидуальной) собственности при социализме.

Однако в правовой литературе встречаются неправильные взгляды на личную собственность. И совершенно нетерпимо, когда для подкрепления своих ошибочных взглядов авторы ссылаются на Энгельса и притом приписывают ему взгляды, которых он никогда не высказывал, против которых он беспощадно боролся, как боролся против них и В. И. Ленин.

Так, А. Н. Овсянников в статье «Личная собственность и право наследования»¹, а вслед за Овсянниковым и Хмельницкая в своей статье «Право личной собственности граждан СССР»² приводят следующую цитату из «Анти-Дюринга» Энгельса: «...В будущем обществе (т. е. в коммунистическом. — А. А.) будет господствовать одновременно индивидуальная и общественная собственность...».

Выражение: «...в будущем обществе будет господствовать одновременно индивидуальная и общественная собственность...» — действительно имеется у Энгельса в «Анти-Дюринге»³, как оно с некоторым отличием — «...в будущем обществе будет существовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общественная...» — имеется и у Ленина в его работе «Что такое друзья народа»⁴; но в этих выражениях излагаются Энгельсом *неправильные мысли Дюринга*, а Лениным — *мысли Михайловского*, которые Дюрингом и Михайловским приписываются Марксу, но которых Маркс никогда не высказывал.

Если бы Овсянников и Хмельницкая потрудились прочесть целиком хотя бы ту страницу, одну фразу из которой они выхватили, то они легко убедились бы в том, что в своих выводах они опирались на мысль... Дюринга (а также и Михайловского).

В самом деле, что значат слова «будет господствовать одновременно индивидуальная и общественная собственность»? Как понимают это Овсянников и Хмельницкая, высказавшие вслед за Дюрингом и Михайловским это положение?

В социалистическом обществе действительно существует и общественная и личная собственность. Это записано в основном законе социалистического государства — Сталинской Конституции. Но господствует безраздельно общественная, социалистическая собственность, являющаяся экономической основой советского общества. Личная же (индивидуальная) собственность не господствует и не будет господствовать; она определяется общественной собственностью, на ее основе существует и на ее основе охраняется законами советского государства. Именно об этом говорил товарищ Сталин, разъясняя английскому писателю Уэллсу, что «...социалистическое общество представляет единствен-

¹ «Известия ЦИК СССР» от 27 декабря 1936 г.

² «Большевик» за 1937 г. № 11, стр. 65.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат 1934 г., стр. 92.

⁴ Ленин, Соч., т. I, стр. 86.

ую прочную гарантию охраны интересов личности»¹. Индивидуальная (личная) собственность, как результат социалистического труда индивида в общественном производстве, является *собственностью социалистической*.

Приводимую Овсянниковым и Хмельницкой фразу можно понять еще и так, что в социалистическом обществе господствует собственность, которая одновременно, или, как говорил Ленин, «в одно и то же время», имеет характер общественной и индивидуальной собственности. Но именно такое понимание собственности в социалистическом обществе и критикуют Энгельс и Ленин, камня на камне не оставляя от этого «изобретения» Дюринга и Михайловского, приписанного последними Марксу.

Более полвека тому назад Энгельс писал: «Одновременно индивидуальная и общественная собственность, это смутное межеумочное понятие, эта бестолковщина,... этот туманный мир,... — все это опять-таки оказывается свободным творчеством и воображением господина Дюринга»². То же самое в переводе Ленина мы читаем следующее: «Собственность и индивидуальная и общинная в то же время, — эта туманная уродливость, эта нелепица,... эта путаница,... — опять-таки является вольным сочинением и выдумкой г. Дюринга...»³.

И вот «...это смутное и межеумочное понятие, эта бестолковщина...», «...уродливость, эта нелепица...»; разоблаченная 60 лет тому назад Энгельсом и 44 года тому назад Лениным, в наше время приводится Овсянниковым и Хмельницкой как мысль Энгельса, как мысль Ленина, как учение основоположников научного социализма. Характерно, что та же мысль Дюринга приписывалась Энгельсу и вредительским «Курсом хозяйственного права».

3. ДВЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СССР. ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Общественная социалистическая собственность в СССР имеет две формы: форму государственной собственности и форму кооперативно-колхозной собственности. Эти две формы социалистической собственности и представляют собой экономическую основу СССР как страны социализма.

Единство этих двух форм собственности заключается в том, что обе они являются социалистическими, т. е. общественными по своему существу, как формы общественного присвоения продуктов труда, основанного на отсутствии эксплуатации человека человеком. Эти две формы обусловлены лишь двумя исторически-необходимыми путями движения к коммунизму. Средства производства, фактически ставшие уже общественными при ка-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 602.

² Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 93.

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 87.

питализме, но подчиненные частной форме присвоения (собственности), под воздействием социалистической революции сбрасывают с себя форму частного присвоения и облачаются в новую, созданную социалистической революцией форму — общественного присвоения. Их существо — общественный характер присвоения — выступает в первой фазе коммунизма в правовой форме государственной собственности (присвоения). Средства же производства, еще не ставшие при капитализме общественными, в результате социалистической революции получают возможность стать общественными и по характеру производства и по характеру присвоения. Общественный характер их присвоения получает правовое выражение в различных видах коллективности.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на то, что сельскохозяйственная артель не является высшей ступенью в колхозном движении, что высшим этапом колхозного строительства является сельскохозяйственная коммуна; он также указывал на то, что до коммуны нам еще далеко. Тем самым товарищ Сталин указывал, что различие между государственной собственностью и собственностью колхозной останется еще долго. Можно утверждать, что это различие сохранится еще в течение всей первой фазы коммунизма.

Четкое и ясное положение о различии в правовой природе этих двух форм собственности дает нам Сталинская Конституция. В ст. 5 Конституции СССР записано: «Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)». Вот эта характеристика государственной собственности, как всенародного достояния и кооперативно-колхозной как собственности отдельных колхозов, собственности кооперативных объединений является решающей для определения правовой природы этих двух форм собственности.

Государственная собственность занимала ведущее положение по объему не только в первые годы после революции; такое же положение она занимает и сейчас, когда прошло уже два десятка лет после Октября. За это время наша страна добилась построения первой фазы коммунизма. Производственные фонды в СССР по формам собственности в процентах к итогу на 1936 г. представляются в следующем виде:

1. Собственность государственная (всенародное достояние) . . . 90
2. Собственность кооперативно-колхозная 8,7

Таким образом по своему объему государственная собственность превышает собственность кооперативно-колхозную в 10,35 раза.

Ведущий характер государственной собственности заключается еще и в том, что она представляет собой основу, базу для переделки собственности мелкотоварной, которую нельзя экспроприировать. Значение государственной социалистической собст-

венности в этом отношении заключается не только в глубоко революционизирующем действии на крестьянство крупных государственных предприятий (совхозов) в сельском хозяйстве, но и в том, что государственная социалистическая собственность сама по себе сообщает социалистический характер кооперативно-колхозной собственности. «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу», «...кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», «... простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма...», — писал Ленин в 1923 г.¹ Таким образом Ленин подчеркивает «наш строй», «наши условия» (т. е. наличие власти в руках рабочего класса и сосредоточение в руках государства основных командных высот: земли, средств производства и пр.), которые делают нашу кооперацию принципиально иной, чем она была при капитализме. «...Кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением»². А так как перестройка огромного количества распыленных мелкотоварных хозяйств мыслится только путем их кооперирования, то выходит, что государственная собственность социалистического государства является основным условием, основной базой для переделки мелкотоварного хозяйства в хозяйство социалистическое. Ведущее положение государственной социалистической собственности выражается еще и в том, что на ее основе разрешаются все всемирно-исторические задачи, осуществляемые диктатурой рабочего класса: ликвидация пережитков капитализма в экономике и сознании людей, ликвидация противоположности между городом и деревней, противоположности между умственным и физическим трудом, проведение плановости и социалистического принципа «от каждого по его способности, каждому — по его труду» и т. д.

Значение государственной социалистической собственности, а также и кооперативно-колхозной собственности может быть показано на примере той борьбы, которую вели против нее на протяжении многих лет оппортунисты всех мастей и оттенков и отвратительнейшая фашистская троцкистско-бухаринско-рыковская банда убийц. Известно, что партия под руководством товарища Сталина разгромила контрреволюционную попытку «новой оппозиции» в 1925 г. трактовать нашу социалистическую промышленность, как госкапиталистическую; она не оставила камня на камне от «установок» группы Бухарина о «врастании кулака в социализм». Партия разгромила покровителей и защитников кулачества — троцкистов и бухаринцев, разоблачила их гнусные дела, направленные на подрыв социалистической собст-

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 396.

² Там же, стр. 395.

венности, на реставрацию капитализма в нашей стране. Товарищ Сталин неоднократно указывал, что враги социализма, чувствуя все значение для нас социалистической собственности как основы нашего строя, всю свою энергию направляют на подрыв, на расхищение этой собственности. Все это и особенно разрушенный советским правосудием ядовитый клубок фашистских гадин в последних процессах различных по наименованию бандитских центров показывают все великое значение социалистической собственности.

4. ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ОТЛИЧИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СССР ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ.

Вопрос о государственной собственности мог встать во весь рост только в условиях диктатуры пролетариата. При капитализме государственная собственность не имела и не может иметь самостоятельного, принципиального значения. Основу капиталистического строя составляет не государственная собственность, какие бы широкие размеры она ни принимала, а частнокапиталистическая собственность на орудия и средства производства. Поэтому и законодательство капиталистических государств и буржуазная теория мало уделяют внимания вопросам государственной собственности и в этом они правы против обыкновения. Попытки как-то выделить государственную собственность были и при капитализме. Но это были только попытки, ограничивавшиеся выделением государственных имуществ как отдельных видов имущества; они не были способны вскрыть самую природу права государственной собственности при капитализме, а тем более вскрыть классовую сущность этой собственности. Во всяком случае указанное положение целиком верно по отношению к довоенному периоду. Например, кодекс Наполеона, являющийся классическим образцом буржуазного законодательства и трактуемый чрезвычайно подробно о вещах, лишь несколько статей (6 из 1765) посвящает вопросу о государственной собственности. Таковы, например, статьи 537¹, 538—541 и 713². Не случайно буржуазия многих стран приняла этот кодекс либо целиком, либо как основу для своих гражданских кодексов.

Если вникнуть в сущность «имуществ государственных» при капитализме, то не трудно будет заметить, что при этом идет

¹ Эта статья гласит: «... имущества, не принадлежащие частным лицам, подлежат управлению и отчуждению лишь в порядке, особыми правилами установленном».

² Наиболее характерной из этой группы является статья 538, которая гласит: «Дороги, тракты и улицы, содержимые на счет государства; судоходные и сплавные реки; берега, намывы и обсохшие побережья моря; порты, гавани, рейды и вообще все части французской территории, которые не могут состоять в частной собственности, составляют собственность государства».

Статьи 540 и 541 говорят о военных укреплениях: ворота, рвы, стены и т. д.

вопрос вовсе не об объектах, составляющих основу капиталистического общества, — земле, фабриках, заводах, банках и пр., а о таких объектах, нахождение которых в руках частных капиталистов с их объективной (не говоря уже о субъективной) алчностью внесло бы такую неразбериху в человеческое общество, при которой невозможен был бы самый элементарный порядок самого элементарного цивилизованного общества. Нахождение улиц в руках частного капиталиста лишило бы возможности передвижения по ней огромного количества населения, неспособного платить известную дань за пользование улицей ее владельцу; нахождение определенных рек в руках частных собственников «потопило бы в холодной воде эгоистического расчета» всякое, даже видимое только при капитализме, достоинство человеческой личности, а государству за держание на этой реке военной флотилии пришлось бы платить ренту частному владельцу. Таким образом такие объекты государственной собственности при капитализме, как дороги, судходные реки, площади, улицы, парки в городах и т. д., которые являются как бы публичными вещами и не могут быть предметом сделок, являясь таковыми не в силу какой-то особой их правовой природы, а в силу вынужденной необходимости, которую капиталисты считают вовсе не добродетелью, а скорее пороком, который все же вынуждены терпеть.

Нельзя, конечно, отрицать того, что в эпоху империализма в состав государственного имущества входит довольно значительное количество объектов. При этом, однако, нужно иметь в виду, во-первых, что это не столько средства производства, сколько средства войны, а во-вторых, что право собственности государства на это имущество ничем по существу не отличается от права частной собственности — это имущество принадлежит «на праве частной собственности государству»¹.

Апологеты капитализма из лагеря II Интернационала пытались и пытаются доказывать, что в капиталистическом обществе при известных условиях может и даже должна играть решающую роль государственная собственность на средства производства в противовес частной собственности, что может наступить эра «государственного социализма». Касаясь этого вопроса в беседе с Рой Говардом, товарищ Сталин сказал: «Выражение «государственный социализм» неточное. Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц... Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах подготовки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий»².

¹ Шершеневич, Учебник русского гражданского права, изд. 9, стр. 155.

² Сталин, Беседа с Рой Говардом.

Из этого видно, что государственная собственность в условиях капитализма не имеет самостоятельного, принципиального, решающего значения, так как не она, а частная собственность является основой капиталистического способа производства. Государственная собственность при капитализме подчиняется не только законам капиталистического производства, но и правовым нормам, установленным для частной собственности. Для государственной собственности не создается специального правового режима.

Государственная собственность при капитализме, не имеющая ни грана социалистической сущности, служит дополнительным фактором укрепления частной собственности. Улицы, парки, реки и т. д. принадлежат государству, как было уже указано выше, потому что в противном случае (если бы они принадлежали частным лицам) необходимость общего пользования ими нарушила бы принцип «священности и неприкосновенности» частной собственности. Принимая на свое содержание частные предприятия во время подготовки или ведения войны, государство помогает частным собственникам, а не нарушает их право собственности. Впрочем, Энгельс уже ючень давно, как бы предвидя позднейшие конструкции «теорий государственного социализма», разоблачал эти «теории» в следующих словах: «Какие бы формы ни принимало современное государство, оно остается механизмом чисто капиталистическим, государством капиталистов, идеальным совокупным капиталистом. Чем больше производительных сил захватит оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не устранятся, а еще более обостряются»¹.

Это тем более относится к государственной собственности капитализма в странах фашизма. Фашистские страны, прежде всего Германия, Италия и Япония, вынуждены более других стран проводить линию на «огосударствление» довольно значительного количества капиталистических предприятий.

Это объясняется, во-первых, тем, что эти страны не только бешено вооружаются для будущей кровавой войны, которую «фюреры» и «дуче» этих стран хотят навязать всему миру и в состоянии которой они по существу находятся все время, втянувшись в войну уже сейчас 1/3 населения всего мира. Эта подготовка к войне приводит к тому, что государства этих стран берут под свой контроль и на свое содержание (насколько позволяют им их финансы, которые трещат довольно ощутительно) известное количество частнокапиталистических (монополистических в первую очередь) предприятий. Такая форма контроля, как мы убедились выше, не меняет, не может изменить капиталистического способа производства, даже если бы этот контроль превратился из формы помощи монополистическому капитализму, какую он по-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Партиздат, 1934 г., стр. 200.

существо представляет, в форму настоящей буржуазной национализации; и в этом случае капитализм остался бы капитализмом.

Во-вторых, это объясняется той социальной демагогией, которую фашизм ведет не в меньших размерах, чем самую подготовку к войне. Демагогия фашизму нужна для обмана попавших под власть фашизма и ограбляемых им трудящихся масс, так же как проповедь «царства небесного» нужна капиталистической церкви для оправдания земного ада, на который обречены трудящиеся массы при капитализме и в который свертгать эти массы помогала христоробивая церковь. Фашистская демагогия имеет целью скрыть истинный характер проводимых фашистами исключительно в интересах финансового капитала мероприятий. Фашизму при помощи этой демагогии хотелось бы (хотя и не удается сколько-нибудь прочно и надежно) «доказать», что мероприятия, проводимые им, имеют целью интересы всей нации (конечно, в понимании фашистов), а не интересы отдельных лиц или отдельных групп. Фактически фашизм защищает лишь интересы наиболее агрессивных, наиболее шовинистических, наиболее реакционных элементов финансового капитала.

В фашистских государствах широко проводится так называемое принудительное картелирование. Итальянским законом от 16 июня 1932 г. и германским законом от 15 июля 1933 г. было предусмотрено принудительное картелирование производства этих стран. Эти фашистские законы предоставляют право королю в Италии и министру народного хозяйства в Германии образовывать принудительно консорциумы (картели) в определенных отраслях производства¹. Такое картелирование отнюдь не является изменением формы собственности предприятий, входящих в эти картели, — предприятия остаются в руках капиталистов на праве частной собственности. Фашистский закон о принудительном картелировании от 16 июня 1932 г., как видно, не получил прямого применения, так как ни одного картеля после издания «королевского декрета» не было организовано!

Картелирование привело к тому, что, не меняя принципа капиталистической частной собственности, крупная, монополистическая форма этой собственности заняла господствующее положение де-юре в дополнение к фактическому господству, которое эта собственность занимала до прихода фашистов к власти. Таким образом в соответствии с открытой диктатурой фашизма в общей политике проводится открытая диктатура монополистической собственности частного капитала.

Результатом этой диктатуры является бурное поглощение монополистической собственностью собственности мелкой, особенно кустарной, обладатели которой сотнями тысяч насильно пролетарируются. На помощь монополистическому капиталу приходит фашистское государство, облегчая крупным акулам — ка-

¹ Практику применения этого закона см. в сборнике материалов «Плановые» маневры в капиталистических странах», М. 1936 г., стр. 333.

питалистам — проглатывать мелкую рыбешку — мелких капиталистов. Проводя так называемую автаркию, фашистское государство лишает сырьем огромное количество мелких капиталистов и кустарей, делая их положение совершенно безвыходным. Это делается совершенно открыто.

В 1937 г., например, по усмотрению фашистов были признаны «непрочными» много ремесленных предприятий. 700 тысяч ремесленных предприятий с числом наемных рабочих до двух человек были в Германии по существу лишены своей производственной базы. 700 тысяч человек бывших предпринимателей, хотя и мелких, были «огорожены» по примеру первоначального капиталистического накопления, с той только разницей, что «огороженные» в XVI—XVII вв. производители могли поступить на работу к капиталисту, но не желали этого, и потребовалось издание закона о бродяжничестве, чтобы заставить их идти работать по найму, тогда как «огороженные» в Германии (да и в других странах фашизма) имеют желание поступить на работу, но не могут, так как для них в промышленности не оказывается мест. Если сейчас и издаются соответствующие законы, то не для того, чтобы найти работу для желающих получить ее, а для того, чтобы иметь возможность эту опасную для фашизма армию загнать в концентрационные лагеря.

63911
Процесс пролетаризации мелкобуржуазных элементов усиливается еще пресловутым германским законом от 29 сентября 1933 г. «О наследственных дворах» в крестьянском хозяйстве. По этому закону двор наследуется только одним из членов этого двора мужского пола (и лишь в крайнем случае, когда нет мужчин, наследницей может быть женщина), а все остальные члены семьи остаются без наследства. Таким образом крестьянская семья со своим наследственным двором является организацией, воспроизводящей, с одной стороны, гробуэров (кулаков), а с другой — пролетариев; в первом случае воспроизводство теоретически простое, а фактически суженное, а во втором и теоретически и практически расширенное. Идиллия сельской семьи, которой умилялись и в этом были по-своему правы сельские обыватели, разрушается фашизмом со всей безжалостностью: младшие члены семьи, не говоря уже о женщинах, рождаются по «законам наследственности» фашизма с явными признаками тауперизации, а старшие по мужской линии по этим же законам — кулаками; младшие члены семьи мужского пола и женщины при существующем положении в Германии должны поступать в батраки к своему счастливому родственнику.

В Италии этот процесс идет несколько другим путем, но не менее тяжелым. Там фашистское государство, декларируя и в известной мере проводя колоссальный проект мелиорации (по первоначальному проекту на площади в 2300 тыс. га земли), сделало эту мелиорацию орудием массовой экспроприации мелких земельных собственников. По закону от 29 сентября 1925 г. (а потом и по целому ряду других законов вплоть до закона от 13 февраля 1933 г.) были созданы такие условия для собствен-

ников мелких участков земли, при которых они не имели возможности сами производить известную часть затрат на мелиорацию своих участков. А этого, по существу, фашистскому правительству и нужно было. Дело пошло по второму, указанному в этих законах, пути: мелиорация определенного крупного участка сдавалась в концессию крупному земельному собственнику (у которого, по общему правилу, имелся на этом участке крупный массив земельной собственности), который получал право экспроприации мелкой земельной собственности на подлежащем мелиорации участке в свою пользу. Дальнейший путь оказывался таким же, как он описан выше по отношению к кустарям в Германии.

Было бы ошибкой думать, что дело ограничивается экспроприацией сравнительно мелкой частной собственности в пользу собственности крупномонополистической. Сильное давление оказывает крупномонополистическая собственность и на собственность крупнокапиталистическую, но не монополизированную. Приведенный выше закон от 16 июня 1932 г. о принудительном картелировании в Италии указывает, что принудительное картелирование проводится уже в том случае, если на это картелирование согласны капиталисты, представляющие 70% предприятий или 85% продукции соответствующей отрасли производства (в дальнейшем эта норма фактически была снижена). В Германии дополнительным законом от 27 февраля 1934 г. имперскому министру народного хозяйства дано право «объявлять экономические союзы единственными представителями соответствующих отраслей хозяйства» (п. 1 § 1 указанного закона). Это означает, что капиталисты, представляющие 15—30% предприятий соответствующей отрасли производства в Италии, а в Германии — 50%, не желающие входить в картели, либо принудительно включаются в эти картели (Италия) и таким образом оказываются подчиненными магнатам-монополистам, либо объявляются вне закона (Германия) и тоже вынуждаются встать под защиту «единственно законной» монополистической организации, т. е. попросту подчиниться ей. Если к этому прибавить, что голоса в совете картеля определяются сотней тысяч лир в Италии, а в Германии, по новому акционерному праву, мелкие акционеры вообще не имеют голоса в делах объединения, то станет ясным положение в фашистских странах даже капиталистов не монополистов, не говоря уже о трудящихся массах, доведенных фашизмом до крайней степени обнищания.

Таково положение с правом собственности в условиях фашизма.

Для представления о современных потугах капиталистических государств «планировать» капиталистическое хозяйство путем принудительного вмешательства в право капиталистической собственности магнатов-монополистов приведем в качестве примера попытку Рузвельта, стоившую ему, вероятно, много нервов, а США — немало денег. Попытка эта в конце концов лопнула, как мыльный пузырь, доказав лишний раз обреченность на

неудачу всех попыток перевести капиталистическое хозяйство на «плановые» начала, даже в том случае, когда они проводятся по инициативе и под руководством таких деятелей капиталистического мира, как президент Рузвельт.

Под влиянием экономического кризиса капиталистического хозяйства, развертывающегося на базе общего кризиса капиталистической системы, был издан закон от 16 июня 1933 г. (так называемый NIRA), по которому президенту давались широкие на первый взгляд права по регулированию промышленности. Рузвельт, которому персонально были даны эти полномочия, использовал для целей этого регулирования методы, выработанные практикой капиталистической конкуренции, а по существу монополии, — так называемые «кодексы честной конкуренции». На практике это вылилось в чрезвычайно оригинальную форму «регулирования» — в форму соглашения между предпринимателем и президентом США Рузвельтом. Предприниматели соглашение подписывали тогда, когда им выгодно было его подписать. Трудно, правда, предположить, чтобы президент не мог заставить подписать соглашение, если предприниматель не соглашался. Однако факты показывают, что как только эти формы «регулирования» перестали быть выгодными для предпринимателей, они их отбросили. Дело было передано в Верховный суд, который, выполняя волю монополистов, признал NIRA недействительным. И, конечно, президент ничего не мог сделать. Так лопнула эта попытка Рузвельта.

Ничего общего с государственной собственностью при капитализме, а тем более с «регулируемым» имуществом в фашистских странах, государственная собственность в СССР не имеет и иметь не может. Она, как мы видели выше, возникла другими принципиально отличными путями и методами, чем государственная собственность при капитализме. Государственная собственность в СССР является собственностью всенародной, всенародным достоянием. Государственная собственность в СССР является всенародным достоянием с самого начала своего возникновения, так же как наше государство является государством социалистическим с самого момента его возникновения. До ликвидации эксплуататорских классов в городе и деревне, до переделки мелко-товарного хозяйства и перевода его на рельсы крупного социалистического хозяйства советское государство называлось социалистическим не потому, что социализм уже был построен, а потому, что он должен был быть построен; собственность государственная имела характер всенародности не потому, что она служила интересам всех (наоборот, целые группы и классы (капиталистические) были лишены права пользоваться достоянием, которое представляла собой государственная собственность), а потому, что в принципе она была достоянием всего народа — рабочих и крестьян, потому, что она, государственная собственность, выражала интересы всего народа, являясь основной, а на первых порах и почти единственной формой общественного присвоения.

Ленин еще до Октября, определяя перспективы хозяйственной деятельности после революции, указывал: «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката»¹. Из этого видно, что Ленин уже здесь употребляет термин «всенародность», хотя для него ясно было, что эксплуататоры должны быть экспропрированы и уж, конечно, к народу не должны быть отнесены.

В первом декрете о земле мы также встречаем понятие всенародности. В «Крестьянском наказе о земле», который включен для руководства во второй раздел декрета, мы читаем: «Вся земля... отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». Здесь видно, что понятие всенародности рассматривается как достояние трудящегося народа.

В законе о земле от 19(6) февраля 1918 г. мы уже не встречаем понятия всенародности, но, очевидно, формула ст. 2 этого закона — «земля... переходит в пользование всего трудового народа» — употреблена в смысле ст. 1 «Крестьянского наказа о земле» из Декрета о земле от 26 октября 1917 г.

В следующем по времени декрете от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» в ст. 1 сказано, что «Вся земля в пределах РСФСР, в чем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом».

В Конституции РСФСР 1918 г. мы имеем формулу, аналогичную формуле, содержащейся в ст. 1 «Крестьянского наказа о земле». В Конституции РСФСР 1924 г. в ст. 15 указывается, что земля является «социалистической государственной собственностью». В Примерном уставе сельскохозяйственной артели, а также в Сталинской Конституции четко и ясно сказано, что государственная собственность (в том числе и земля) — всенародное достояние (ст. 2 устава и ст. ст. 5 и 6 Сталинской Конституции). То же самое воспроизведено в соответствующих статьях конституций союзных и автономных республик.

Таким образом право государственной собственности на землю получило в Сталинской Конституции адекватное этому праву выражение. Рассматривая право собственности государства на заводы, фабрики и прочие виды объектов в той же плоскости, как и право собственности на землю, следует прийти к выводу, что в основном все то, что было сказано о праве собственности на землю, относится и к этим объектам.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 440.

СОЛОДКИН И. И.

ШПИОНАЖ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С НИМ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Необходимость теоретической разработки вопросов уголовно-правовой борьбы со шпионажем была ясна всегда, но особенно ясна она стала после исторического доклада товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г.

Товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета нашей партии говорил:

«Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстоит дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами»¹.

Задачей этой статьи является попытка показать историческое развитие шпионажа и уголовно-правовой борьбы с ним в капиталистических странах.

Следы шпионской деятельности лазутчиков мы находим в глубокой древности. Можно смело утверждать, что борьба за классовое господство породила шпионаж как метод «выведывания», «узнавания» тайн противника. И если до капиталистического периода шпионаж применялся в большинстве случаев только в военное время и для выведывания намерений противника, то начиная с наполеоновских войн, — а особенно ярко это видно в период 70—80-х годов XIX столетия, — шпионаж является одним из методов подготовки войны, он уже принимает стройный, организованный, систематический характер и справедливо получает название «войны в темноте». Для шпионажа, начиная с эпохи капитализма, мирного времени нет.

Известный американский исследователь по вопросам шпионажа Роуан писал:

«В мирное время шпионаж заменяет военные действия, но он более экономен. На войне разведчик является самым смертельным оружием, единственным древним оружием, не потерявшим своего значения»².

И поэтому совершенно бесспорно, что развитие шпионской деятельности на том или другом историческом отрезке времени свидетельствует о подготовке войны. Почти все большие войны вызывали волну новых законов о шпионаже. Как пример для подтверждения этого мы можем привести франко-прусскую войну 1871 г., которая вызвала французский закон 1886 г., английский закон 1889 г., итальянский 1890 г., русский 1892 г. и т. д.

Характерно, что менялись формы шпионажа, его объем, законы о нем, но его значение или, вернее, оценка его значения как одного из могучих средств борьбы с противником почти не изменилась.

В целом ряде работ мы находим оценку военными полководцами древнего времени значения шпионажа.

Китайский генерал Сунь-Ву, живший 2½ тысячи лет тому назад, писал:

«Если вы знаете неприятеля и знаете самих себя, вы не должны бояться исхода сотни боев; если вы знаете самих себя, но не знаете неприятеля — за каждой выигранной победой последует поражение. Если вы не знаете ни врага, ни самих себя — вас одолеют в каждом бою».

---

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г., Партиздат, 1937 г., стр. 10.

² Роуан, Разведка и контрразведка, ОГИЗ — Соцэкгиз, 1937 г., стр. 4.

Другой китайский полководец Уц-Зе, живший в V в. до нашей эры, писал:

«Неприятель, силы и намерения которого известны, наполовину разбит».

Известный русский полководец Барклай-де-Толли в одной из своих работ писал:

«Добывайте сведения во что бы то ни стало и какой угодно ценой».

Наполеоновский полководец Мармон писал:

«Полководцу настолько же важно скрыть свои намерения, насколько проникнуть в намерения противника».

И пожалуй наиболее характерное высказывание — это австрийского маршала Морица Саксонского, который писал:

«Расход на хороших шпионов никогда не будет слишком велик»¹.

В XX в. один из работников Военной прокуратуры царской России Резанов, оценивая шпионаж, даже впадал в поэзию и писал:

«Шпионаж есть дерево, дающее плоды спустя много лет после посадки». «Шпионство — гриб, подтачивающий гранит крепостей и съедающий сталь оружия»².

Шпионаж, как мы об этом говорили выше, в древние времена применялся почти только во время военных действий. Некоторые примеры такого древнего шпионажа мы приводим далее.

Полководец Аннибал, готовясь к войне с римлянами, за целый год до своего выступления в поход выслал особо доверенных людей по тому пути, которым он хотел следовать из Африки через Пиренеи к Альпам, через землю галлов, с приказанием разведать дороги через горы и настроение галльских племен и их вождей. Один из шпионов Аннибала пробрался в самый Рим, где прожил несколько лет и добывал для своего повелителя ценные сведения о римлянах.

Во время войны с Карфагеном в 203 г. до нашей эры римский полководец Корнелий Сципион выслал шпиона Лелиуса в лагерь нумидийцев. Шпион взял с собой несколько офицеров, переодетых слугами, и отправился для ведения переговоров. Когда один из сопровождавших его офицеров был опознан, то Лелиус, чтобы рассеять подозрения, нанес ему несколько ударов палкой, чтобы доказать, что он слуга.

Интересные исторические примеры шпионажа приводит тот же Роуан в своей работе. Он пишет:

«Военный шпионаж был особо рискованным родом развед-

¹ Приводится по материалам Латынина «Современный шпионаж и борьба с ним», 1925 г.

² Резанов, Немецкое шпионство, 1915 г., стр. 8.

ки. Разведка была почетным занятием до того, как война приняла опромный размах, который потребовал мобилизации целых народов. Даже маршалы переодевались и шли в разведку (например, маршал Пею). Великий французский маршал Катина гордился тем, что однажды переоделся в грязные лохмотья угольщика, чтобы проникнуть в Аррас, осажденный его армией. И английский король Альфред был не менее «великим», потому что он, переодетый, тайно посетил лагерь датчан, чтобы оценить опасность, грозившую его западному Саксонскому королевству.

В эпоху рыцарства разведка считалась постыдным занятием, и в течение некоторого времени командующие армиями отказывались пользоваться ее услугами. В это время воры подвергались повешению за обыкновенное воровство, а профессиональный шпион пользовался известными привилегиями. Робинзон, военный разведчик, уличенный в Лондоне в 1757 г., просидел в заключении в Тоуэре всего 6 месяцев, а затем был освобожден. Вскоре после этого некий доктор Хэнси, судимый в июне 1758 г., был неожиданно приговорен к повешению. На суде он спросил: можно ли обращаться с разведчиком так же, как с обыкновенным жуликом?»¹

Начиная с наполеоновских войн, т. е. когда шпионаж становится одним из методов работы буржуазных правительств, он приобретает особую значимость. Развивается шпионаж и, естественно, развиваются меры борьбы с ним. Борьба со шпионажем находит свое выражение в этот период прежде всего в уголовном законодательстве. Первым памятником уголовного права этого периода, где были записаны меры борьбы со шпионажем, является Code pénal 1810 г. Он является тем источником, на основе которого в течение ряда десятилетий создавались законы о шпионаже. Но даже в этом, классическом для своего времени, уголовном кодексе не были предусмотрены возможности развития шпионажа и не преследовалась вербовка шпионов, подготовка к сбору материалов, хранению, размножению материалов и т. д., поэтому очень скоро он оказался явно недостаточным как защитительная мера.

С наступлением эпохи империализма противоречия между капиталистическими странами резко обострились. Периоды между войнами превратились в периоды подготовки войны.

Товарищ Сталин по этому вопросу пишет:

«Монопольное владение «сферами влияния» и колониями; неравномерное развитие различных капиталистических стран, ведущее к бешеной борьбе за передел мира между странами, уже захватившими территории, и между странами, желающими получить свою «долю»; империалистические войны, как единственное средство восстановить нарушенное «равновесие», — все это ведет к усилению третьего фронта, фронта междукапита-

¹ Роуан, Разведка и контрразведка, ОГИЗ—Соцэкгиз, 1937 г., стр. 16.

листического, ослабляющего империализм и облегчающего объединение двух первых фронтов против империализма, фронта революционно-пролетарского и фронта колониально-освободительного (см. «Империализм»)»¹.

Возрастает противоречия не только внешние, но и внутрисударственные, обостряется классовая борьба, растет необходимость быстрого вооружения и вместе с тем необходимость охраны или, вернее, сохранения в тайне новейших достижений военной техники. Это быстрое развитие военной техники вызывает необходимость заблаговременного изучения противника, изучения не только его намерений, но в первую очередь его вооружения. Если раньше, до середины XVIII в., шпионаж носил случайный характер, то начиная с момента подготовки Пруссией войны против Франции он становится организацией, подготовляющей эту войну, причем отцом, родоначальником организованной разведки, организованного шпионажа буржуазные писатели считают организатора прусской разведки Штибера.

Штибер в порядке подготовки к войне с Францией заслал в последнюю до 36 тыс. шпионов, которые каждый шаг на пути к Парижу заносили на карту и проверяли. Этим в первую очередь объясняется быстрый марш прусских войск к Парижу.

Франция того времени не могла, конечно, справиться с таким количеством «туристов» — статьи Code pénal этого не предусматривали, а французская контрразведка была в то время еще слаба.

Рост техники, конечно, вызвал усовершенствование и увеличение объема шпионажа, и старые классические методы и меры борьбы с ним уже не могли удовлетворять буржуазию. Издается ряд новых законов, не отменяющих, а дополняющих предыдущие законы. И первым таким законом, принятым для борьбы с германским шпионажем, был французский закон 1886 г. Этот закон являлся результатом тех уроков, которые преподавал французам Штибер. Этот закон, так же как и Code pénal, был образцом, на основе которого большинство государств пересмотрело свои законы.

Приведем таблицу, показывающую какие страны после издания закона 1886 г. пересмотрели свои законы.

Англия	1889 г.	Сербия	1910 г.
Италия	1890 г.	Англия и	
Россия	1892 г.	Америка	1911 г.
Германия	1893 г.	Россия и	
		Швеция	1912 г.
Норвегия	1902 г.	Германия и	
Россия	1903 г.	Австрия	1914 г.
Япония	1907 г.		

Закон 1886 г., так же как и Code pénal, дал толчок к новому пересмотру законов, к изменению формулировок в законодательстве о шпионаже.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 16.

Интересно остановиться на попытке международного определения шпионажа, на попытке внесения единообразного отношения к шпионажу во время войны. Такой попыткой является конвенция второй международной конференции мира в Гааге в 1907 г. В качестве приложения к заключенной конвенции имеется «Положение о законах и обычаях сухопутных войн». Три статьи этого приложения (29, 30 и 31) дают определение лазутчика, а также те уголовно-правовые меры, которые можно к нему применять. О чем гласят эти статьи?

Статья 29 устанавливает: «Лазутчиком может быть признаваемо только такое лицо, которое, действуя тайным образом или под ложными предлогами, собирает или старается собрать сведения в районе действия одного из воюющих, с намерением сообщить таковые противной стороне».

Так, не считаются лазутчиками военные чины, которые в форме проникнут для собирания сведений в район действий неприятельской армии; равно не считаются лазутчиками те военного и невоенного звания лица, открыто исполняющие свои обязанности, которым поручена передача депеш по назначению в их собственную либо в неприятельскую армию. К этому же разряду принадлежат и лица, посылаемые на воздушных шарах для передачи депеш или вообще для поддержания сообщений между различными частями армий или территорий.

Статья 30 устанавливает, что «Лазутчик, пойманный на месте, не может быть наказан без предварительного суда», а статья 31— что «Лазутчик, возвратившийся в свою армию и впоследствии взятый неприятелем, признается военнопленным и не подлежит никакой ответственности за прежние свои действия, как лазутчик».

В качестве задачи Гаагской конференции ставилась гуманизация войны, вот почему мы видим и здесь отражение этого: шпион, захваченный на месте во время военных действий, должен быть осужден судом общей подсудности.

Как вся конвенция, так и эти приложения никакого практического значения не имели, так как они не были проведены в жизнь.

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу развития шпионажа и мер борьбы с ним, надо хотя бы вкратце остановиться на вопросах развития законодательства о шпионаже и о мерах борьбы с ним в России.

Царская Россия позже других государств поняла важное значение шпионажа. Это можно объяснить тем, что царская Россия позже других государств вступила на путь капиталистического развития.

Еще в начале XX в. Россия чрезвычайно слабо боролась со шпионажем, и несмотря на то, что Уголовное уложение 1903 г. по ряду своих разделов стояло на уровне лучших буржуазных законодательств того времени, вопросами борьбы со шпионажем царское правительство занялось вплотную только после наглядных уроков русско-японской войны.

Статьи, карающие за шпионаж мы находим еще в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г., но все эти меры применялись либо во время войны, либо исключительно к русским. Характерным в этом отношении является то, как расценивали шпионаж теоретики, ученые России даже в XIX в. В курсе уголовного права проф. Лохвицкого (1867 г.) мы находим такие положения:

«Если иностранец, живущий в России, узнал государственную тайну, важную для его отечества, то открытие ее — долг его. Исключение для принесших присягу и иностранных чиновников, находящихся на русской службе».

Как говорят, комментарии здесь излишни.

Другой теоретик, Вульферт, в лекциях по Особенной части русского уголовного права 1891 г. так определяет шпионаж:

«Под шпионом или лазутчиком, согласно Брюссельской декларации, разумеется лицо, которое тайно или под ложными предложениями собирает или старается собрать сведения в местностях, занятых неприятелем, с намерением донести противной стороне. Субъектом такого преступления может быть только русский подданный».

Так ограниченно толковались субъект и объект преступления. И ведь эти две цитаты, приведенные нами, были написаны уже после уроков франко-прусской войны!

Представляет интерес и другое замечание того же Вульферта. Он пишет:

«Для борьбы со шпионажем требуются, в отличие от норм общего права, даже до известной степени казуистические постановления».

Вот какое значение придавали в то время шпионажу. Надо сказать, что не изменилось это отношение к шпионажу и в начале XX в. Царская Россия не делала ничего, чтобы обезопасить себя от шпионажа Японии. Японцы задолго до начала войны 1904 г. прекрасно изучили русский Дальний Восток, вооружение русской армии, маневренность железных дорог и т. д., и поэтому многими победами они обязаны именно этому.

Для характеристики работы японской разведки можно привести пару уже известных по газетам примеров.

До русско-японской войны 1904—1905 гг. подрядчиком по очистке нечистот в Порт-Артуре состоял подданный Японии. Часто его видели на бочке рядом с возчиком. Накануне войны подрядчик исчез. Позже выяснилось, что он был помощником начальника штаба армии, осаждавшей Порт-Артур.

Второй пример. Большую роль в шпионской деятельности японцев играли публичные дома. Исходя из того, что царское правительство не выказывало никаких подозрений по отношению к публичным домам и японским проституткам, один из японских писателей выдвинул теорию завоевания Сибири при помощи проституток. Он писал;

«...Остается попытаться упрочить свое влияние за границей посредством переселения, особенно в бедную населением Сибирь, проституток. Этим мы достигнем сбыта из нашей страны излишка населения и упрочим там свое влияние. Наши проститутки отличаются миловидностью, русские же — славятся своим распутством. От этих связей, конечно, появятся дети. Влияние женщины в семьях чрезвычайно сильно. Дети с малых лет будут усваивать наши вкусы, которые никогда не забудутся. Таким образом, от сына к внуку вкоренятся наши привычки, и вся Сибирь станет в конце концов... державой. Это со всех точек зрения самый пригодный и осуществимый план действия против России. Если мы скажем, что это план завоевания Сибири путем только одних женских бедер, то это будет верно»¹.

Выходит, что проститутки должны были играть роль не только шпионской, но и политической и экономической агрессии.

Японская разведка имела своих агентов не только в публичных домах, но и среди попов. Таким японским шпионом был небезызвестный поп Гапон, бывший одновременно осведомителем царской охранки под кличкой «Апостолов». Этот поп Гапон, сыгравший провокаторскую роль в событиях 9 января 1905 г., этот подлый предатель за шпионскую и предательскую работу среди рабочих получал деньги из грязных лап царской охранки, а за шпионство в пользу Японии ему платил японский военный атташе в Стокгольме².

Другой фигурой японского шпионажа является небезызвестный эсеровский провокатор Азеф, долгое время бывший агентом «Черного дракона» (японская шпионская организация)³.

Третьей фигурой сначала японского шпионажа, а затем австрийского является Иосиф Пилсудский, бывший президент Польской республики, который с 1904 по 1906 г. получал деньги от японской разведки, а когда Япония отказалась от его услуг, перешел на службу к австрийской разведке.

Только после войны 1904—1905 гг. русские власти стали организовывать, серьезнее бороться со шпионажем, и уже новый закон 1912 г. был в руках судебных органов царской России более приспособленным оружием по борьбе со шпионажем.

Если взять пример войны 1914 г., то можно увидеть прогрессирующую роль русской разведки: ей удавалось не только открывать шпионов, работавших на нашей территории, но и заполучить планы ее противников (Австрии и Германии) путем подкупа работников разведки Австрии. Известно, например, дело полковника Ределя, одного из руководителей австрийского генерального штаба, который был вынужден застрелиться, так как была установлена его связь с русским военным атташе в Вене.

¹ Кириллович, Шпионы некоей державы, «Известия» от 27 июля 1937 г.

² Кандидов, Церковь и шпионаж, ОГИЗ—ГАИЗ, 1938 г., стр. 14.

³ Хамадан, Японский шпионаж, «Большевик» № 11, 1937 г.

Заканчивая на этом краткий обзор состояния борьбы со шпионажем в России, перейдем к дальнейшему разбору законодательства капиталистических стран Запада.

Обострение классовой борьбы и империалистических противоречий вызывает дальнейшее развитие законодательства о шпионаже. Годы подготовки империалистической войны были, конечно, годами расцвета шпионажа и поэтому ряд стран принял новые законы о шпионаже. Характерными для этого периода являются английский закон 1911 г., русский — 1912 г., германский — 1914 г.

Развитие науки и техники давало большие возможности к применению новых методов шпионской деятельности. Успехи фотографии, авиации, химии облегчали работу шпионов и расширяли круг их деятельности, поэтому, проследив исторически за развитием законодательства о шпионаже, мы видим расширение объектов шпионажа.

Империалистическая война вызвала колоссальное развитие шпионажа и одновременно усилила борьбу с ним. Характерным для этого периода времени является то, что борьба со шпионажем ведется не мерами уголовно-правовыми и не на основе вышеуказанных законов, а на основе законов военного времени, на основе чрезвычайных декретов, причем репрессия проводится не обычным судом, а военными органами. С прекращением войны 1914—1918 гг. шпионаж не только не прекратился, но, наоборот, все более и более расширялся. Роуан в своей книжке «Разведка и контрразведка» правильно указывает, что «с прекращением военных действий работа разведки не прекращается. Государства наблюдают друг за другом со всем пылом закоренелых врагов. Полки секретной службы иногда сокращаются, но никогда не демобилизуются. Ни по какому мирному договору они не распускаются по домам. Версальский договор только еще составлялся, узы, связавшие потом Германию, только еще обсуждались, а уже торжествующие союзники начали внимательно наблюдать друг за другом, словно это был единственный способ закрепления за собой роли победителя».

Изданные в первое десятилетие после империалистической войны законы не удовлетворяют буржуазию, так как все это «мирное время» являлось периодом интенсивной подготовки войны со стороны наиболее агрессивных стран против СССР.

Ряд буржуазных стран не может управлять старыми «демократическими» методами и вынужден во внутренней и внешней политике применять фашистские методы взаимоотношений. Фашизм — это бешеная подготовка к войне, фашизм — это война, это полное отрицание права. Блестящую характеристику фашизма дал Г. Димитров. Он писал:

«Фашизм и правовая система — две вещи совершенно несоместимые. Фашизм является отрицанием какого бы то ни было правового порядка. Фашизм — это, по существу, произвол»¹.

¹ Димитров, Ответ г-ну Риббентропу, «Правда» от 8 января 1936 г.

Фашисты бешено готовятся к войне с Советским Союзом. Они ведут ее уже против ряда буржуазно-демократических государств. Колоссальный размах шпионажа яснее всего виден из усиления фашистскими странами шпионско-диверсионной деятельности во всех буржуазно-демократических государствах. По материалам газет мы можем судить о размахе и формах германского и японского шпионажа в Америке, Англии, Китае и в других странах.

Раскрытие шпионского центра в Америке дает новые данные, свидетельствующие о разгуле капиталистических и в особенности фашистских разведок в наши дни.

Характерным для этого процесса является полностью установленная органическая связь германской разведки с официальными дипломатическими представителями фашистской Германии в США.

«Процесс германских шпионов в Нью-Йорке совпал по времени с процессом троцкистской бандитской организации ПОУМ в Барселоне. Троцкистская банда в Испании пыталась разложить и подорвать республиканский тыл, действуя по заданиям германской и итальянской разведок. Троцкистские подручные фашистских интервентов боролись против героического народа Испании методами шпионажа, вредительства и террора.

Между процессом в Нью-Йорке и процессом в Барселоне существует органическая связь: оба процесса иллюстрируют работу и методы фашистских разведок и их подлой троцкистской агентуры. Материалы этих процессов побуждают подлинных друзей мира повсюду во всех странах свою бдительность к коварным проделкам германской разведки и ее троцкистско-бухаринской агентуры»¹.

Приход фашизма к власти в Германии ускорил бешеную подготовку к войне. Начиная с 1933 г., в целом ряде стран происходит пересмотр законов о шпионаже, например: в Америке — в 1933 г., во Франции, Бельгии, Польше, Германии, Италии — в 1934 г., в Швейцарии — в 1935 г., в Чехословакии, Бельгии, Румынии — в 1936 г.

Для этого периода характерным является расширение толкования шпионажа в законах, увеличение санкций и распространение понятия шпионажа на хозяйственные тайны.

Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что буржуазия желает иметь еще одно оружие для борьбы с революционным движением трудящихся именно на предприятиях, работающих на оборону или соприкасающихся с ней, и во-вторых, будущая война, как это показал опыт интервенции в Испании и Китае, будет войной маневренной, а не позиционной, она не будет знать различия фронта и тыла, и сила противников будет определяться не столько количеством армии, сколько ее моральным состоянием, техническим вооружением и мощностью тыла

¹ «Правда» от 21 октября 1938 г. — «Процесс германских шпионов в Нью-Йорке».

(предприятий, железных дорог и т. д.). Поэтому экономика страны приобретает большое значение.

Такое законодательство характерно для всех капиталистических стран, однако имеются различия между законами фашистских государств и законами так называемых буржуазно-демократических государств. Это различие идет по двум основным линиям: во-первых, по линии наказания, во-вторых, по линии определения состава шпионажа.

Подробное ознакомление во второй части данной статьи с послевоенным законодательством даст нам возможность установить, что эти законы применяются не только против внешнего шпионажа, не только против шпионов иностранных государств, но и против рабочих внутри своей страны, борющихся против фашистского режима, против капитала.

Таким путем развития буржуазного законодательства о шпионаже.

После этого краткого обзора развития шпионажа мы переходим ко второй части статьи — к уголовно-правовому анализу законов, действовавших и действующих в капиталистических странах против шпионажа.

Приступая к юридическому анализу законов о шпионаже, необходимо подчеркнуть, что основным, характерным вопросом истории развития шпионажа является вопрос об объекте.

Объектом шпионажа в общем смысле является военная и государственная тайна. Нам важно выяснить, что понимали под этим различные законодательства.

В Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г., в главе VII, ст. 20 мы читаем, что объектом шпионажа являются «вести и государевы ратные люди».

В Воинских Артикулах Петра I в главе XVI «Об измене и переписке с неприятелем» мы находим указание, что объектом является военная тайна, под которой понимаются тайные, опасные сношения с неприятелем, сообщение ему пароля или лозунга, воинские дела, войско, крепости.

По французскому уголовному кодексу 1791 г. объектом шпионажа является военная тайна, причем указываются два вида военной тайны: сведения о переговорах, походе или военной операции (ст. 6) и планы укреплений, арсеналов, портов и рейдов (ст. 7).

В этих трех законах — в Уложении царя Алексея Михайловича, в Артикулах Петра I и во французском кодексе 1791 г. — мы имеем дело только с военной тайной и выдачей ее только в военное время.

Code pénal проводит уже различие между государственной и военной тайной, хотя в Code pénal область охраняемых государственных тайн еще ограничена: воспрещены к передаче лишь сведения, которые имеют непосредственное отношение к войне, — предприятия (expéditions) и переговоры (négociations). Военной тайной считалось лишь то, что точно указано в законе, т. е. планы укреплений, арсеналов, портов и рейдов.

Начиная с Code pénal, законодательство уже различает военную и государственную тайну.

В германском Уголовном уложении 1870 г. в § 92 записано: «требуется сохранение государственной тайны, т. е. планов крепостей или таких документов, актов или сведений, сохранение в тайне которых от иностранных правительств необходимо для блага Германской империи или одного из государств Союза».

Надо сказать, что записанное в германском Уголовном уложении 1870 г. очень скоро перестало удовлетворять судебную практику. Германская судебная практика очень скоро показала, что уложение 1870 г. отстает от жизни. Была потребность выяснить те условия, при наличии которых сведения должны считаться таковыми, что сохранение их в тайне признавалось необходимым для блага Германии, и, с другой стороны, в большей степени охватить разновидности шпионской деятельности.

Первый вопрос, т. е. какие сведения считать военной тайной, был разрешен 12 мая 1884 г. Рейхсгерихтом было разъяснено, что наряду с разглашением тайны в собственном смысле пункт 1 § 92 Германского Уголовного уложения предусматривает передачу иностранному государству и таких сведений, ценность которых является относительной, т. е. требуется лишь признать наличие того, что данные сведения не были известны иностранному правительству, а потому подлежат сохранению в тайне.

Здесь мы имеем уже расширение понятия военной тайны: тайными являются не только те сведения, которые определены законом как тайные, а любые сведения, если они не были известны иностранному правительству, могут быть признаны тайными.

Со времени издания германского закона 1893 г. военная тайна уже охранялась этим законом, а тайна государственная попрежнему охранялась § 92 Уголовного уложения 1870 г.

Французский закон 1886 г. объектом шпионажа считал планы, рукописи или секретные документы, имеющие значение для защиты страны или внешней безопасности государства.

Интересно посмотреть, как решало этот вопрос австрийское Уголовное уложение 1852 г. и после него проект Уголовного уложения 1909 г.

По вопросу о критерии военной тайны в Уголовном уложении сказано: «под военной тайной в мирное время надо разуметь относящиеся до военных сил государства или его военной обороны приготовления и предметы, кои не почитаются и не рассматриваются государством как публичные».

Английский закон 1911 г. под объектом понимает «планы, модели, предметы или заметки или иные документы или сведения, могущие по своему своему прямо или косвенно быть полезными для иностранного правительства или могущие оказаться таковыми по обстоятельствам отдельного случая». Кроме того, закон приводит целый перечень запрещенных мест, куда нельзя проникать, т. е., по существу, пополняет этим объект состава преступления.

Наконец, русский закон 1912 г. в качестве объекта шпионажа

рассматривает вообще всякое сведение или предмет, касающиеся внешней безопасности России, вооруженных ее сил или вооружений, предназначенных для военной обороны страны. Кроме того, к закону приложен перечень сведений и изображений, запрещенных к распространению и оглашению. Этот перечень очень велик; он насчитывает 27 пунктов, перечисляет сведения и изображения, которые являются военной тайной.

Интересно остановиться на законе предвоенного времени, — на германском законе 1914 г. По этому закону объектом шпионажа считалось всякое сообщение сведений, содержание которых в тайне требуется интересами национальной защиты империи. В законе совершенно нет указания на то, чего не должны касаться эти сведения, чего нельзя говорить, — «всякое сообщение сведений», независимо от того, какие это сведения.

В § 1 этого закона было запрещено оглашать в печати сведения о передвижении войск и военных судов и состоянии средств обороны, с расширением этого понятия опять-таки на «все сведения». Такое широкое понятие, конечно, в судебной практике вызвало большое количество казусов. Особенно большое количество затруднений вызывали вопросы, когда факт является широко известным. Происходит передвижение войск по улице, происходит посадка солдат на поезд — все это видят, всем это известно, но если кто-нибудь описал бы это в письме, он мог быть привлечен за шпионаж. Поэтому Рейхсгерихт в 1915 г. указал, что факт известности события в широких кругах лиц совершенно безразличен для преступности его опубликования, т. е. он разъяснил, что, независимо от того, что много людей о событии знает, опубликование его или сообщение о нем является составом преступления, и виновный может быть привлечен за шпионаж.

Переходим к современному законодательству. Вопрос об объеме государственной тайны германский фашистский закон 1934 г. решает в § 88:

«Государственной тайной в смысле постановления настоящего раздела считаются письменные произведения, чертежи и другие предметы, факты, а равно сведения о них, сохранение чего в тайне от иностранных правительств требуется для блага Империи, в особенности в интересах обороны страны».

Итальянский фашистский закон — Уголовный кодекс 1930 г. — в ст. 256 говорит:

«Кто добудет сведения, которые в интересах государственной безопасности или вообще в политических интересах государства как внутреннего, так и международного характера должны оставаться в тайне, наказывается исправительным делом от 3 до 10 лет. С точки зрения постановления настоящего раздела, к сведениям, которые должны в политических интересах государства оставаться в тайне, относятся сведения, содержащиеся в правительственных актах, не опубликованных по соображениям политического порядка, как внутреннего, так и

международного. Если дело касается сведений, разглашение которых запрещено компетентной властью, назначается исправительный дом; применяется смертная казнь, если действие поставило в тяжелое положение Итальянскую республику».

Польский закон 1928 г. шпионажем считает «сообщение или передачу кому-либо сведений, документов и иных предметов, которые с точки зрения блага польского государства надлежит хранить в тайне от правительства чужого государства» (ст. 1). Таким образом получается чрезмерно расширенный состав объекта шпионажа, неопределенное расплывчатое постановление, так как тайными сведениями считаются такие сведения, которые нужно держать в тайне для «блага польского народа», а какие это сведения, закон не указывает.

«Под сведениями, документами и иными предметами, указанными в ст. 1, надлежит понимать те, которые, ввиду их содержания или характера, должно хранить в тайне от чужого государства, исходя из блага польского государства, хотя бы распоряжение, определяющее соответствующее служебное действие, не признавало эти сведения и документы или иные предметы тайными или хотя бы сохранение их в тайне от определенного круга лиц было невозможным» (ст. 3 того же закона).

На первый взгляд кажется, что ст. 3 записана в кодексе для того, чтобы разъяснить ст. 1, т. е. какие сведения охраняются государством и являются государственной тайной. Однако ст. 3 не только не разъясняет, а наоборот, запутывает смысл ст. 1, указывая, что сведения не тайные надо держать в тайне даже тогда, когда их невозможно держать в тайне.

В отличие от фашистского законодательства, французский закон 1934 г. более точно очерчивает объект шпионажа. В ст. 1 этого закона говорится:

«Подлежит наказанию тюрьмой сроком от 2 до 5 лет и штрафом от 1000 до 5000 франков 1) каждый, кто во Франции, или во французских колониях, или в иной стране передаст или сообщит, полностью или частью, лицу, не имеющему права на то, чтобы принять или ознакомиться с ними, предметы, принадлежащие армии или флоту, материалы, планы, карты, рукописи, документы или секретные сведения военного, дипломатического или экономического характера, важные с точки зрения защиты или экономической мобилизации национальной территории, французских колоний или стран, находящихся под протекторатом Франции, или с точки зрения внешней безопасности государства...»

Рассмотрение законов о шпионаже, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича и кончая германским законом 1934 г., со всей ясностью показывает и подтверждает наше положение о значительном расширении понятия объекта шпионажа, установлении различия между государственной и военной тайной и, что

особенно характерно, установлении широкого неограниченного понятия объекта шпионажа в законодательстве фашистских стран для того, чтобы любое неугодное фашистам действие трудящихся масс можно было подвести под него.

Переходим ко второму вопросу — о субъекте преступления.

Как решает этот вопрос Уложение царя Алексея Михайловича? В той же статье, о которой мы говорили выше, записано: «Кто, будучи на государственной службе в полках...»

Таким образом субъектом преступления по этой статье являлись солдаты и офицеры, находящиеся на военной службе, и только.

Так же решает вопрос и Военский устав (Артикулы) Петра I. Французский Уголовный кодекс 1791 г. решает этот вопрос следующим образом:

«Субъектом преступления является всякое публичное должностное лицо».

Попытку расширения понятия субъекта мы находим в Code pénal, но это только первая попытка.

По Code pénal субъектом преступления являются только должностные лица, остальные лица при выдаче государственных тайн могут считаться преступниками только в случае применения насилия, подкупа или обмана.

Указанные законы решали вопрос очень узко, так как субъектом преступления были либо солдаты и офицеры действующей армии во время военных действий, либо должностные лица, все остальные не могли быть привлечены по этим законам.

Уже расширенное понятие субъекта мы находим в германском законе 1870 г., однако и в этом законе имеется оговорка. По этому закону субъектом является всякое лицо, но при условии, чтобы виновный знал, что он передает иностранному правительству секретные для него сведения, и, во-вторых, чтобы он сознавал, что сохранение в тайне этих сведений требуется благом Германии.

Германский закон 1893 г., австрийское Уложение, сербский закон о наказаниях, итальянское Уголовное уложение, английский и американский законы 1911 г., как правило, субъектом преступления шпионажа считают всякое лицо и поэтому вводят уже следующую формулу: «кто сообщит», «кто откроет», не упоминая о должностном лице, солдате или офицере действующей армии. По этим законам служебное положение является уже квалифицирующим обстоятельством.

Выше мы уже останавливались на отставании русского законодательства от иностранных законодательств; то же явление мы наблюдаем и в вопросе о субъекте. Если, начиная с 1893 г., германское законодательство определяет субъектом всякое лицо, то в русском Уголовном уложении 1903 г. субъектом являются только русские подданные, и только по закону 1912 г. субъектом является всякое лицо, или, как записывает статья закона, «всякий сообщивший», «всякий открывший».

Вопрос о субъекте германский закон 1914 г. основывает на реальном принципе ответственности. Субъектом является всякое лицо и, кроме того, по этому закону можно привлекать и иностранца, живущего за границей. По германскому закону 1934 г. субъектом является всякое лицо, «которое будет пытаться открыть тайну», по французскому закону 1934 г. — «каждый, кто откроет тайну».

Так же как и в отношении объекта, мы видим большое расширение понятия субъекта преступления.

История развития понятия шпионажа по уголовному праву особенно ярко будет для нас видна при рассмотрении вопроса о способе действия. Развитие науки и техники вынуждает законодателя расширить перечисление в законе различных способов, при помощи которых шпионы пытаются узнавать тайны.

По уложению царя Алексея Михайловича наказуемым способом действия при шпионаже является «изменою из полков переезжати в неприятельские полки и в неприятельских полках сказывати», т. е. два действия — «переезжать» и «сказывать».

По Артикулам Петра I способом действия считалось: «объявление пароля, подача изменнических знаков стрельбою, пением, криком, огнем и сему подобное». Уже по одному этому перечислению мы видим степень развития техники в этот период: шпионаж определялся криком, пением, стрельбою и т. п.

Французский Уголовный кодекс 1791 г. записывает в качестве способов действия «передачу», «выдачу».

Code pénal записывает только «выдачу».

Германское Уголовное уложение 1870 г. как наказуемые способы действия записывает «сообщение или опубликование», «истребление, подложное изменение или устранение секретных документов».

Наконец, французский закон 1886 г. уже расширяет это понятие, опять-таки на основе того опыта, который ему преподавал руководитель прусской разведки Штибер. В этом законе записано: «открытие или сообщение, разглашение в целом или в частях, допущение к похищению, захвату или уничтожению; тот, кто проникнет; тот, кто достанет; тот, кто будет производить съемку планов или топографические выкладки». По этому закону уже можно сделать вывод, что шпионы начали применять фотографию, и закон в соответствии с этим изменяется.

Английский закон 1911 г. способом действия считает: «приближение к запретному месту; тот, кто будет делать кроки, модели, заметки, добудет себе или сообщит кому; тот, кто сообщит; кто удержит у себя план, модель или кто получит план или модель».

Американский закон 1911 г. устанавливает следующие способы действия: «Кто войдет на судно или в адмиралтейство; морскую станцию, порт, батарею, минную станцию; или кто, находясь там, получает, берет, снимает или делает попытку взять, снять, получить документы и т. д.; получение, доставание; сообщение».

Наконец, русский закон 1912 г. записывает: «способствование в собирании сведений или предметов», причем в комментариях говорится, что под способом действия понимается доставление сведений, работа проводником, перенос через границу корреспонденции, подыскание квартир для шпионов, способствование переходу границ. Одно это слово «способствование» дало возможность привлечения к суду еще большего количества людей по делам шпионажа.

Новое по сравнению со всеми перечисленными законами вносит германский закон 1914 г., который содержит два новых положения. Остановимся на них. Закон определяет уже известные способы действия: «сообщение, оглашение в печати, сообщение публично», а кроме того и новые: первое — «узнавание», причем закон никак не объясняет, что надо под этим понимать, и второе — «кто завязывал или поддерживал сношения, имеющие целью передачу документов или сведений, указанных в § 1, с лицом, действующим в интересах иностранного правительства».

Германский фашистский закон 1934 г. дает очень широкий перечень способов действия при шпионаже. Он перечисляет 13 способов действия: «сообщение иностранному агенту; публичная огласка; тот, кто пытается выдать государственную тайну; пытается овладеть государственной тайной; подделка чертежей; выдача поддельных документов; собирание документов», и опять-таки мы встречаем новое — «оглашение или обсуждение государственных тайн *прошлого времени* (подчеркнуто нами — И. С.), уже известных иностранному правительству», т. е. наказуемым является не только передача, но и просто обсуждение государственных тайн *прошлого времени*, уже известных иностранному правительству. Далее: «вступление в сношение с иностранным правительством; кто будет пытаться делать так, чтобы государственная тайна стала достоянием другого лица». В это чрезвычайно расплывчатое определение может быть включена и случайность и неосторожность, потому что здесь нет указания на умысел. Предусматриваются и такие действия, как «служебная халатность» и «производство съемок».

Французский закон 1934 г. предусматривает две категории действий: «1) приготовительные — разузнавание и разыскивание секретов, имеющих значение с точки зрения безопасности государства; 2) исполнительные — передача сведений, передача или сообщение полностью или частью, опубликование или распространение, добывание, проникновение в запрещенные места, фотографирование».

Наконец, американский закон 1933 г. предусматривает следующие способы действия: «сокрытие, изъятие, зачеркивание, фальсификация, уничтожение, продажа, передача, опубликование, предложение».

Таким образом рассмотренный нами вопрос о способе действий показывает, как развитие техники шпионажа, начиная с «переезда» и «передачи сведений» пением и кончая фотографированием, использованием химии и других новейших техниче-

ских достижений, влияло на решение вопроса о понятии способа действия при шпионаже. Здесь мы видим опять-таки расширение законодательства и попытки законодателей шире толковать различные способы, которые могут применяться в шпионаже.

Характерно также, что фашистские законодательства карают не только за действия по узаванию тайн настоящего времени, но даже за обсуждение государственных тайн прошлого времени, уже известных тому или иному иностранному правительству.

Переходим к последнему вопросу из этой части — к вопросу о субъективной стороне. Французский Уголовный кодекс 1791 г. для состава преступления требует прямого умысла. В ст. 6 записано, что шпионом является лицо, «...изобличенное в том, что оно злостно и изменнически передало военную тайну». «Злостно» и «изменнически» показывают на требование прямого умысла. То же самое говорится и в ст. 7: лицо, «...изобличенное в том, что оно злостно и изменнически выдавало планы деятельности и т. д.».

По тексту Code pénal 1810 г. трудно установить, что требуется прямой умысел. По тексту можно предполагать, что любая выдача, как с прямым умыслом, так и случайная, может подпасть под статьи этого закона. По духу законов этого времени можно предполагать, что предусматривается только прямой умысел, но в то время как в ст. 82 (для частных лиц) мы имеем прямое указание на требование для состава преступления прямого умысла, в ст. ст. 80 и 81 (для должностных лиц) этого указания мы не имеем.

Германский закон 1870 г. ставит ответственность виновного в зависимость от того, сознавал ли обвиняемый, что сохранение сведений в тайне необходимо для блага страны, т. е. требует прямого умысла. И сама статья начинается так: «Кто умышленно сообщал, собирал, передавал...».

Французский закон 1886 г. наказует за сообщение и несекретных сведений. Это — первый закон, наказующий за сообщение несекретных сведений, он исключал из состава преступления признак заведомости для обвиняемого о значении передаваемого сведения. Если до этого все законодательство и идет по пути того, что требуют прямого умысла, то французский закон 1886 г. ставит вопрос в другой плоскости, — он не требует заведомости, карая за сообщения секретных и несекретных сведений.

Интересен в этом отношении английский закон 1911 г. На процессе вредителей электростанций т. Вышинский в своем выступлении упоминал об этом законе, когда говорил, что английские обвиняемые говорят, что они не понимали значения нашей ст. 58^б. Он говорил, что если они знали свою статью о шпионаже, то, конечно, наша статья должна была быть для них совершенно ясной.

Статья 2 английского закона 1911 г. гласит: «В случае возбуждения преследования на основании этого параграфа, не требуется, чтобы была доказана виновность обвиняемого в совершении

определенного действия, которое указывало бы на намерение причинить ущерб безопасности или интересам государства. Но достаточно, хотя бы такое действие не было установлено, — для осуждения обвиняемого, если из обстоятельств дела, или из его поведения, или выяснившегося на суде его характера очевидно, что намерение было вредно для безопасности или интересов государства. В случае, если кроки, планы, модели, предметы, заметки, документы или сведения, касающиеся мест запретных, по смыслу настоящего закона будут добыты или сообщены лицом, по службе на сие не уполномоченным, то доколе не доказано противное, надлежит считать, что означенные предметы изготовлены, добыты или сообщены с целью причинить ущерб безопасности или интересам государства».

Если из действий обвиняемого можно установить, что он сделал умышленно, его можно привлекать и заявить: пускай он доказывает обратное. Ту же презумпцию виновности устанавливает английский закон 1911 г.

Русский закон 1912 г. (ст. 111¹) ставит наказуемость в зависимости не только от заведомости, но и от преступного безразличия к содержанию сведений и характеру предмета, т. е. здесь мы видим широкое понятие; те люди, которые должны были применять этот закон, могли его очень широко толковать, относить сюда не только прямой умысел, но и халатность.

Наконец, германский закон 1914 г. заведомости не требует, т. е. незнание того, что запрещено то или иное, во внимание не принимается независимо от того, запрещено или не запрещено передаваемое; если лицо передало такие сведения, оно может быть привлечено к уголовной ответственности.

Французский закон 1934 г., который ставит вопрос в связи с умыслом, устанавливает различия в наказании за умышленное и неумышленное добывание и передачу сведений и предметов, увеличивая наказание за умышленную передачу и смягчая за неумышленную.

Закон с государственной тайне в США от 3 апреля 1933 г. основой ответственности также ставит умысел, употребляя следующие формулировки: «если кто-либо с целью повредить безопасности или иным интересам США», «если кто-либо преднамеренно», «если кто-либо с намерением повредить безопасности или иным интересам США, преднамеренно опубликует» и, наконец, в ст. 3: «Во всяком такого рода преследовании доказательство совершения какого-либо из описанных выше действий должно служить уликой о наличии умышленного причинения вреда безопасности или иным интересам Соединенных штатов».

Первый вывод, который мы должны сделать, заключается в том, что происходит расширение состава преступления шпионажа в капиталистических и особенно в фашистских странах, что дает возможность подводить любое революционное выступление угнетенных трудящихся под государственную измену. Происходит резкое усиление репрессий в странах фашизма, расширение понятий объекта и субъекта шпионажа.

Второй вывод заключается в том, что законы капиталистических государств о шпионаже одной из основных задач своих имеют задачу охраны тайн буржуазного государства, имеют задачей подавление революционного движения. Буржуазное законодательство о шпионаже насчитывает несколько веков, но на всем протяжении оно служило и служит в настоящее время целям охраны не только военных тайн буржуазии от ее противников, но и охраны государственных интересов буржуазии и ее политики не только от иностранных правительств, но и от внутреннего врага — трудящихся своей страны. И очень часто буржуазия пользовалась этими законами для того, чтобы подавить революционную борьбу рабочих в собственном государстве.

Третий вывод: в настоящее время, при крайнем обострении империалистических противоречий, шпионаж является одним из главнейших средств, используемых финансовым капиталом для подготовки и проведения нового передела мира, для порабощения и угнетения народов, для подготовки войны против Советского Союза. Поэтому мы должны твердо помнить и выполнять указание нашего вождя и учителя товарища Сталина, данное им на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.

«Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства»¹.

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и о мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., стр. 20.

ГАЛЬПЕРИН Г. Б.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА)¹

Экономическое положение России к началу XX в. характеризуется взаимным переплетением самого отсталого землевладения с самым развитым промышленным и финансовым капиталом.

Чисто капиталистические отношения в землевладении и в промышленности были придавлены остатками феодально-крепостнических отношений, задерживавших и тормозивших рост и развитие капиталистических отношений в стране.

Помещичьи латифундии выступали как основной пережиток крепостничества в России.

30 тысяч крупнейших помещиков в России имели около 70 млн. дес., т. е. в среднем свыше двух тысяч на каждого, в то время, когда 10 млн. крестьянских хозяйств имели земли примерно в таком же количестве, т. е. в среднем по семь десятин на один крестьянский двор. Ленин, характеризуя положение крестьянства к началу XX в., писал:

«Крайняя нищета массы крестьян, которые привязаны к своему наделу и не могут жить с него, крайняя примитивность земледельческой техники, крайняя неразвитость внутреннего рынка для промышленности, — таковы результаты этого положения вещей».²

Процесс капиталистического развития в сельском хозяйстве расслаивал деревню, где на одном полюсе выделялась небольшая кучка крестьянских богачей, а на другом полюсе миллионные массы крестьянства нищали и были обречены на голод и нищету.

Реформа 1861 г., несмотря на то, что она сохранила помещичьи латифундии, знаменовала собой первый шаг по пути капиталистического развития земледелия.

Пореформенная экономика России быстро развивалась по пути буржуазно-капиталистического развития. Наблюдается переход земли из рук дворянства, сохранившего традиции барщин-

¹ Статья написана по неопубликованным архивным материалам Ленинградского отделения Центрархива и протоколам петергофского совещания, опубликованным Центрархивом в 1917 г.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 504.

но-оборочной системы хозяйства, в руки торгово-промышленного класса и рождающегося класса сельской буржуазии; дробление дворянских имений в результате перехода земли до наследству и частных продаж; возрастание цен на землю и постепенный переход к чисто торговому земледелию и связанное с ним применение более интенсивных форм обработки земли, несовместимое с кабалным полукрепостным трудом, поскольку последний зиждется на обработке земли при помощи примитивного крестьянского инвентаря; усиленная зависимость денежного земледельческого хозяйства от общего хода государственного управления, и в частности от финансовой и таможенной политики самодержавия, и наконец быстрое возрастание влияния торгово-промышленного класса во всех сферах общественной и хозяйственной жизни страны, — все это вместе взятое заставляло часть помещичьего класса считать себя не феодальным сословием, а классом капиталистического общества. Эта часть помещичьего класса склонна была заменить сословные привилегии капиталистическими.

С другой стороны, другая часть помещичьего класса, состоявшая из наиболее крупных помещиков из архиправого реакционного лагеря, запутавшаяся в долговых обязательствах и не сумевшая перестроить свое хозяйство на капиталистический лад, искала спасения от неминуемого банкротства в сохранении за собой привилегий дворянского сословия, возлагая все свои надежды на сохранение феодально-самодержавного режима в стране. В этих противоречиях экономики царской России и таились зародыши будущих разногласий, особенно остро выявившихся на петербургском совещании между крайними правыми группами помещичьего класса — Струковым, Стишинским, с одной стороны, и либеральствующими помещиками — с другой, по вопросу о сословном или бессословном характере будущей Государственной думы.

К началу XX в., как мы уже указывали, в России наряду с самым отсталым землевладением существовал передовой промышленный и финансовый капитал. Русская промышленность быстро росла при помощи иностранных займов. Положение рабочего класса, жестоко эксплуатировавшегося промышленной буржуазией, еще более ухудшалось в результате экономического кризиса, захватившего к началу 1900 г. также и Россию.

В результате буржуазной и помещичьей эксплуатации возросло революционное движение широких масс рабочего класса и крестьянства, направленное против царизма. Экономическое и политическое, внутреннее и внешнее положение страны к началу XX в., развитие революционного движения в годы, непосредственно предшествовавшие революции 1905 г., являлись той базой, на которой вызревала революция 1905 г.

Русско-японская война 1904—1905 гг. и ее бесславный финал с наибольшей полнотой вскрыли гниение и распад всей хозяйственно-экономической и государственно-политической системы царско-самодержавной России.

Подготовленный всем ходом экономического и политического развития рабочий класс шел к революционному перевороту, к уничтожению феодально-сословного строя, к революционной ломке старых, отживших, феодальных учреждений, к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Великий русский рабочий класс в братском содружестве с рабочими и крестьянами многомиллионных национальностей, населяющих Россию, организовался под руководством социал-демократической партии большевиков, накапливая и мобилизуя все силы для грядущих боев в решительных схватках со своими вековыми поработителями и эксплуататорами.

По всей стране на фабриках и заводах поднялась волна забастовок, в деревне начались аграрные беспорядки, являясь ответом на массовые преследования и гонения рабочих организаций в городе и крестьянского движения в деревне. В результате революционного движения рабочего класса нарастало оппозиционное настроение в различных слоях российского общества, а главным образом, среди российской буржуазии и разночинной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Новый класс, класс буржуазии, являясь детищем капиталистической России, завершившей свое буржуазное развитие к началу XX в., занял господствующее положение во всей хозяйственно-экономической жизни страны.

Выступая на авансцену общественного движения в России, буржуазия требовала, в соответствии со своим экономическим господством, адекватного положения в политическом управлении страной. Однако в первых же своих требованиях буржуазия обнаружила трусость и дряблость, обнажая свою контрреволюционную природу. Один лишь рабочий класс выступил как единственно последовательный революционный класс, мобилизовав свои силы в союзе с крестьянством для борьбы с царским самодержавием.

В смертельном страхе перед развизающейся революцией царское самодержавие руками, обогренными кровью рабочих и крестьян, расстрелянных 9 января, издало 18 февраля 1905 г. рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина, в котором сообщалось, что царь «вознамерился привлечь достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». На этом основании на министра внутренних дел возлагалось председательствование в особом совещании по разработке законопроекта об образовании законосовещательной Думы. История возникновения этого акта до настоящего времени остается недостаточно выясненной в литературе, поэтому на ней следует остановиться несколько подробнее.

Приходится прежде всего вспомнить, что еще за два месяца до издания указанного выше рескрипта Николай II вычеркнул из указа 12 декабря 1904 г. пункт 4, предусматривавший допущение выборных представителей в Государственный совет, и зая-

вил при этом, что он никогда не допустит существование представительных учреждений в России. Но революция 1905 г., начавшаяся 9 января, вынудила правительство пойти на уступки и заговорить о созыве законосовещательной Думы. «Петербургский, а затем и весь российский пролетариат поднялся тогда как раз в такой момент, когда либеральная и демократическая кампания банкетов начинала иссякать в своем бессилии, в своей внутренней непрочности. Либералы готовы уже были в конце испортить дело свободы, когда вмешался пролетариат и одним ударом двинул всю телегу»¹.

Либеральная банкетная кампания родила указ от 12 декабря 1904 г., где тщательно вытраивался всякий намек на правительство; события 9 января вынудили правительство издать рескрипт от 18 февраля 1905 г.

Но такая уступка со стороны царского правительства не подрывала, конечно, влияния придворной камарильи, не желавшей ничего слышать о каких-либо намеках на введение народного представительства, и в угоду этим архиправым группам, на которые опиралось царское самодержавие, Победоносцеву было поручено составить проект манифеста о борьбе с крамолой. В этом манифесте «благочыслящие» люди призывались «соединиться в дружном содействии самодержавию словом и делом в одолении упорного врага внешнего, в искоренении в земле крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней».

Этот погромный манифест, призывавший все черносотенные и реакционные элементы к борьбе с революцией, был подписан одновременно с указом Сенату о возложении на комитет министров «сверх дел, ему подведомственных, рассмотрение и обсуждение предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

Следует добавить, что сам царь считал издание манифеста и указа Сенату вполне естественным и соответствующим всему духу и политике кровавого самодержавия, боровшегося с русской революцией. Поэтому, отвечая на вопрос отдельных министров, как следует понимать одновременное опубликование таких двух противоречивых документов, Николай заявил, что он не изменил тому направлению, под влиянием которого был издан указ 12 декабря, и не видит разногласий между манифестом о настроениях и смутах и указом Сенату о праве петиций, а также несоответствия этих документов указу 12 декабря. Это лишний раз подтверждает ту характеристику указа 12 декабря, которая была дана выше. В действительности, мы имеем здесь две стороны одной и той же политики. В системе русского абсолютизма укладывалась и сочеталась политика открытой реакции и борьбы с революцией, с политикой конституционных иллюзий, служивших прикрытием для открытого наступления черносотенной реакции. Рескрипт от 18 февраля 1905 г. исполь-

¹ XVI Ленинский сборник, стр. 235.

зовался царем как дымовая завеса, под прикрытием которой Николай реализовал свой погромный манифест, изданный вместе с рескриптом.

Нечего и говорить, что сам рескрипт, равно как и проект Булыгина, созданный на основе этого рескрипта, ни в какой мере не имели в виду создания в России народного представительства.

Обращаясь к содержанию рескрипта, мы читаем, что, принимая указанное преобразование, царь вместе с тем предвидел всю сложность и трудность проведения его в жизнь «при неперменном сохранении незыблемости основных законов империи». Таким образом, предписывая Булыгину создать комиссию для разработки соответствующего законопроекта о Думе, царь в этом рескрипте, как мы видим, совершенно определенно предопределил направление всех работ этой комиссии: проектируемая Дума ни в коем случае не должна была посягать на незыблемость самодержавия.

Опубликование этого рескрипта и упомянутого выше указа Сенату дало повод различным общественным организациям и отдельным лицам использовать предоставленное им право обращаться к правительству со своими предположениями относительно выработки проекта закона о Думе: одни предлагали принять участие в работах комиссии, другие спешили представить готовые уже проекты.

Не имея возможности остановиться здесь на изложении всех адресов и записок, поступивших в то время в министерство внутренних дел по данному вопросу, мы остановимся лишь на проектах земств, выражавших в основном интересы помещичьего класса, и на адресах торгово-промышленных групп.

К началу XX в. торгово-промышленный класс завоевал господствующее положение в экономической жизни страны и всеми силами тянулся к государственному управлению. Поэтому понятно, что промышленная буржуазия во всех поданных ею адресах заявляла, что предоставление будущей Думе только совещательного голоса не устраивает торгово-промышленный класс. Буржуазия просила наделить Думу правом решающего голоса в разрешении законодательных вопросов. Так, например, по сообщению журнала «Право» 19 июля 1905 г. состоялся совещание заводчиков и фабрикантов г. Петербурга, которые настаивали на подаче заявления министру финансов о том, что созыв Государственной думы с одним только совещательным голосом не успокоит существующих волнений и никого не удовлетворит, потому что народное представительство без права решающего голоса сведется только к комиссии экспертов¹.

Такого же мнения придерживались и московские торгово-промышленники. Представители Московского биржевого комитета в письме, помещенном в № 200 «Русских Ведомостей», высказывались, например, за то, что будущему народному предста-

¹ «Право» № 30 за 1905 г.

вительству необходимо предоставить право решающего, а не совещательного голоса в законодательстве страны.

В отличие от требований промышленной буржуазии о законодательной Думе земские помещики охотно мирились с законодательной Думой и ходатайствовали лишь о том, чтобы им было позволено принять участие в разработке соответствующего законопроекта. Отдельные земства создали даже специальные комиссии для разработки проектов будущей Думы; проекты эти обсуждались на земских собраниях, передавались затем как материал в Булыгинскую комиссию. Так, например, в проекте, представленном Петербургским земством, земские деятели прежде всего спешили заявить о том, что не следует заниматься специально разработкой системы выборов, ибо это потребовало бы очень много времени, а с созывом Думы необходимо *всемерно спешить для успокоения умов*. Исходя из этих соображений, комиссия выработала и представила на обсуждение чрезвычайного губернского земского собрания лишь схему состава и круга деятельности будущего представительного органа. Губернское земское собрание одобрило представленную схему, и целый ряд пунктов этой схемы целиком или с некоторыми изменениями получил впоследствии осуществление в Булыгинском законопроекте. Одновременно петербургское губернное земское собрание возбудило ходатайство о приглашении его представителей в правительственное совещание. Но все эти ходатайства и проекты не получили никакого движения. Булыгин решил никакого совещания не созывать и никаких представителей не приглашать.

В нашей литературе по этому вопросу издавна установилось совершенно неправильное представление о Булыгинском проекте как результате какого-то совещания — это основывается, видимо, на тексте самого рескрипта, коим Булыгин обязывался такое совещание созвать. В действительности же, вопреки прямому указанию рескрипта, никакого совещания по этому поводу не было; проект был выработан канцелярским путем и обсуждался затем, как мы увидим ниже, на совещании под председательством царя в Петергофе.

Разработав в тиши бюрократической канцелярии министерства нужный проект, Булыгин представил его на рассмотрение Комитета министров с обширной объяснительной запиской, в которой подробно изложил основания, коими он руководствовался в своей работе.

Знакомясь с этими проектами, мы прежде всего видим, что центральным вопросом, на котором сосредоточилось внимание автора, был вопрос об избирательной системе будущего правительственного органа, причем Булыгин в своей объяснительной записке довольно откровенно объяснил причины этого. «От оснований, на которых будут произведены выборы, — указывалось в записке — зависит, нет сомнения, и самый состав имеющих быть избранными лиц, зависят и те воззрения и та степень понимания дел государственного управления, которые они принесут с собою. Те слои населения, определяемые размером владе-

емого имущества, которые будут призваны к участию в выборах, предрешат и деятельность выборных, и свойства их отношений к падающей на Думу сложной задаче, и самую способность их разобраться в этой последней. Правильная, отвечающая государственным интересам постановка выборов составляет поэтому одну из самых существенных вопросов предстоящего преобразования, ибо вокруг него сосредоточивается все политическое значение этой меры. И не без оснований поэтому правительства всех стран относились к этому вопросу с особой осторожностью, тщательно приспособляя основания выборов и размеры имущественного ценза к тем отношениям, в которых государственная власть предполагала стать к представительству интересов и мнений населения... Для спокойного и осторожного проведения в жизнь подобного преобразования имеется лишь один правильный и надежный путь — это привлечение к участию в избрании членов Государственной думы те именно общественные слои, которые, участвуя в учреждениях местного самоуправления, приобрели уже достаточный опыт в ведении общественных дел»¹.

Исходя из этого основного для него положения, министр внутренних дел ставил своей задачей построить избирательную систему, обеспечивавшую такой состав членов Государственной думы, интересы и отношения которого вполне совпадали бы с интересами царского самодержавия. Булыгин полагал достичь этого сохранением для выборов в Думу цензов, установленных для выборов земских гласных. При этом, принимая в основном земское положение 1864 г., Булыгин изменил его следующими двумя дополнениями, заимствованными из Положения 1890 г. С одной стороны, увеличивался и без того высокий земельный ценз для того, чтобы обеспечить участие в Думе крупных помещиков-дворян и создать вместе с тем пути для отсева по возможности мелких землевладельцев. С другой же стороны, авторы проекта отказывались принять в качестве цензового признака для торгово-промышленного класса сумму оборота. Этим обеспечивалось представительство верхушки торгово-промышленной буржуазии и, напротив того, лишались избирательных прав мелкие и средние ее слои.

Но вместе с тем министр внутренних дел не мог не уделить в своем проекте внимания той роли, которую предстояло сыграть в будущих выборах крестьянству. Обращаясь к обсуждению главнейших начал, которые должны были быть положены в основание распределения числа выборщиков между отдельными разрядами владельцев, Булыгин выступил против того течения в Комитете министров, которое считало необходимым, чтобы выборщики от крестьян, владеющих надельной землей и составляющих класс населения, обособленный в гражданско-правовом отношении от других его разрядов, избирались по всем ступе-

¹ У.Ц.Г.А.Л. Архив. внутр. полит. культ. и быта 1905 г., фонд ком. министров д. № 23 л. 2—4.

ням выборов отдельно от частных владельцев и самые выборы членов Государственной думы производились ими в отдельном собрании, без смешения с выборщиками от лиц других сословий. Свою точку зрения он аргументировал двумя соображениями. Он считал, во-первых, что опорой царского самодержавия является дворянство, что за ним в первую очередь необходимо обеспечить надлежащее влияние в Государственной думе; во-вторых, он опасался, что крестьяне могут поддаться общим «увлечениям» и тем взглядам и мыслям, которые будут подказаны им со стороны. По его словам, крестьяне явятся в Думе «элементом совершенно бесполезным». Веря в консерватизм крестьянства, он, тем не менее, боялся их политического пробуждения и заранее предвидел, что если в Думе создается преобладание крестьянства и не будут приняты нарочитые меры к тому, чтобы дворянству было обеспечено надлежащее число мест, преобладание крестьянства неминуемо приведет к самым серьезным последствиям. Крестьянство, по словам Булыгина, не только не принесет пользы для дела, но «при случае может даже причинить правительству немалые затруднения». «Нужно спастись от крестьян» — восклицает Булыгин — и не думать об их недостатке в Думе. Именно боязнь крестьянства, боязнь его пробуждения к сознательной политической жизни и сознания им своих классовых интересов были продиктованы роль и место крестьянства, предоставленные ему на выборах в государственную Думу.

Таким образом, избирательная система Булыгинского проекта представляла собой не что иное, как соединение двух реакционных положений: земского самоуправления 1864 г. и помещичье-черносотенного закона 1891 г. о выборах в земские учреждения. Вся эта реакционно-черносотенная смесь выдавалась за новую систему выборов в представительный орган страны. Таким образом предшественниками Булыгина по фабрикации избирательной системы являлись Валуев и Толстой, олицетворявшие собою помещичье-дворянскую реакцию 60—90-х годов.

В таком же виде проект совместно с сопроводительной объяснительной запиской министра внутренних дел был представлен для обсуждения в Комитет министров. В заседании Комитета 30 мая 1905 г. под председательством Сольского, проект этот подвергся серьезным изменениям и дополнениям.

В настоящей работе, конечно, невозможно изложить полностью все замечания и прения по поводу этого проекта и поэтому останавливаемся лишь на более существенных моментах.

Особенно серьезное значение Комитет придавал вопросу относительно компетенции Думы в области финансовых мероприятий. Здесь прежде всего Комитету казалось необходимым обратить внимание на мероприятия, именуемые чрезвычайными, т. е. предназначенные на чрезвычайные расходы. Комитет полагал, что меры эти, поскольку они относятся «к области действий распорядительных, а не законодательного характера», не могут войти по точному смыслу рескрипта 18 февраля в компетен-

цию Думы. В частности, по вопросу заключений государственных займов Комитет находил, что по самой сущности кредитных операций нельзя возлагать на многолюдное выборное учреждение «рассмотрение займов в отношении порядка и условий их совершения (способа и времени осуществления срока и т. д.). Точно также должно быть изъято из ведения Думы рассмотрение отчетов по исполнению росписи, а также отчетов государственного банка, ибо Дума, будучи учреждением законосовещательным, не должна касаться вопросов собственно финансового управления». Иначе говоря, Комитет недвусмысленно и в самой категорической форме высказался за то, чтобы не допустить представительный орган к обсуждению финансовой политики правительства. Экономика страны должна, по мнению Комитета, быть тщательно скрыта даже от такого «представительского» органа, каким мыслилась Булыгинская дума. Ввиду этого финансовая деятельность царского самодержавия во всех ее звеньях была ограждена от какого-либо вмешательства в нее Думы.

Обсудив далее вопрос об участии Думы в рассмотрении дел о принудительном отчуждении имущества и временном занятии их для государственных и общественных надобностей, Комитет считал необходимым отметить, что «существующий порядок разрешения сих дел и ныне вызывает нарекания на обусловливаемую им медленность производства. Обсуждение Думой усугубило бы недостаток и отразилось бы более неблагоприятно на деле нашего железнодорожного строительства, которое и теперь немало им замедляется». Ввиду этого Комитет признал целесообразным исключить данные вопросы из ведения Думы.

Весьма интересно обратить внимание на то обстоятельство, что царские министры избрали своим излюбленным методом для отвода ряда вопросов из сферы деятельности Думы ссылку на такой благовидный повод как медлительность, с которой якобы связано рассмотрение тех или иных вопросов в Думе, и это в то время, когда сотни и тысячи вопросов покрывались архивной пылью в недрах бюрократических канцелярий, дожидаясь годами своего разрешения.

Наконец, внесены были также коррективы в порядок законного конституирования заседаний Думы... «Комитет министров... находил необходимым постановить, что заседания Думы и ее отделов могут почитаться законно состоявшимися лишь при условии участия в общих собраниях не менее $\frac{1}{3}$ и в собраниях отделов не менее $\frac{1}{2}$ всего числа членов (вместо $\frac{1}{5}$ по предположению проекта). Прения вызвал также вопрос о дальнейшей судьбе рассмотренных законопроектов. По мнению председателя и 17 членов Комитета, посвященные этой теме статьи должны быть изложены так: «Законодательные предположения, отклоненные большинством членов в общих собраниях, как Государственной думы, так и Государственного совета, возвращаются надлежащему министру или главноуправляющему отдельною частью для дополнительных соображений».

«Законодательные предположения, одобренные большинством членов в общих собраниях Государственной думы и Государственного совета или в общем собрании хотя бы одного из сих установлений, представляются на высочайшее благоволение председателем Государственного совета с заключением общих сих установлений».

«Законодательные предположения, рассмотренные в общих собраниях как Государственной думы, так и Государственного совета, представляются на высочайшее благоволение председателем Государственного совета в особых мемориях с изложением в них мнений как большинства, так и меньшинства членов обоих законосовещательных учреждений, а также особых мнений отдельных членов, если таковые последовали».

Мы уже указывали на то внимание, которое уделял министр внутренних дел в своем проекте вопросу о выборах в Думу. С наименьшим вниманием отнесся к этому вопросу и Комитет министров. Повышенный интерес, который проявлялся со стороны царских министров к избирательной системе Булыгинской думы, объяснялся тем значением, которое придавало царское самодержавие выборам в Думу. По замыслу царской челяди, выборы должны были обеспечить такой состав будущего представительного органа, который ни в чем не расходился бы с самодержавным строем. На это и были направлены все те хитросплетения, которые ткались в бюрократических лабиринтах царских канцелярий вокруг этих выборов. Можно смело сказать, что, пожалуй, ни в одном вопросе, касавшемся структуры или компетенции будущей Думы, царское самодержавие не дошло до такой откровенности и цинизма в выявлении и защите своих классовых интересов, как именно в вопросе об избирательной системе. Отнюдь не скрывая своих планов по этому поводу, а наоборот, всемерно их подчеркивая, царское самодержавие в лице своего министерства прямо и открыто заявило, что основная задача избирательного закона в Думу заключается в том, чтобы обеспечить помещичье-дворянский ее состав и закрыть доступ туда представителям широких масс. Эта установка с наибольшей наглядностью выявляется при ознакомлении с прениями по избирательной системе в Комитете министров.

При обсуждении третьей части проекта «об основаниях и порядке выборов членов Государственной думы», Комитет министров остановился на п. 9 ст. 104 проекта о лишении избирательных прав евреев. Высказавшись против этого, Комитет следующим образом аргументировал свое мнение: «Отказ евреям в праве, которое по силе рескрипта 18 февраля 1905 г. может почитаться дарованным всему населению империи, несомненно, раздражит еще более эту нацию и ныне уже, благодаря экономическим и правовым условиям, находящуюся в значительной своей части в состоянии брожения. К успокоению ее надлежит стремиться всеми возможными мерами и, без сомнения, следует избегать вносить в среду ее новый горячий материал. С другой же стороны, нельзя забывать, что устранение евреев от не-

посредственного участия в выборах отнюдь не обеспечит выборы в Государственную думу от косвенного их влияния, которое всегда возможно через посредство христианских участников. Между тем, что повлечет за собою дарование евреям этого права? С предположенным министром внутренних дел установлением ценза от участия в выборах будет фактически отстранено все главное еврейство — его пролетариат. В Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнение 400—500 ее членов. А при таких условиях предполагаемое устранение евреев представлялось по политическим и практическим соображениям мерою неудобной, и не обещало никаких полезных результатов, следовательно, оно подлежит отклонению как по основаниям справедливости, так и по основаниям политической осторожности». Эта мотивировка, приводимая Комитетом министров, столь ярко и красноречиво говорит сама за себя, что ни в каких комментариях не нуждается.

Вторым вопросом, который вызвал прения в Комитете министров, был вопрос об участии окраин в выборах. При обсуждении его в Комитете выявилась с полной ясностью вся шовинистическая руссификаторская политика царского самодержавия. В своей мемории Комитет считал нужным указать, что «заключение о желательности участия всех местностей империи в производстве выборов отнюдь не должно предрешать вопроса о полной равномерности такого участия. По соображениям не только политической целесообразности, но и простой справедливости известное преимущество должно быть дано коренным русским областям..., на плечах которых и до сих пор окраины продолжают лежать тяжелым бременем». Распределение числа выборщиков между отдельными группами избирателей губернии было предположено провести пропорционально суммам уплачиваемых этими группами налогов. Такой порядок имелось в виду применить при определении числа членов Думы как в губерниях, управляемых по общему учреждению, так и на окраинах, управляемых по особенным учреждениям.

Разверстка должна была производиться пропорционально суммам уплачиваемых этими районами налогов без учета расходов государства по данным районам. Если принять такой метод расчета и остановиться для губерний, управляемых по общему учреждению, с одной стороны, и губернии Ставропольской, равно как и области Войска Донского — с другой, на указанной Булыгиним норме один депутат на 250 тыс. человек населения и иметь при этом в виду, что налоговая квота в этих губерниях выражается цифрой 7,13 руб. на 1 жителя, а в окраинах, управляемых по особым распоряжениям, она составит 5,50 руб. на 1 жителя, то норма выборов для окраин выразится цифрой 1 депутат на 325 тыс. Но, принимая во внимание, что поземельный налог в силу манифеста 1896 г. уплачивался центральными губерниями в половинном размере и что поэтому нормальная налоговая их квота была бы несколько выше, было бы правильно указанную цифру повысить примерно до 350 тыс.

Таким образом Комитетом министров устанавливается еще более вопиющее неравенство представительства центра и окраин, чем это даже предположено было проектом.

Обсуждая вопрос о всеобщем голосовании, Комитет министров указывал: «В лучшем случае, при условии устранения случайности и посторонних влияний, состав избранных населением членов Государственной думы складывался бы, по всей вероятности, преимущественно из лиц низших слоев населения, совершенно неподготовленных к этому делу».

Совершенно очевидно, что именно боязнь народных масс и являлась движущим мотивом, коим царские министры руководствовались, когда они фабриковали избирательный закон. Именно это, а не что-нибудь другое и определило узко классовый и ограничительный характер избирательного закона Булыгинской думы. Под этим углом зрения проходила вся работа Комитета министров по рассмотрению Булыгинского проекта.

Коснувшись вопроса об участии офицерства в выборах, Комитет высказался по этому поводу отрицательно по следующим соображениям: «Производство выборов в Думу несомненно будет сопряжено с весьма широкой агитацией. Участвовать в этой агитации будут весьма разнообразные элементы. Допущенные к выборам строевые офицеры пройдут целую политическую школу и могут попасть в такую политическую волну, воздействие которой на них может оказаться отнюдь нежелательным». По мнению двух членов Комитета (Витте и Трепова) допущение лиц офицерского звания к выборам представляется едва ли осторожным и не соответствующим условиям жизни монархического государства. Другие члены Комитета, однако, указывали, что значительное большинство офицеров, и именно строевых, не обладает имущественным цензом и таким образом останется вне выборов. Кроме того, лишение лиц офицерского звания этого, присвоенного всему прочему населению, права представлялось бы весьма неудобным с принципиальной точки зрения. Поэтому Комитет признал необходимым допустить лиц офицерского звания к выборам. В данном случае мы встречаемся с той же самой формулировкой, которая была применена в вопросе о лишении избирательных прав евреев.

Отсюда мы можем заключить, что общая линия, взятая Комитетом министров, была направлена на то, чтобы в тех случаях, когда по соображениям политической осторожности нельзя было действовать методом прямого устранения тех или других групп от выборов, царское правительство имело в запасе такую могучую и надежную преграду, как имущественный ценз. Поэтому под защитой этого ценза признавалось возможным предоставить избирательное право тем или другим группам. Однако тут же Комитет министров с достаточной откровенностью признавался, что все равно большинство представителей некоторых групп не смогут воспользоваться этим правом ввиду отсутствия у них требуемого законом имущественного ценза. Таково полицейское лицемерие, пронизывавшее всю политику царского правительства.

Идя по этому пути, Комитет министров признал возможным в число избирателей включить плательщиков квартирного налога, но опять-таки с той оговоркой, что это должны быть плательщики не ниже 10 разряда. Таким образом снова выдвигается то же самое соображение о необходимости избегать излишнего расширения круга избирателей. За исключением этих поправок Комитет министров полностью принял схему Булыгинского проекта Государственной думы.

С особым удовлетворением Комитет принял проводимое Булыгиным ценовое начало, подчеркивая в этом классовый помещичье-дворянский характер всего проекта. Полностью солидаризуясь с принципами построения избирательного закона, выдвинутыми Булыгиным, или, вернее говоря, выражая свое согласие на переиздание земского положения 1864 г. в Булыгинской редакции, Комитет министров, как бы в знак полной классовой солидарности царских министров с российскими помещиками, дословно повторил в своей мемории те доводы, которые приведены Булыгиным в его проекте в защиту ценового начала, отраженного в Положении 1864 года.

Таким образом как Булыгин, так и Комитет министров в целом ограничивали контингент будущих избирателей составом земских избирателей, и какое-либо расширение этого круга считалось в министерствах опытом весьма опасным и рискованным. В работах над избирательным законом перед взорами чиновничьей олигархии стояло земское положение 1864 г.: они снимали с него копию, рабски воспроизводя при этом все детали этого, далеко не отвечавшего интересам населения закона. Так, в царских канцеляриях единодушно было решено полджить в основу нового избирательного закона земское положение 1864 г.

Решая вопрос об установлении многостепенных выборов, Комитет министров пришел по существу к тому же заключению: не отступать ни на шаг от Положения 1864 г. «Ввиду невозможности установить выборы на началах прямой подачи голосов — говорится в мемории — выборы предполагается обосновать на началах степенности. В этом отношении признается наиболее удобным принять с некоторыми поправками ту же систему, которая установлена положением для выбора земских гласных, т. е. в каждой губернии образовать избирательные собрания уездных и губернских.

...Комитет признал необходимым высказаться за упразднение уездного избирательного собрания, установив при этом, что уездные съезды всех трех разрядов (уездных, городских и волостных) избирают выборщиков прямо в губернское избирательное собрание».

Одобренный Комитетом проект поступил на рассмотрение специально созданного для этой цели совещания под председательством царя в Петергофе 19 июля 1905 г.

Петергофское совещание является вторым этапом рассмотрения Булыгинского проекта.

Совещание, созданное в Петергофе, открылось 19 июля 1905 г.

под председательством Николая Кровавого. В состав совещания, кроме министров и великих князей, входил весь цвет черносотенных реакционных элементов царской России. Наиболее полно были представлены махровые реакционные представители союза объединенных дворян во главе с такими реакционерами, как Стишинский, Струков и др. Всю эту царскую камарилью возглавляли оберпрокурор синода Победоносцев и генерал Павлов.

Эту реакционно-придворную группу дополнили русским историком В. О. Ключевским и профессором уголовного права сенатором Таганцевым. Среди всей патрицианской знати оба они были «единственными плебеями», которых, скрепя сердце, пригласили на царское совещание. Отношение русского историка к этому совещанию характеризуется тем, что когда В. О. Ключевского пригласили в предсоборную комиссию, он два раза очень упорно отказывался, говоря: «что я туда поеду? Им ведь только мой ученый ярлык нужен, а там под этой вывеской сделают все». Говоря о некоторых членах Государственного совета в их отношении к первой Думе, Ключевский выразился так: «Они хотят, чтобы Дума была похожа на кошку, которой наступили на хвост и смотрят, как она будет мяукать»¹.

Открывая совещание, Николай II определил цели и задачи совещания и наметил программу работы.

После выступления царя не осталось и тени сомнения, что не могло быть и речи о каком-либо ограничении самодержавия, ибо было прямо заявлено, что манифест 18 февраля имеет своей целью укрепление самодержавия. Под этим углом должна была строиться вся работа совещания, которому предстояло установить, соответствует ли проект основным законам и направлен ли он на укрепление самодержавия. В ответ на это вступительное слово председатель Комитета министров граф Сольский поспешил заерить царя, что проект не нарушает начал самодержавия и не содержит ограничивающих самодержавие постановлений. Это заявление своего председателя поддержали остальные министры, свидетельствуя о своем единодушии в сохранении и укреплении самодержавия. Однако эти заверения не удовлетворили представителей объединенного дворянства, и они поспешили обрушиться прежде всего на подозрительную в их глазах ст. 42 проекта, где говорилось о том, что законодательные предложения, отклоненные большинством членов в общих собраниях как Государственной думы, так и Государственного совета, возвращаются подлежащему министру для дополнительного соображения... По мнению Стишинского, предложенный статьей 42 порядок находится в принципиальном несоответствии с основными законами и «сохранение обсуждаемой статьи в учреждении Думы грозит опасными на практике последствиями. Она будет истолкована как намерение приблизиться к существующим на Западе порядкам издания законов и послужит, вероятно, для Ду-

¹ Мария Голубовская, Воспоминания о Ключевском, Юбил. сб. исторических материалов, 1814—1914 гг. Москва, 1914.

мы одним из поводов домогаться дальнейшего расширения представляемых ей прав и новых уступок до установления ответственности министров включительно». По этим соображениям Стишинский полагал необходимым исключить статью 42. Эта статья вызывала разногласия еще при обсуждении проекта в Комитете министров, причем тогда два члена высказывались за то, чтобы законодательный проект, не получивший большинства в Государственной думе и Государственном совете, не возвращался для обработки соответствующему министру, а докладывался царю с изложением мнений большинства и меньшинства членов Государственной думы и Государственного совета. Поддерживая этот вариант, Стишинский в качестве главного аргумента выдвигал то обстоятельство, что принятая в проекте редакция таит в себе скрытый намек на законодательные функции Думы. Это считалось уже посягательством на прерогативы монарха, цельность и незыблемость которых так бережно оберегали дворянские холуи.

Запронутый вопрос о 42 статье вызвал широкие прения на совещании, причем Сольский тут же сделал заявление, что 42 статья и у него вызвала сомнения, но он уповал на то, что с практической точки зрения случаи отклонения проекта большинством обоих законосовещательных учреждений будут, без сомнения, крайне редки. Другие участники совещания уверяли царя, что смысл нового законопроекта совершенно ясен... и если в распоряжении власти окажутся достаточные средства для обеспечения точного исполнения предстоящего к изданию закона, то взирать на будущее можно с полным спокойствием, с уверенностью в бесплодности всяких попыток поколебать принцип самодержавной власти.

На помощь и выручку Стишинскому в отстаивании его мнений выступил Нарышкин, который из кожи лез вон для того, чтобы доказать, что 42 статья посягает на основные законы и преграждает царю «свободный выбор... между мнениями большинства и меньшинства».

Игнатьев считал, что в проекте нет прямого противоречия основным законам, но тем не менее новое учреждение спроектировано «все же на основаниях, едва ли вполне соответствующих первоначальным предположениям, которые можно было бы себе составить на основании рескрипта 18 февраля 1905 г.». «Дума, — говорил далее Игнатьев, — построена на тех же, в сущности, основаниях, как наши земские учреждения. И если эти последние во многих губерниях не удалось удержать в границах отведенной им по закону деятельности и земские собрания обращаются нередко в политические говорильни, то еще труднее будет справиться с этой задачей в отношении Думы при современном течении общественной мысли и стремлении тех лиц, которые считаются ее руководителями.

Поэтому при определении объема прав нового учреждения необходимо быть в высшей степени осторожным и не колебать того, с чем искони свыклось население, без всякой к тому необ-

ходимости. К числу таких нежелательных и опасных по своим последствиям нововведений относится статья 42 проекта».

В процессе обсуждения 42 статьи и связанного с нею вопроса о прерогативах самодержавной власти бдительные царедворцы из лагеря объединенного дворянства обнаружили, что самый термин «самодержавие» не встречается ни в первой статье проекта, ни в тексте присяги, которую приносят члены Думы. Ввиду этого Игнатьев и другие представители этой группы считали желательным не только упомянуть в проекте о самодержавии, но с точностью выразить самодержавную власть. Эту мысль выразил Стишинский в представленной им новой форме присяги следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, обещаем... исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной думы, по крайнему нашему разумению и силам, как верноподданные самодержавного нашего государя».

Рабский стиль этой присяги пришелся по вкусу палачу русского народа, и он тут же заявил: «Мне нравится в общем эта форма. Она короче и гораздо яснее». Этим предрешил вопрос о формально-юридическом признании будущими членами Думы самодержавной и неограниченной власти помещичьего царя.

Но и на этом представители реакционного дворянства не успокоились. Голенищев-Кутузов предостерегающе указывал, что... «Во всякое время необходимо соблюдать особую осторожность при издании законов, в какой бы то ни было степени соприкасающихся с вопросом о правах самодержавной власти, а в настоящую тяжелую для России минуту надо неуклонно руководствоваться тем, чтобы не принимать никаких мер, сколько-нибудь противоречащих принципу самодержавия. Необходимо стремиться к тому, чтобы всячески поддерживать самодержавие и тем оградить его от стремящихся поколебать его течения». «Этому требованию проект едва ли отвечает, и посему он не может соответствовать вожелениям большинства русского народа. Проект, — говорил в заключение Голенищев-Кутузов, — отвечает принципу только с формальной стороны, по своему же духу он прямо ему противоречит. Самое свойство выборов в Думу не исторически русское, не сословное, а парламентское, заимствованное из западноевропейских образцов, чуждое русскому народу. Результаты таких выборов поведут не к укреплению самодержавия, а к опаснейшим последствиям, возбуждая к себе по различным основаниям враждебное отношение всех групп населения, они внесут большую, чем ныне, смуту, и в конце концов самый принцип самодержавия будет поколеблен». Такова была оценка проекта со стороны наиболее реакционных зубров из общества объединенных дворян.

Перейдя затем к постатейному разбору проекта, совещание остановилось на статье 1. Победоносцев предложил оговорить именно в этой статье, определяющей сущность нового органа, незыблемость самодержавной власти. По этому вопросу произошло разногласие между царем и председателем департамента

гражданских и духовных дел Государственного совета Герардом, который считал, что «если уже признается необходимым оговорить о сохранении незыблемым самодержавия, то удобнее сказать об этом в манифесте, а не в законе. Для достижения преследуемой цели — это все равно». «Нет, не все равно, — возразил ему Николай II, — манифест прочтется и забудется, а закон о Думе будет действовать постоянно». Обсуждение этой статьи закончилось представлением Фришем новой редакции данной статьи, в которой говорилось, «что Государственная дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения предположений, восходящих по силе основных законов через Государственный совет к верховной самодержавной власти». Эта редакция статьи I получила царское одобрение и была принята.

Приняв первую статью, совещание перешло к обсуждению следующих статей проекта. Как видно из содержания протокола, разногласие вызвал вопрос о председателе Думы (ст. 10 проекта). В Комитете министров голоса по этому вопросу раскололись: четыре члена полагали, что на усмотрение царя должны представляться два кандидата на должность председателя Думы. Мотивируя на совещании мнение четырех, Трепов заявил: «Мнение четырех основано, главным образом, на том, чтобы не приходилось утверждать неугодного кандидата. Избрание коего нежелательно». На это царь заметил: «например, Петрункевича», и тотчас же заявил: «Разделяю мнение четырех». Таким образом председатель Государственной думы фактически не избирался, Дума лишь подбирала подходящих кандидатов и одного из них царь назначал председателем.

Заслуживают внимания прения и принятая редакция 15 статьи. Выступая по этому вопросу, великий князь Алексей Александрович предложил «исключить из статьи 15 ее начало, где говорилось о том, что члены Думы не связаны в своих суждениях какими-либо указаниями избирателей». Возражая на это, Сольский заметил, что это правило имеет в виду самостоятельность суждений членов Думы, которые не могут быть стеснены мнениями своих избирателей при разрешении общегосударственных вопросов. На помощь, как обычно, выступил председатель департамента государственный статс-секретарь Фриш, специализировавшийся на составлении редакций, угодных царю. «Великий государственный комбинатор» предложил соединить статьи 15 и 16, исключив начало первой, сказав, что члены Думы пользуются полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчитываться перед своими избирателями. В результате такой редакционной поправки была полностью уничтожена какая бы то ни было даже моральная ответственность депутата перед своими избирателями. Далее, при обсуждении статьи 23 у самодержавного монарха возникло сомнение по поводу десятирублевой дотации членам Думы. «Равенство хорошо, — сказал он, — но оно не всегда справедливо», на что последовала реплика министра внутренних дел Булыгина, заметившего, что «едва ли возможно уменьшить вознаграждение для

членов Думы из крестьян». В ответ на это царь объяснил, что он не имеет в виду уменьшить вознаграждение крестьянам, а лишь полагал увеличить это вознаграждение для не крестьян. По этому вопросу выступил Сольский, убеждая, что делать различие в вознаграждении между членами Думы неудобно.

Второе заседание состоялось 21 июля 1905 г. В начале второго заседания царь предложил вернуться к обсуждению просмотренных ранее статей для того, чтобы дать возможность высказаться тем членам совещания, которые не успели этого сделать на первом заседании. Большие прения на совещании вызвало обсуждение 35 статьи, предусматривавшей право Думы вносить предложения об изменении действующих законов и издании новых. Обсуждение этого вопроса вызвало новый припадок реакционно-защешенства; помещичье дворянство открыто выразило боязнь за ущемление своих классовых интересов.

Открывая прения по этому вопросу, присяжный оратор из общества объединенных дворян Голенищев-Кутузов заявил, что по его мнению «статья эта представляется недостаточно определенной в том отношении, что не дает прямого ответа на вопрос, имеет ли Дума инициативу предложения новых налогов или производства новых расходов. Небесполезно при этом отметить, — говорил он, — что даже в Англии, этой классической стране парламентаризма, палаты лишены этого права. Нельзя не опасаться, что свободный почин Думы по всем вопросам, связанным с новыми расходами из казны, поведет и у нас к чрезмерному обременению платежных сил населения. Осторожнее было бы несколько сузить в указанном направлении... право Думы, постановив в законе, что возбужденные ею предположения не должны иметь своим предметом такие мероприятия, которые сопряжены с новыми бюджетными издержками».

Интересно здесь отметить, что в то время когда царедворцы с крайней боязнью относились ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало западноевропейский парламентаризм, чуждый, по их словам, русскому духу, реакционные зубры типа Голенищева-Кутузова и др. не брезгали оперировать ссылками на глубоко ненавистный им парламентский режим Англии, если только это давало им лишний довод для защиты своих реакционных позиций. Но даже министр юстиции Манухин вынужден был признать, что лишение Думы права возбуждать законодательные предложения, связанные с производством новых расходов, равносильно совершенному отнятию у нее законодательного почина, ибо все вообще новые мероприятия требуют для своего осуществления известных денежных средств. Полемизируя с Манухиным, Голенищев-Кутузов указал на такие законодательные вопросы, которые не связаны с денежными затратами, и доказывал, что именно такие вопросы и могут быть предметом законосовещательной деятельности будущей Думы. «Усовершенствование уложения гражданского, уголовного и пр., — говорил он, — не влечет за собою никаких расходов. На этих именно отраслях законодательства и должно сосредоточиться внимание Государствен-

ной думы, — инициативу же установления налогов предоставлять ей было бы неосторожно».

Таким образом ультраправое крыло совещания предполагало ограничить законосовещательную инициативу будущей Думы лишь такими вопросами, которые не потребовали бы денежных затрат. Совершенно ясно, что под этим предлогом можно было свести «на-нет» любой вопрос. Голенищев-Кутузов неосмотрительно назвал в качестве темы, относящейся к компетенции Думы, усовершенствование уголовного уложения. Стоит только вспомнить, сколько чернил в министерских канцеляриях было исписано по вопросу о том, что уголовное уложение 1903 г. требует перестройки всей карательной системы (а следовательно, новых расходов), чтобы, идя по пути, указанному Голенищевым-Кутузовым, исключить и этот вопрос из ведения Думы. Но такая безгласная и безинициативная Дума больше всего импонировала помещицкому царю, который после вторичного выступления Голенищева-Кутузова ему заявил: «Совершенно с вами согласен». На предложение Николая высказаться Коковцев в своем выступлении отметил: «Мне как министру финансов более, чем кому-либо, известно, что бремя взимаемых с населения налогов достигло крайних пределов и что в ближайшем будущем не только не предвидится возможности облегчения податных тягостей, но предстоит даже изыскивать новые источники пополнения государственных ресурсов для покрытия предстоящих огромных расходов. Вникая в существо сделанного Голенищевым-Кутузовым предложения, я не мог не присоединиться к той его оценке, которая сделана министром юстиции. Нет такого закона, который не требовал бы прямых или косвенных, больших или меньших пожертвований государственного казначейства. Если будет введено в учреждение Государственной думы ограничение законодательной инициативы предметами, не требующими новых расходов, то Дума фактически никогда не будет в состоянии осуществить даруемое ей весьма важное право».

Нарышкин и Стишинский изо всех сил кинулись в бой против 35 статьи, маскируя свой выпад тем, что предоставление Думе права законосовещательной инициативы и относительно законов, связанных с затратами из государственных средств, повлечет увеличение налогового бремени. Они стремились добиться фактического лишения Думы всякой законосовещательной инициативы. Эта маскировка была вскрыта Сольским, откровенно указавшим на те мотивы, по которым не следует предоставлять будущей Думе права инициативы по вопросам, связанным с денежными издержками. «Я полагаю, — говорил Сольский, — что опасения могут возникнуть скорее насчет инициативы облегчения податного бремени и отмены наиболее тягостных налогов и сборов, нежели насчет установления новых налогов». Но против этой опасности царь поспешил успокоить Сольского, заявив при этом: «Возбуждение Государственною думою предположений об изменении действующей системы налогов ни к чему еще не обязывает».

Естественно, что, проектируя Думу с заранее предусмотренным составом и со строго очерченным кругом деятельности, царская олигархия считала необходимым принять все меры к тому, чтобы оградить эту Думу от общественного глаза. Этим и объясняется то рвение, которое проявляли ораторы при обсуждении вопроса об участии представителей печати в работе Думы. Бобринский, например, выступая при обсуждении 41 статьи, усомнился, следует ли дать председателю Думы право разрешить присутствовать представителю печати на заседаниях Думы. «Едва ли, — говорил он, — есть достаточные основания давать такое преимущество печати», и тут же предложил вместо представителей печати разрешать присутствие в заседаниях Думы высшим государственным чинам.

В согласии с ним Игнатъев полагал, что «раз заседания Думы признаются не публичными, то не следует допускать в заседаниях Думы и газетных корреспондентов. Если их допускать, то все, что будет происходить в заседаниях, тотчас же будет оглашаться в печати». Этому-то как раз и боялись царские генералы, тайные и явные советники царя. Царские «совы» больше всего не выносили света общественного мнения, пытались всеми мерами от него оградиться. Массобоязнь и человеконенавистничество — таковы органические пороки всего самодержавного строя царской России.

Но с другой, с откровенно полицейской точки зрения, подошел к этому вопросу «герой» массовых расстрелов мирного населения страны генерал Трепов. «Предпочтительнее, — говорил он, — допустить представителей печати в заседания Думы, и тогда будет известно, с кого, в случае надобности, взыскивать».

Много внимания совещание уделило обсуждению 47 и 50 статей проекта, которые гласят: первая (47), что заключением Думы признается мнение большинства, а вторая (50 ст.), что отклонения Думой предположений министров считаются окончательными. На трибуну вновь выходят Стишинский, Нарышкин, Лобко и Бобринский, в один голос заявившие об угрозе, которая грозит самодержавию при условии принятия 47 статьи в редакции Комитета министров. В конце заседания Бобринский внес следующее компромиссное предложение: «Для большей гарантии, — говорил он, — полезно установить, чтобы отклоненными почитались только те предположения ведомств, против которых высказалось большинство (2/3 голосов) как в Думе, так и в Государственном совете». Это предложение встретило сочувствие царя, выразившего свое согласие с этой поправкой. На этом заседании закрылось.

Третье заседание состоялось 23 июля 1905 г. Открывая заседание, царь довел до сведения членов совещания, что на его имя поступило заявление от пяти участников совещания, в котором они возражали против принятой редакцией 47 статьи на прошлом заседании. Вопрос таким образом вновь ставился на обсуждение, хотя это в корне противоречило всему распорядку данного совещания. Правому крылу реакционного дворянства ничего не стоило игнорировать решение, принятое царем, если таковое не

отвечало его требованиям. При таких условиях немудрено, что три заседания подряд, с начала работы царские сановники обсуждали 47 и 50 статьи, которые, как им казалось, как бы ограничивают самодержавный характер царской власти.

В конце концов Нарышкин нашел выход в том, что самое лучшее было бы совсем исключить статью 50. «Она вызывает недоумение и принесет существенный вред. Мнения о значении ее различны. Одни говорят, — она имеет формальное значение, другие признают, что ею ограничивается самодержавие, но вместе с тем утверждают, что это ограничение полезное. Полезных ограничений самодержавия, по-моему, не может быть, всякое из них противоречит историческим началам России, и против них я считаю долгом бороться до последней крайности». Нарышкину вторил Павлов, который заявил, что 50 статья ведет к ограничению самодержавной власти... а поэтому ее следует исключить. Общие мысли павловых, лобковых и всей дворянской компании в ее наиболее концентрированном виде выразил великий князь Николай Николаевич, который заявил: «Надо изложить проект так, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что самодержавная власть ни в чем не ограничивается». В заключение министр финансов внес к статье 50 дополнение, гласившее, что «возвращенные законопроекты вносятся вновь на первое законодательное рассмотрение, если на сие последует высочайшее соизволение». Эта поправка удовлетворила царя и исчерпала все споры по этому поводу.

После еще ряда принятых царем на совещании дополнений и изменений к различным статьям проекта, на которых останавливаться здесь мы не можем, совещание перешло к обсуждению избирательной системы Булыгинского проекта. Этот вопрос привлекал к себе внимание и вызвал повышенный интерес у всех участников совещания. Ход прений по этому вопросу представляет огромный интерес и дает исключительно богатый материал как для характеристики будущего представительного органа, так и для выявления подлинных мотивов и причин, коими обуславливалось его создание, а также задач, которые на него возлагались.

Прения по этому важному вопросу открыл Стишинский, выступивший с развернутой программой по выборам в Государственную думу, являвшейся платформой реакционного помещичьего класса в России. В своей речи Стишинский заявил следующее: «Если рассматривать предстоящее изменение строя государственных наших учреждений как дарование новых политических прав населению и как привлечение народа к законодательной власти, то постановка выборов на предполагаемых проектом учреждения Думы основаниях представляется, конечно, правильной и полезной. Стремление его составителей — уловить желание различных более или менее значительных по числу групп населения. Последовательно при этом допустить слияние выборщиков губерний в общую массу и разрешить предвыборную агитацию. Но можно взглянуть на предуказания... объявленные в рескрипте 18 febbra-

ля 1905 г., и с иной точки зрения. Можно рассматривать учреждение Думы как последствие возложения на население новой и весьма важной государственной обязанности, тягла выставить достойнейших, доверием народа облеченных и ими избранных людей для помощи правительству и в деле законодательства. Я лично являюсь решительным сторонником построения выборов на сословном начале. В сущности, у нас имеются только две вполне организованные жизнеспособные и потому имеющие будущность сословные группы: крестьянство и дворянство. Остальные сословия, под влиянием экономической эволюции, утратили прежнюю свою сплоченность и не могут идти в сравнение с названными двумя. Для меня представляется совершенно бесспорным, что Дума в том только случае будет успешно выполнять свое назначение, если в ней обеспечено будет широкое участие дворянства и крестьянства». Критикуя избирательную систему Булыгинского проекта, Стишинский далее замечает: «На съездах уездных землевладельцев и городских избирателей крестьяне будут всегда в меньшинстве, и рассчитывать на то, чтобы они могли проникнуть в Думу этими путями, весьма трудно. Если же что и будет наблюдаться в редких, вернее исключительных случаях, то можно быть уверенным, что избранное лицо будет крестьянским лишь по рождению, а не по взглядам и убеждениям». В этой своей речи Стишинский с редкой откровенностью для представителя дворянства определяет истинную природу будущей Думы, над конструированием которой работало совещание по чертежам, заготовленным царской камарильей совместно с реакционным помещичьим дворянством. Самое интересное в таком подходе к вопросу есть выступление дворянских зубров в позе радетелей широкого крестьянского представительства в будущей Думе. Причины этого явления будут нами раскрыты после анализа всего хода прений, а сейчас мы проследим за ходом дальнейшего обсуждения этого вопроса на совещании.

Выступая в защиту преимуществ сословных выборов, верный друг Стишинского — Струков старался укрепить аргументацию последнего. По его мнению «смешанные выборы» вызовут такую ожесточенную борьбу одних классов населения против других, породят которую едва ли соответствует желаниям правительства «успокоить» страну. Напротив того, если бытовые группы призваны к непосредственному выбору достойнейших из своей среды лиц в члены Думы, большая часть столкновений будет предупреждена: выборы пройдут тихо и спокойно, а вместе с тем гарантирована будет и правильная деятельность призываемого к жизни законосовещательного учреждения. При смешанной системе выборов, Дума едва ли получит облик, соответствующий народному настроению, которое можно было бы считать всеобщим. В нее попадут люди земского типа, которым недороги исконные русские начала, которые предпочтут им западноевропейские образцы. Они исповедуют принципы, заимствованные из книжек сомнительного научного достоинства и повременной печати». Расписывая далее идиллические картинки мирной и тихой изби-

рательной кампании при сословных выборах, Струков считал необходимым добавить... «Если будут установлены прямые выборы по сословиям, то они будут происходить в обычном кругу тесно связанных между собою групп. Предвыборная агитация со всеми ее нежелательными последствиями окажется излишнею... К ним наверно не станут прибегать и те дворяне, которых желательнее всего было бы видеть в составе Думы. Вследствие сего шансы проникновения их в Думу, при без того смешанных выборах, недостаточно обеспеченных, делаются еще более сомнительными... Следует ли идти на это сознательно? Не следует забывать, что во многих представителях дворянства жив дух и традиции этого благородного сословия. Нравственное и императивное влияние дворянства на отдельных его сочленов не подлежит сомнению». Таким образом аргументация Струкова сводилась к тому, что сословные выборы нужны, во-первых, для того, чтобы не допустить проникновения в Думу земских людей, с другой стороны, сословные выборы должны обеспечить дворянству преобладание в будущей Думе. Здесь мы встречаемся с открытым призывом создать дворянскую Думу. Речь идет о созыве помещичье-дворянского совещания, которое должно оказывать помощь царю в его законодательной деятельности. Сословные выборы и должны были обеспечить созыв такого совещания, и в этом должно было заключаться их преимущество перед смешанными. Так вырисовывались контуры выборов в будущее представительное учреждение в изображении реакционного помещичьего дворянства.

В качестве еще одного аргумента в пользу сословных выборов выставлялся также тот мотив, что смешанные выборы представят лазейку для проникновения в Думу беспокойных и неблагонадежных элементов. Ратун за чистоту дворянского состава с прилежью поповства, Бобринский считал, что «главное опасение заключается в том, что при смешанных выборах в Думу проникнут беспокойные, неблагонадежные, а потому вредные для важного, поручаемого Думе государственного дела...». «Я вполне разделяю, — говорил он, — эти опасения. Поэтому и я склоняюсь в пользу выборов по сословиям. Но, кроме дворянства и крестьянства, в Думе должно быть представлено и духовенство... Во всяком случае оно представляет из себя огромную по своему влиянию на население силу, разумную и спокойную и потому заслуживающую того, чтобы правительство призвало ее себе на помощь в состав Думы». Таким образом реакционная группа предполагала мобилизовать все силы для того, чтобы обеспечить нужный ей состав Думы и направить деятельность последней по пути дальнейшего закабаления населения. Любовь Бобринского к поповству им самим объясняется весьма просто и по-деловому: попы обладают огромным влиянием на массы и представляют собой спокойную силу, следовательно, и их необходимо впрячь в колесницу царского самодержавия как орудие угнетения и обмана народных масс страны.

Кроме того, сословные выборы на совещании нашли себе защитника в лице Нарышкина, который заявлял: «Право участия

в Думе обеспечивается по проекту Комитета министров, между прочим, за евреями. Можно ли им доверить такое важное право, когда им до сих пор прегражден доступ к городской и общественной деятельности, гораздо менее важной с общегосударственной точки зрения? Не могу не указать, что есть еще не коренной слой населения, преимущественно городского, который, однако, облекается упомянутыми правами, — это интеллигенция, не владеющая имущественным цензом, а платящая только налоги: промысловый и квартирный. Очевидно, что эта интеллигенция была бы крайне подавлена, если бы ее обошли, а потому получила то, к чему стремится. Я лично возражал бы против допущения к выборам квартирнанимателей, опасаясь, что этим путем проникнут в Думу весьма нежелательные элементы; зло это, впрочем, могло быть несколько ослаблено, если бы в законе было постановлено, в согласии со старинным нашим укладом, предоставляющим известные преимущества служилому сословию, что право квартирнанимателей на участие в выборах приобретает прослужением определенного числа лет на государственной, земской или городской общественной службе. Евреев, по моему мнению, надо вовсе лишить этого права. Это — элемент совершенно неблагонадежный в общей его массе и потому вредный для будущей деятельности Думы; я утверждаю это на том основании, что они являются не только постоянными участниками революционной деятельности в России, но зачастую ее руководителями, причем рабочие делают жертвою их пропаганды.

Мне кажется, что когда создается новое, призванное играть в законодательстве столь важную роль, выборное учреждение, то при начертании органического для него закона нельзя исходить из тех ненормальных до известных степеней исторических явлений общественной жизни, которые мы наблюдаем, а нужно основать коренные положения закона на более прочных устоях, указываемых историческим прошлым нашего отечества. Этими устоями является, прежде всего, дворянство и духовенство. Это будет и целесообразнее и плодотворнее, нежели успокаивать революционные инстинкты дарованием прав скомпрометированным в этом отношении группам населения, дабы они могли перенести свою деятельность в новое выборное учреждение».

В этой своей речи, являющейся по существу программой черносотенных организаций, главарь этой шайки с полицейской циничностью и развязностью призывал к погромно-разбойничьей расправе с революционными элементами и требовал созыва чисто дворянско-поповского совещания. Трудно придумать более откровенную расшифровку помещичьего понимания народа, чем то разъяснение, которое дано Нарышкиным. После этой речи нетрудно догадаться, о каком народе говорил этот представитель помещичьих зубров. Для него понятие народа целиком и полностью совпадало с понятием помещиков и дворян. отождествляя дворянство с народом, призывая царя к единению с таким, с позволения сказать, народом, нарышкины фактически имели в виду единение царя с помещиками и капиталистами.

Сольский в своем выступлении стремился всеми силами успокоить Нарышкина и К^о, что собственно спорить-то не из-за чего, ибо, как доказывал Сольский с цифрами в руках, и Комитет министров в своем проекте обеспечил дворянское большинство в будущей Думе. «Я полагаю, — так закончил свою речь председатель Комитета министров, — что приведенные выше результаты представляются довольно успокоительными, и едва ли можно было бы достигнуть иных более благоприятных для состава Думы последствий при замене смешанной системы выборов порядком, построенным на сословном начале». Речь идет лишь всего-навсего о замене привилегий сословий, корпораций, касты привилегией капитала, который на практике в итоге должен привести к тем же результатам, т. е. к обеспечению дворянско-помещичьего большинства Думы.

Создавая систему смешанных выборов и устанавливая четырехступенный фильтр для крестьян, Комитет министров старался оградить Думу от крестьянского большинства и обеспечить в нее доступ наиболее спокойным и благонадежным элементам крестьянства, т. е. его кулацкой верхушке. Все старания министров внутренних дел, при составлении проекта, все изменения и поправки, которым проект подвергался в заседаниях Комитета, все это было направлено к тому, чтобы при помощи хитросплетений избирательного закона процедить и отобрать в качестве представителей от крестьянства лишь наиболее богатый и зажиточный его слой. Эти опасения, которыми руководствовался Комитет министров, останавливаясь на смешанной системе выборов, довольно открыто высказал в своем выступлении князь Оболенский: «Крестьянам доступ в Думу был бы, без сомнения, более обеспечен в случае прямых выборов, нежели при избрании членов Думы в губернском городе. Но позволительно задаться вопросом, оправдалась ли бы такая, в моих глазах, искусственная мера, как чисто сословные выборы для привлечения крестьян во что бы то ни стало в значительном числе в Думу. Можно ли от этого ожидать той пользы, в которую верят защитники сословности? Неудобства присутствия слишком большого числа членов из крестьян в постоянном учреждении, призываемом к выполнению весьма важных функций, прекрасно охарактеризованы в мемории Комитета министров. Здесь указывалось, что крестьяне — элемент по преимуществу консервативный, оплот престола и самодержавия. Такая характеристика может, по моему мнению, быть приложима лишь к тем крестьянам, которые живут исключительно интересами земледелия и не покидают своих мест. Как только они попадут в новую, совершенно чуждую им сферу — в Думу, где будут представлены самые разнообразные элементы с исповедуемыми ими теориями и воззрениями, консервативность крестьян, прочность их мирозерцания окажется в серьезной опасности. Крестьянин, попавший в С.-Петербург в качестве члена Думы, получающий 10 руб. суточных, изменит не один только внешний облик... — возможны и более глубокие перемены в таком крестьянстве. Оторванные от постоянных своих занятий и

привычного им физического труда..., они попадут под вредное влияние передовых членов Думы или более близких им по происхождению фабричных рабочих. Подобные последствия тем более вероятны, чем больше будет в Думе крестьян и чем темнее та масса, из которой они будут выбираться. С этой последней точки зрения сословные выборы представляют большую опасность, нежели рекомендуемый Комитетом министров порядок. При сословном начале, ограничивавшем для крестьян выборы в Думу узкою средою его собственного сословия (хотя бы и находилось достойных такого высокого доверия лиц), менее обеспечивается целесообразность состава Думы. При сословности число крестьян в Думе больше, а чем их больше, тем больше шансов проникновения в Думу темных и непригодных к законосовещательной деятельности членов».

Таким образом смешанные выборы давали бы возможность царским сатрапам при помощи комбинированного метода полицейской нагайки и подкупа «избирать» в члены Думы от крестьян, крестьянских богатеев и всю мелкую волостную челядь, начиная от сельского старосты и кончая волостным старшиной, а то и попросту значительное число членов черносотенных организаций. Именно то, что крестьяне могли избирать от своего имени и некрестьян, открывало широкое поле деятельности для всяческой мошеннической деятельности полицейской власти на селе, где урядник совместно с земским начальником (как увидим в дальнейшем) творил выборы от крестьян, фальсифицируя крестьянское представительство подставными фигурами из черносотенно-полицейских элементов села. Этого преимущества смешанных выборов и не доучитывал Бобринский, которому, как и Стишинскому, мерещились все земские доктора и фельдшеры в качестве крестьянских представителей. Одно имя последних приводило его в смятение. Отстаивая в полемике с Оболенским сословные выборы, Бобринский заявлял, что они предупредят проникновение в Думу вместо настоящих крестьян «третьего» элемента, т. е. земских докторов, фельдшеров и присяжных поверенных и пр. Если эти группы нахлынут в Думу широкою волною, для которой смешанные выборы не ставят никакой преграды, Дума окажется не тою, какою ей следует быть. Вся дискуссия по этому поводу между сторонниками министерского проекта, с одной стороны, и представителями наиреакционнейшей части русского помещичьего класса, с другой, походила на словесный турнир, где оба противника изошрялись в подборе наиболее веских аргументов, доводов и доказательств в пользу защищаемой точки зрения. При этом и та и другая сторона исходила из того основного для них обеих положения, что избирательный закон должен обеспечить помещичье-дворянский состав будущей Думы, изолировать от выборов сотни тысяч рабочих, трудящуюся интеллигенцию и мелкую буржуазию, оставить безгласною многомиллионную крестьянскую массу. Преследуя именно эти цели, обе стороны приводили свои доводы, доказательства преимущества защищаемой ими системы выборов.

К концу третьего заседания прения не были закончены, и вопрос был перенесен на 4-е заседание, состоявшееся 25 июля 1905 г. Дебаты, происходившие на этом заседании, развивали и дополняли в откровенной циничной форме защиту помещичье-классовых интересов, на службу которым призывалась Государственная дума с ее избирательной системой.

Последнюю попытку отстоять сословные выборы сделал Стишинский, который, однако, тут же признал, что по сути дела ничто не разделяет представляемое им мнение от мнения министерства, ибо споры идут лишь о схеме выборов, принятой Комитетом, а ничуть, конечно, не против цели, которая едина у министров и у объединенных дворян и сущность которой заключается в том, чтобы создать помещичье-дворянское совещание при царе, оградившись от всех демократических элементов в русском обществе.

В конце-концов статья 3 проекта избирательного закона была утверждена в редакции Комитета.

Покончив с этим вопросом, совещание перешло к обсуждению вопроса о предоставлении избирательного права армии. Сольский доложил мнение двух членов Комитета, высказавшихся против предоставления права голоса как нижним чинам, так и командному составу. Выслушав это сообщение, царь заметил: «Да, я полагаю, что лучше не допускать военных чинов к выборам», и таким образом без прений был решен вопрос о лишениях избирательных прав всех лиц, состоящих на военной службе.

Далее, пользуясь обсуждением статьи 7, Нарышкин произнес очередную погромную речь, требуя лишения избирательных прав евреев. Но это выступление не нашло себе поддержки. После выступлений министров даже Трепов был вынужден констатировать, что действительно среди евреев происходит сильное брожение, но для его прекращения надо действовать средствами, которые устранили бы поводы к брожению. Поэтому, полагал он, евреям не следует преграждать доступ в Думу. При таких условиях царю не оставалось ничего иного, как утвердить статью в редакции Комитета, а потерпевший неудачу в своем походе против евреев Нарышкин переключился на квартиронанимателей, допущение которых в Думу ему представлялось весьма опасным. «Ведь здесь больше окажутся адвокаты и другие дельцы — элемент, во всяком случае, едва ли желательный для Думы, скорее наоборот, — надо стремиться, чтобы подобные лица не могли попасть в Думу». Это предложение было поддержано Игнатьевым, который вместе с Нарышкиным объявил поход против лиц свободных профессий. «Я присоединяюсь, — говорил он, — к мнению, что нежелательно пополнять Думу людьми так называемых свободных профессий. Мы все видим, что этот элемент — крайний, который, по моему убеждению, может принести больше вреда, чем пользы».

Выступившие по этому вопросу министр финансов Коковцев и другие указывали на то, что установленный Комитетом министров для квартиронанимателей ценз (уплата налога по 10 раз-

рядом) исключительно высок, ибо 10 разряд по Петербургу предполагает минимум 1320 руб. ежегодной квартирной платы. Такая высокая квартирная плата доступна только наиболее зажиточным слоям городского населения, принадлежащим к классу городской буржуазии. После этих доводов и эта статья была утверждена в редакции Комитета министров.

Последнее заседание состоялось 26 июля 1905 г. и для начала была подана направленная против всего речь «героя» квантунских дел—генерала Павлова, в которой оратор, суммируя все доводы нарышкиных и стишинских, требовал возвращения к земскому пренебрежению и неприкрытой эксплуататорской ненависти говорил о рабочих и крестьянах, как о черни, которую нужно сдерживать твердостью, и лишиться этой твердости весьма опасно. «Государю благоугодно было,— говорил он,— раньше всего поставить вопрос, грозит ли проект безукоризненному охранению принципа самодержавия. О политических правах народ не печется; они ему чужды. В народный быт хотят внести политическое властолюбие. Последствия могут быть двоякие, но, во всяком случае, отрицательные. Если эти влияния в народе не привьются, он отнесется к ним враждебно. Народ верит, что править им—дело царя и что для этого он царю не нужен. Царь думает о нем с советниками и один, не спав ночи (?), для народного блага. Но если это верование в народе не колеблется, если только народу внушат, что царь не знает, что ему делать, что в этом ему нужна помощь народа, то последствия от такого колебания будут ужасны. Встарину царь с народом нередко совещался. Но это и есть только историческая, понятная народу, близкая ему форма—Земский собор. Соборы эти говорили:—«Мысль наша такова, а воля твоя».

Выслушав эту Павловскую декларацию, совещание продолжало обсуждать статьи проекта, причем выступавшие продолжали наступление на квартиронанимателей, добиваясь того, чтобы минимальный срок уплаты квартирного налога, необходимого по 27 статье проекта для получения избирательных прав, был увеличен с одного года, как значилось в проекте, до трех лет.

Центральным пунктом на этом заседании был вопрос об участии крестьян в выборах в Думу. Потерпев неудачу при защите сословной системы выборов, Нарышкин и К^о начали требовать сохранения сословного принципа по отношению к крестьянству.

Открыл прения по этому поводу Лобко, который, выступая в качестве «радетеля» крестьянства, предлагал, чтобы крестьяне избирались в определенном числе своим же сословием. Это предложение нашло живой отклик в лице представителей реакционного дворянства, выступивших с исключительной солидарностью в защиту сословного представительства от крестьян в Думе. Представителями крестьянства в Думе, по мнению Нарышкина, «будут волостные старшины и старики, в спокойствии которых на основании уездных земских собраний можно было быть уве-

ренным». Эти голоса поддерживал и князь Волконский, подчеркивавший необходимость обеспечить присутствие крестьян как элемента консервативного. «Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов», — вторил этому спешшемуся концерту Бобринский. Не сомневался также в спокойной и плодотворной деятельности крестьян в Думе и главноуправляющий землеустройством Шваненбах. «Он считал, что «крестьян» следует уподобить балласту, который придаст устойчивость кораблю (Думе) в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли».

Таковы были побудительные мотивы, по которым дворянская клика ратовала за участие крестьян в Думе, надеясь на то, что они явятся тем уравновешивающим балластом, который предохранит от качки дворянско-помещичье самодержавие во время революционной бури. В действительности все эти надежды, как увидим в дальнейшем, оказались несбывшейся мечтой. Однако уже и на данном совещании не все царские сановники так оптимистически смотрели на твердость консервативных убеждений крестьян, и раздавались голоса, указывавшие на те опасности, которые таит в себе для самодержавного царя крестьянское представительство в Думе. Например, министр финансов Кокорцев, возражая Бобринскому, заявил: «Я никак не могу признать отвечающим действительности сравнение крестьянского элемента со стеною, ограждающею Думу от нежелательных увлечений. Это скорее воск, из которого можно вылепить художественное произведение или сделать ни к чему негодную безделушку, смотря по тому, в чьих руках окажется этот мягкий материал. Я сильно опасюсь, как бы крестьянские голоса в Думе не оказались в распоряжении тех неблагонадежных элементов, которые так или иначе несомненно проникнут к жизни и к ответственному труду учреждения. При таком взгляде на этот вопрос меня не может не пугать слишком большое число крестьян в Думе». Эти же нотки звучали в речах таких заклятых врагов крестьянства, как Павлов, которого больше всего пугали крестьянские волнения. Крестьян больше всего интересует аграрный вопрос, — говорил Павлов. Если крестьянство заволнуется — ничто перед ним не устоит. Законосовещательная деятельность нового учреждения сведется к нулю. Этими же опасениями проникнуто и выступление Нарышкина. Пребывая в постоянном страхе перед классово-политическим пробуждением крестьянства, Нарышкин и его соратники пытались всеми мерами изолировать крестьянство от других избирателей, отвлечь от избирательной борьбы, могущей содействовать политическому пробуждению крестьянства, пытались замкнуть его в узкий круг сословных выборов. «От общения с культурными членами избирательных собраний, — говорил Нарышкин, — крестьяне не поднимутся над уровнем ясного сознания своих потребностей, они могут только заразиться такими идеями, которые пока совершенно им чужды».

Проект сословных выборов для крестьян, кроме того, что он преследовал собою цель обособления крестьянских избирателей

от остальных, ставил еще перед собой задачу обеспечить доступ в Думу крестьянским представителям из наиболее зажиточных и богатых слоев крестьянства.

Последнее обстоятельство и пытался доказать русский историк Ключевский, заявивший, что «Центр тяжести вопроса о сквозной, так сказать, разделности выборов лежит в выборе членов от крестьян. Отринув идею сословности вообще, едва ли целесообразно было придерживаться этого начала в отношении крестьян. Подобная поправка едва ли содействовала бы успеху задуманной реформы, внесла бы внутреннее противоречие в намечаемую Советом министров систему. Наибольшей опасности, по моему мнению, подвергается правильность выборов от сельского населения в первоначальной их стадии.

В них будет, вероятно, значительная доля фиктивности. Крестьяне, вероятно, особенно на первых порах, будут выбирать своих представителей из числа наиболее властных и сильных людей своего сословия. Но не следует забывать, что крестьянство не является вполне однородною группою населения. В нем уже начался серьезный процесс дифференциации, распадаения по различным интересам. Сильные и властные в крестьянах личности смотрят дальше наиболее близких массе потребностей, неспособны отрешиться от собственных выгод во имя общего блага и повсюду явятся преимущественно защитниками собственных интересов... противоречащих благу меньшей их братии. Чем дальше будет проводиться обособленность выборов, тем более вероятно, что такие именно личности попадут в члены Думы. От этого преобладающая масса населения только проиграет. Предотвратить подобные результаты при сквозной разделности выборов совершенно невозможно».

Так, приподымая край завесы, Ключевский обнажал вторую сторону причин, которые скрывались в требовании сословных выборов. Сословная клетка должна была таким образом служить тем карантинном, который предохранял бы крестьян от влияния других избирателей и оберегал бы от заразных идей, распространившихся уже среди избирателей других слоев населения. С другой стороны, сквозная система была призвана, как правильно подмечает Ключевский, обеспечить отбор крестьянских представителей в Думу из властных и сильных групп крестьянского населения.

В конце заседаний с компромиссным предложением, которое должно было примирить точки зрения по этому вопросу, выступил министр финансов Коковцев. По его словам, стремление обеспечить участие крестьян в Думе находит свое осуществление в том, что им дается право избирать по одному члену Думы от каждой губернии. Но чтобы не оставить остальные сословия без представительства, приходится прибавить в тех губерниях, где избирается один член, второго, исключительно избранного крестьянами. Дальше этого, — заключил оратор, — идти не следует. Выслушав это, царский самодержец ответил: «С этим я согласен. Итак, от каждой губернии и области будет по одному

члену Думы от крестьян, а там, где членов положено по одному, придется их число увеличить».

Таким образом мы можем вполне определенно сказать, что в результате обсуждения был принят в завуалированной форме сословный принцип выборов. Отвергнув его официально, царская бюрократия ввела его косвенно и обходным путем. Так был разрешен один из центральных вопросов избирательного закона, дебатировавшийся на протяжении всего совещания.

Добившись принятия сословных выборов для крестьян, дворянско-помещичьи клики сделали второй шаг в этом направлении, обращая свой взор на неграмотные и темные слои крестьянского населения. Рассматривая его как наиболее консервативный элемент, откуда следовало черпать представителей для Государственной думы, стишинские, нарышкины и павловы объявили поход за неграмотность будущих членов Думы. Остановившись на 54 статье проекта, по которой в члены Думы не могут быть избираемы лица неграмотные, Стишинский предлагал исключить последний пункт этой статьи и мотивировал это тем, что среди лиц 52 лет и старше весьма мало грамотных и что таким образом наиболее почтенные и опытные люди не будут иметь возможности явиться в Думу в качестве представителей своего сословия.

Нарышкин в своем выступлении более откровенно раскрыл те причины, по которым он также считал необходимым исключить из проекта требование знания грамоты для членов Государственной думы. Нарышкин говорил: «За долгое время моего пребывания в деревне, — говорил он, — и близкого наблюдения за духовным миром крестьянства, я вынес глубокое убеждение в том, что неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные. Первые из них проникнуты охранительным духом, обладают эпической речью. Грамотные увлекаются проповедуемыми газетными теориями и сбиваются с истинного пути. Им не следует верить представительных интересов настоящих крестьян, так далеко разошлись друг от друга они в понятиях и взглядах на самые существенные вопросы современной жизни. Среди грамотных встречается то сбивчивость понятий, то центробежное мышление, которое является следствием понижения духа отрицания, духа сомнения. Впрочем, и грамотные едва ли в состоянии будут прочесть всю массу материалов, а в уразумении их они, конечно, не обойдутся без посторонней помощи».

В этом коротком и циничном откровении и выражена вся суть помещичье-реакционной политики царизма. Держать миллионные массы в темноте, забитости и безграмотности — таков вывод, который делала для себя дворянская бюрократия в царской России. Верхом мракобесия является иллюстрация, которую привел Павлов как решающие доказательства в превосходстве невежества и безграмотности над образованием и грамотой. По его признанию, «малограмотных следует считать нравственно испорченными и совращенными с пути истинного. Это плевеы. Что такое сама по себе грамота? Среди чтимых православную

церковью святых есть один пустынный, не знавший грамоты. Слава о нем разошлась по всему миру и достигла Афин. К святому святому отправились туда два мудреца, которые не чета, конечно, нашим окончившим существующие ныне учебные заведения. Они спросили святого: «Неужели ты неграмотен, а он им отвечал: «Скажите мне, человек для грамоты или грамота для человека?» И мудрецы поклонились ему в ноги. Вот вы и отвертываетесь от такого человека, не допуская его в члены Думы».

Выслушав рассказ о святом пустынноике, не знавшем грамоты, Николай Кровавый, правитель русской земли, заявил: «Может быть и в самом деле лучше исключить пункт 54 на первое, по крайней мере, время». Так, скоро и быстро был решен вопрос в пользу неграмотных крестьян, обладавших якобы «цельным мировоззрением, охранительным духом и эпической речью», коим следует вручить представительство от крестьян в Государственную думу.

Среди других изменений, внесенных на последнем заседании совещания, следует отметить поправку к статьям 62 и 65 проекта, по которой женщинам предоставлялось право передавать свой ценз мужьям и братьям, а отцам — своим сыновьям. При этом мотивом для этого указывалось то обстоятельство, что во многих краях помещики сами не живут и могли бы передать свой ценз своим сыновьям.

Работа совещания закончилась предложением Николая, который в полном согласии со всеми принятыми изменениями и дополнениями к обсуждаемому проекту предложил назвать будущую Думу не государственной, а государевою. Это название вполне соответствовало тому, что должна была из себя представлять Дума по проекту, проработанному царским совещанием. Заявление царя как бы подводило итог работ совещания и прозвучало заключительным аккордом Нарышкино-Павловских идеалов, проповедывавшихся ими на протяжении всех 4-х заседаний. Именно к тому, чтобы создать государеву думу, Думу царя из помещиков и дворян, и была направлена работа совещания.

Злейшие враги русского народа, русского рабочего класса, русского крестьянства и всех национальностей, населяющих Россию, — все эти павловы, стишинские, нарышкины, бобринские, лобковы и др. прилагали все силы к тому, чтобы создать государеву думу, царскую думу из помещиков и дворян. Нередко в своих погромных циничных и фальшивых речах они рядились в тогу радетелей интересов крестьянства. Затрагивая этот вопрос, В. И. Ленин писал: «...эта лицемерная «забота» о мужике на деле прикрывала чисто крепостническую политику, которую названные «деятели» старой, дореволюционной России проводили с тупоумной прямолинейностью во всех областях общественной и государственной жизни»¹.

Стремясь спасти насквозь прогнивший строй царского самодержавия, дворяне и помещики искали опору в лице покорных

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 449.

и забитых правительством крестьян, в их терпении и покорности, веками державшихся силою политических предрассудков рабства. Именно эту силу векового консерватизма и забитости хотели использовать павловы и стишинские, когда они требовали крестьянского представительства в Думе, о которой они мыслили, как об игрушечной пристройке к полицейскому участку самодержавной России.

Апробированный Петергофским совещанием проект получил свое законодательное оформление в манифесте от 6/VIII 1905 г.

Таким образом манифест от 6 августа 1905 г. должен был ввести в систему помещичьего самодержавия новое учреждение—так называемую Булыгинскую думу. В отличие от меньшевиков, высказавшихся за работу в Думе, большевики, рабочий класс, заклеили Думу как фальшивое и поддельное народное представительство и, вскрывая ее классово-помещичий характер, призывали к активному ее бойкоту.

Призывая к активному бойкоту Булыгинской думы, социал-демократическая партия большевиков вскрыла то прикрытое лживой и лицемерной Думой политическое бесправие, на которое обрекалась вся многомиллионная масса рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. В специально принятой по вопросу о проведении бойкота Думы резолюции ЦК РСДРП сказано: «Положение совершенно устраняет от участия в выборах в Думу всех рабочих и всю бесхозяйственную бедноту, что является грубым издевательством над всей той частью народа, которая до сих пор с наибольшими жертвами ведет борьбу за народное освобождение... Положение о Гос. думе есть грубая подделка народного представительства, заключающая в себе прямой вызов рабочему классу и деревенской бедноте,— она в то же время представляет попытку обмануть крестьянство фальшивыми уступками и попытку привлечь на сторону царского правительства богатые и зажиточные классы путем действительных, но ничтожных уступок. Оно означает решительное намерение правительства всеми средствами бесплодно вести борьбу против народа для защиты самодержавия, самодержавия чиновников, которому Россия обязана неслыханным разорением и угнетением, страшно низким развитием знания и полным военным бессилием. Ввиду этого мы будем считать изменником и врагом свободы народа всякого, кто примет сознательное участие в царской комедии выборов и представительства, как избиратель выборщиков или член Гос. думы. Мы заявляем, — говорилось дальше в резолюции, — что народу необходимо представительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, по которым строится Государственная дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всею полнотою гос. власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Народные интересы может представить и оградить только такое действительное народное собрание, созванное сначала в виде учредительного собрания, для установления нового гос. порядка, а затем созывае-

мое в виде народного парламента для постоянного управления делами страны. Такого народного собрания не только не может дать народу царское самодержавное правительство, но и вообще никакое правительство, сохраняющее хотя отчасти царскую власть. Новый необходимый народу государственный строй есть демократическая республика, основанная всецело на самодержавии народа. Осуществить такой строй может только вооруженное всенародное восстание против царского правительства и всех темных сил, его поддерживающих. Подготовка и организация такого восстания составляют теперь главную очередную задачу для всех сознательных борцов за народное дело; новое оскорбление, нанесенное правительством народу, есть новое напоминание о необходимости выполнить эту задачу непрерывно и неуклонно. Мы призываем всех сознательных граждан и все партии, преданные народным интересам и делу народного освобождения, всеми силами противодействовать постыдной комедии выборов и представительства... Мы призываем их соединить свои силы для немедленной совместной подготовки всеобщего и повсюду одновременного протеста против правительства насильников и лицемеров, для организации этого протеста в виде всеобщей политической стачки и вооруженной демонстрации повсюду, где они возможны. Мы призываем их, — это новое издевательство царского правительства над умом и волею народа, — использовать как новое яркое и очевидное доказательство для разъяснения народным массам необходимости решительной и беспощадной борьбы за окончательное низвержение царского самодержавия и всякой власти, не от народа исходящей». Ленин тогда писал, что «манифест и закон от 6 августа есть действительно «зерцало» всех гнусностей, мерзостей азиатчины, насилия, эксплуатации, проникающих собой весь социальный и политический строй России. В этот момент раздался мощный голос пролетариата ко всем гражданам России с призывом — «Граждане, — звучал его голос, — во всех уголках страны — наша родина в опасности! Вековое рабство меняет свою личину и грозит нам новыми цепями, прикрытыми пестрым халатом народных представителей», сшитым из бЗ-х заплат на самодержавие, составляющих положение о Гос. думе»¹.

В ответ на царский обман пролетариат ответил мощной все-российской политической забастовкой, прокатившейся широкой волной по всей стране. Рабочий класс под руководством большевистской партии сорвал эту булыгинскую комедию выборов и представительства.

Революция 1905 г. смела со своего пути проектируемую Булыгинскую думу, оправдав таким образом правильность большевистской тактики бойкота, направленного на срыв этой карикатуры на народное представительство².

¹ Резолюция ЦК РСДРП из 4-го летучего листка ЦК РСДРП, август 1905 г.

² См. История ВКП(б), Краткий курс, стр. 59, 1938 г.

ЛЕВИАНТ Ф. М.

БОРЬБА РАБОЧИХ РОССИИ В 1917 Г. (ФЕВРАЛЬ-ОКТЯБРЬ) ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ¹

В феврале 1917 г. этап буржуазно-демократической революции был в основном закончен. На повестке дня стоял вопрос перехода от первого этапа революции — «давшего власть буржуазии... ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» (Ленин).

В то время, как большевики готовились к дальнейшему развертыванию революции, Временное правительство — правительство контрреволюционной буржуазии — продолжало творить свое противонародное дело. «События и поведение Временного правительства с каждым днем подтверждали правильность линии большевиков. Они все яснее показывали, что Временное правительство стоит не за народ, а против народа, не за мир, а за войну, что оно не хочет и не может дать ни мира, ни земли, ни хлеба»².

Не получив удовлетворения своих насущных требований, рабочий класс мощным потоком стачечного движения начинает вести экономическую борьбу, тесно переплетая ее с политическими требованиями.

Доведенные до крайнего истощения рабочие выдвигают в стачечной борьбе требование повышения заработной платы.

Они стремятся путем коллективных соглашений закрепить определенный прожиточный минимум, но эта попытка заключения коллективных договоров встречает каждый раз резкое противодействие со стороны предпринимателей.

На фоне гигантских норм прибылей заработная плата рабочих не обеспечивала им даже голодного существования. По данным министерства труда заработная плата за период войны по Москве увеличилась на 515%, а цены на основные предметы питания выросли за это же время в Москве на 836%, а на предметы ши-

¹ Гл. из диссертации на тему: «Классовая борьба в период между февралем и октябрём 1917 г. и стражение этой борьбы в трудовом законодательстве».

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 174, 1938 г.

рокого потребления даже на 1119%. Таким образом в Москве, в одном из главных промышленных центров, реальная заработная плата рабочих уменьшилась почти вдвое. Товарный же индекс (стоимость набора товаров широкого потребления) по России увеличился с 4,20 до 7,25, т. е. цены почти удвоились, а это означало падение почти в два раза реальной заработной платы.

В среднем она в 1917 г. составляла 57,4% заработной платы 1913 г.

Спекуляция капиталистов принимала баснословные размеры. Капиталисты спекулировали и наживались на промышленных акциях предприятий. «За девять месяцев 1916 года организовалось 150 акционерных обществ с капиталом в 209,53 миллиона рублей, за март — июнь 1917 года — 52 общества с капиталом в 138,65 миллиона рублей...»¹.

Капиталисты с первых же дней революции, чтобы скрыть свои спекулятивные махинации, стали кричать «о разорении» вследствие якобы чрезмерных требований рабочих. Их поддержал, как всегда и во всем, меньшевистский министр труда — Скобелев. В специальном обращении от 27 июля Скобелев писал: «Вопреки всем возможностям, не считаясь с состоянием предприятий, в которых вы работаете, вы иногда добиваетесь увеличения заработной платы, которое дезорганизует промышленность и истощает казну. Помните не только о своих правах, но и обязанностях, не только о своем благе, но и о жертвах»².

Ленин в своей статье «Почему нужен контроль над производством» разоблачал крики о разорении капиталистов. Ленин приводит выдержки из отчетов отдельных отраслей промышленности об их доходах и показывает колоссальное увеличение прибылей капиталистов и основного капитала разных акционерных компаний.

Ленин неоднократно разоблачал вакханалию мародерства капиталистов, указывая, что только подлинно рабочий контроль может явиться действенным средством борьбы с мародерами. Рабочий контроль был боевым лозунгом, вокруг которого большевики сплывали массы.

Буржуазия на экономических требования рабочих о повышении заработной платы и установлении 8-часового рабочего дня ответила проведением консолидации сил контрреволюции и, в первую очередь, организацией саботажа и локаутов.

Локауты и саботаж росли изо дня в день.

В марте было закрыто	74	предприятия
» апреле	55	»
» мае	108	»
» июне	125	»
» июле	216	»

Итого с марта по июль прекратило работу 578 предприятий³.

¹ История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 210.

² «Известия Петроградского Совета раб. и солд. деп.» 29 июня 1917 г.

³ По данным архива Петроградского о-ва заводчиков и фабрикантов.

Эта локаутная политика буржуазии получала поддержку со стороны эсеров и меньшевиков. Эсеры и меньшевики считали, что революция уже закончена и задача состоит в том, чтобы закрепить ее и перейти на рельсы конституционного существования совместно с буржуазией, поэтому эсеро-меньшевицкие вожди принимали все зависящие от них меры, чтобы передать власть буржуазии.

Характерным для показа позиции меньшевиков в этом вопросе является 3-я всероссийская конференция профсоюзов. На этой конференции меньшевики в своих докладах и выступлениях проводили линию поддержки и соглашения с буржуазией, линию третирования революционной борьбы рабочего класса.

Меньшевик Скобелев, выступавший в качестве товарища председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и министра Временного правительства, призывал рабочих отказаться от своих революционных требований и помочь капиталистам выйти из кризиса и хозяйственной разрухи.

«Мы, представители Временного правительства,—говорил Скобелев,—должны прямо сказать рабочему классу, и я считаю своим долгом, как министр труда, заявить, что рост заработной платы в хаосе хозяйственной жизни при финансовой политике, построенной на самых нездоровых началах, это есть рост не улучшения положения рабочего класса, а рост хозяйственной разрухи и только. Всякие попытки рабочих отдельных предприятий за свой собственный риск и страх решать вопрос о заработной плате усиливают эту разруху»¹.

Эта предательская линия была продолжена и в других докладах меньшевиков. Меньшевики ставили своей главной целью доказать неприемлемость и вредность стачечной борьбы, бесполезность вообще всякой борьбы с буржуазией; они всячески старались скрыть преступную политику буржуазии, политику саботажа, локаутов и бешеной спекуляции. Основной причиной разрухи меньшевики считали революционность русского пролетариата, скрывая при этом гибельные последствия политики саботажа и локаута, проводимой буржуазией.

Борьба за повышение заработной платы оказывала огромное революционизирующее влияние на массы.

Стачное движение, руководимое большевиками, нарастало с каждым днем. На экономическую и политическую контрреволюцию, подготовлявшуюся буржуазией, пролетариат ответил мощным стачечным движением.

В Нижнем Новгороде забастовало 20 тыс. рабочих Сормовских заводов.

Союз кожевников 5 июля предъявил обществу заводчиков и фабрикантов проект нового тарифа. Фабриканты отказались его принять, и дело перешло в Примирительную камеру. Первое за-

¹ Архив Истпрофа, фонд № 1, стенограф. отчет 3-й Всеросс. конф. профсоюзов.

седание Примирительной камеры, состоявшееся 10 июля, не дало никаких положительных результатов, и союз вынужден был объявить забастовку, которая сразу же приняла характер весьма острой борьбы. Одновременно московский союз металлистов 21 июня предъявил предпринимателям требование о повышении заработной платы, каковое и здесь предпринимателями было отвергнуто, и 5 (18) июля на всех металлообрабатывающих заводах Москвы уже бастовало 80—85 тыс. рабочих.

В октябре 1917 года началась стачка рабочих текстилей Иваново-Кинешемского района, которая охватила свыше 350 тыс. рабочих и отличалась своей организованностью и упорством. Основным требованием бастующих было требование повышения заработной платы.

Такая упорная борьба рабочего класса за повышение заработной платы вынудила предпринимателей к некоторым временным уступкам. Предприниматели были вынуждены заключить коллективные договоры.

В Петрограде имели место следующие тарифные кампании, закончившиеся заключением тарифных договоров.

В апреле—4: печатников, служащих союза табачников, пищевиков, фармацевтов.

В мае—5: табачников, сигарщиков, мясников, картонажников, банщиков и прачек.

В июне—3: профсоюза судовых команд, торгово-промышленных служащих и стекольщиков.

В июле—2: рабочих парфюмерных и москательных предприятий, мыловаренных заводов и пищевиков.

В августе—4: лесопильщиков, металлистов, союза дворников и водопроводчиков.

В сентябре—4: текстильщиков, печатников, картонажников и фармацевтов.

В октябре—3: писчебумажников, служащих кредитных учреждений, рабочих квасных и пивных заводов и заводов минеральных вод¹.

Кроме тарифов, установленных договорами, в практике рабочего движения мы встречаемся с методом введения тарифов без особого договорного оформления, ввиду отказа предпринимателей заключить тарифные договоры. Некоторые из этих тарифов утверждались затем только съездами рабочих соответствующей промышленности.

Таким путем были проведены следующие тарифы:

В мае—1: служащих и рабочих общества страхования жизни.

В июне—2: сварщиков и зубных техников.

В июле—1: кожевников.

В сентябре—1: стекольщиков.

В октябре—1: прачек.

Общую картину тарифного движения в Петрограде схематично можно представить в следующем виде²:

¹ Материалы по статистике труда. Выпуск 6-й, Петроград, 1919 г.

² Там же.

Год	Месяц	Всего тарифов	Из них проведено	
			Колл. дог.	Без дог. форм.
1917	Апрель	4	4	—
	Май	6	5	1
	Июнь	5	3	2
	Июль	3	2	1
	Август	4	4	—
	Сентябрь	5	4	1
	Октябрь	4	3	1
	Всего	31	25	6

Остановимся подробнее на тарифной борьбе петроградских металлистов.

В самом построении тарифа петроградские металлисты исходили:

- 1) из необходимости прожиточного минимума,
- 2) профессионального искусства, сложности и точности работ,
- 3) трудности и тяжести условий труда и опасности производства.

Для выработки тарифного договора союзом рабочих металлистов 22 мая 1917 г. была создана Расценочная комиссия, в которую входили представители всех районов города. Комиссия начала с того, что собрала по районам необходимые сведения о заработной плате. Членам Расценочной комиссии пришлось самим собирать сведения по районам о ценах на продукты потребления и составлять сведения о заработной плате. Работы Расценочной комиссии закончились в начале второй половины июля, после чего правление поручило председателю и члену Расценочной комиссии войти в переговоры с обществом заводчиков и фабрикантов. Усиленное стремление рабочих к выступлениям, угроза всеобщей стачки металлистов заставили общество заводчиков и фабрикантов пойти на уступки.

Произведенное Расценочной комиссией союза рабочих металлистов распределение на четыре группы было принято без больших возражений. Ожесточенную борьбу вызвал вопрос о нормах заработной платы, в частности, вопрос о ставках черноработчих. Сравнительно легко согласившись на предложенные Расценочной комиссией ставки для высококвалифицированных рабочих, промышленники решительно отказались принять ставки для черноработчих мужчин в 1 рубль и для женщин — 85 копеек в час.

Это и понятно. Высококвалифицированные рабочие в металлической промышленности составляли сравнительно небольшую группу лиц; кроме этого, забастовка высококвалифицированных

рабочих была для общества заводчиков и фабрикантов значительно опаснее, чем забастовка чернорабочих.

В ответ на отказ общества заводчиков и фабрикантов принять предложенные нормы оплаты труда чернорабочие поставили в порядок дня вопрос о всеобщей стачке металлистов.

23 июня 1917 г. Общегородским делегатским советом была принята резолюция, в которой указывалось, что «Отказ общества заводчиков и фабрикантов согласиться на принятие предложенных союзом норм заработной платы для необученных рабочих и чернорабочих в такой момент, когда эти нормы уже отстали от рыночных цен на необходимые предметы потребления, свидетельствует об упорном нежелании организации предпринимателей идти навстречу организованному труду»¹.

Вместе с тем, Делегатский совет поручил правлению союза подготовить организованное и планомерное выступление рабочих металлистов на защиту тарифа, не останавливаясь в крайнем случае перед забастовкой, и довести до сведения Временного правительства об этом решении Совета.

За всеобщую забастовку решительно высказалась и состоявшаяся 24 июля на Путиловском заводе Общегородская делегатская конференция чернорабочих-металлистов, на которой присутствовали представители 55 заводов. Ввиду государственного значения, которое имели заводы по обработке металлов, министерством труда была организована особая междудеятельственная комиссия для разрешения спорных вопросов тарифа металлистов. Междудеятельственное совещание при министерстве труда явилось особым органом давления на рабочий класс. Министерство труда прежде всего стремилось убедить рабочих в том, что междудеятельственное совещание будет в своих решениях стоять на защите интересов трудящихся, старалось заставить рабочих поверить и довериться этой организации. В основе этого доверия, — говорили представители министерства труда, — «должна быть вера во Временное правительство, вера в министерство труда, как государственный орган защиты трудящихся»².

Таковыми демагогическими приемами министерство труда пыталось обмануть рабочих.

Междудеятельственное совещание под председательством Гвоздева и при участии представителей министерств: военного, морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения и продовольствия, рассмотрев в своих заседаниях проект тарифного договора между союзом рабочих металлистов и обществом заводчиков и фабрикантов, пришло к следующему заключению:

считать руководящие начала в проекте тарифного договора, предложенного союзом рабочих металлистов, приемлемыми со следующими двумя примечаниями:

¹ Журнал «Металлист», 1917 г., № 1—2, стр. 21.

² Архив Истпрофа, фонд № 10, дело № 198, лист дела № 19.

а) сверх цен, указанных в нормальном тарифе, никаких военных приплат не полагается. За основу оплаты труда чернорабочих принять ставки, предложенные обществом заводчиков и фабрикантов;

б) для субботних дней расчет для работающих почасно производится по числу действительно проработанных часов.

Предложенные междуведомственным совещанием компромиссные тарифные нормы (нормы оплаты труда чернорабочего в 6—8 руб. вместо требуемых рабочими 10 руб.) были приняты общегородским делегатским советом со следующей оговоркой: «Рассматривая предложение министерства труда только как временное разрешение настоящего конфликта, общегородской делегатский совет настаивает, чтобы министерство труда взяло на себя в срочном порядке определение прожиточного минимума для чернорабочих металлообрабатывающей промышленности г. Петрограда и его пригородов»¹.

7 августа 1917 г. договор был подписан. Согласно тарифному договору, заключенному между петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и союзом металлистов, все рабочие металлической промышленности города делились на 4 группы, а именно:

Первая группа — высококвалифицированные рабочие, исполняющие особенно точные и сложные работы самостоятельно, руководствуясь чертежами и точными измерительными приборами.

Вторая группа — квалифицированные рабочие, исполняющие разнообразные работы, требующие относительно меньшей точности и сложности, но достаточно продолжительной выучки, и разбирающиеся в чертежах.

Третья группа — квалифицированные рабочие, самостоятельно исполняющие разнообразные несложные, но ответственные работы, а также выполняющие точные работы массового производства без указателей и настройщиков (на станках, аппаратах, машинах и т. д.).

Четвертая группа — рабочие, выполняющие работы на станках, аппаратах, машинах, прессах и у печей.

Перечисленные группы в свою очередь разделялись каждая на три категории в зависимости от квалификации.

Для проведения нормировки заработной платы в каждом отдельном предприятии, а также для распределения рабочих по группам и категориям учреждались в соответствии с пунктом 29 тарифного договора расценочные комиссии, состоявшие из выборных представителей рабочих данного предприятия и представителей заводоуправления по назначению последнего на правах равных сторон.

На заводские расценочные комиссии возлагалась обязанность наблюдать за выполнением тарифного договора, распределять цехи и профессии данного предприятия на группы на основе тарифа, распределять личный состав рабочих данного предприя-

¹ Журнал «Металлист», 1917 г., № 1—2, стр. 21.

тия на категории как при поступлении новых рабочих, так и при желании рабочих делать пробу на стаж определенной категории. Комиссии устанавливали также нормы и величину сдельных расценок на основе тарифной цеховой платы.

В случае расхождения сторон в заводской расценочной комиссии дело переносилось в Центральную расценочную комиссию.

Упорная борьба петроградских металлистов окончилась победой — заключением коллективного договора, но вследствие соглашательской политики эсеро-меньшевистского министерства труда заключенный между союзом металлистов и петроградским обществом заводчиков и фабрикантов тарифный договор далеко не удовлетворял требованиям рабочих металлической промышленности. Договор содержал в себе обязательства, которые шли вразрез с интересами рабочих. Например, в договоре обусловлено недопущение забастовок до окончательного разрешения конфликтов союзом рабочих металлистов и обществом заводчиков и фабрикантов (ст. 28). Несмотря на кажущуюся определенность некоторых пунктов договора (разбивка по группам и часовая оплата), предпринимателям все же удавалось различными путями (сдельная оплата, определение расценок, простое несоблюдение договора и т. д.) обратить договор в свою пользу.

В других городах, как, например, в Харькове, рабочие-металлисты выступали так же организованно, как и петроградские рабочие. Здесь, как и в Петрограде, предприниматели отказались повысить заработную плату чернорабочим. Рабочие объявили забастовку и призвали рабочую массу к демонстрации, лозунгами которой были: минимальная плата мужчинам-чернорабочим — 5 руб., женщинам — 3 р. 50 к.

Локаутной политике капиталистов союз металлистов противопоставил требование о предоставлении работы.

Несмотря на упорную борьбу рабочих, требование о повышении заработной платы не было удовлетворено; забастовка продолжалась вплоть до Октябрьской революции.

Наивысших пределов достигло сопротивление промышленников на юге России. В течение марта на различных предприятиях Донецкого и Криворожского районов рабочими были предъявлены требования о повышении заработной платы, установлении минимального дневного заработка в 4 руб. вместо прежних 2 руб., введения 8-часового рабочего дня и организации комитетов из рабочих и служащих.

Состоявшаяся конференция рабочих и служащих юга России 2 мая обратилась с этими требованиями к конференции промышленников, собравшейся одновременно в Харькове. Лицемерный ответ промышленников конференции рабочих и служащих сводился к тому, что удовлетворение требований рабочих увеличит стоимость угля и поведет к общему повышению стоимости всех предметов производства, вследствие чего промышленники якобы не только не в силах по финансовым причинам, но и не вправе идти на такое соглашение с рабочими, которое грозит потрясением экономической жизни страны.

Промышленники в своем ответе дали согласие на повышение минимального дневного заработка с 2 руб. до 2 р. 50 к. На этой рабочей конференции 7 мая ответила, что она остается на своей точке зрения и возлагает на промышленников полную ответственность за последствия их отказа. 17 мая в Петроград прибыла делегация уполномоченных представителей всех отраслей промышленности юга России и в тот же день члены делегации были приглашены вместе с членами делегации рабочей конференции к участию в занятиях комиссии, созданной по этому вопросу при министерстве труда.

Промышленники упорно не желали удовлетворить требования рабочих, ссылаясь на то, что предприятия уже выплачивают заработную плату большую, чем это возможно по существующему уровню торговых цен, и что рабочими предъявлены совершенно неосуществимые требования. Кроме того, промышленники заявили, что самочинные комитеты вмешиваются в распоряжения рудничной администрации, лишая ее возможности свободно и активно вести промышленное дело.

Одновременно председатель конференции промышленников юга России фон-Дитмар обратился от имени конференции со следующим воззванием к Временному правительству: «Как трезвые практические деятели, чуждые громких лозунгов, с величайшей скорбью видим новое грозное испытание для родины и указываем на него Временному правительству, умоляя и требуя принятия всех мер, способных если не отворотить, то ослабить это испытание. Мы видим благо родины только в развитии производительных сил, в отсутствии классово-борьбы. Мы должны высказать, что должна быть активная, государственная, торгово-промышленная и финансовая политика правительства, имеющая целью:

- а) привлечение к промышленной и торговой деятельности как русского, так и иностранного капитала,
- б) обеспечение и поощрение частной и общественной инициативы,
- в) обеспечение личности и собственности¹.

Таким образом забота об обеспечении своей личности и собственности — вот что только беспокоило буржуазию.

Тяжелое же положение рудничных и заводских рабочих, длинный рабочий день, невыносимые условия работы, мизерная заработная плата при одновременном вздорожании пищи и одежды не были предметом беспокойства контрреволюционной буржуазии.

К октябрю конфликты в Донбассе достигли уже такой остроты, что Временное правительство, испугавшись размаха революционного движения рабочих Донбасса, вынуждено было послать в Донбасс своего уполномоченного Орлова, которому было поручено во что бы то ни стало добиться соглашения между промышленниками и рабочими.

¹ Архив Истпрофа, фонд № 10, дело 206, лист 36.

Составление проекта соглашения пришлось взять на себя областному бюро союза горняков. Подписанное областным бюро союза и союзом промышленников соглашение устанавливало за-рубщикам, забойщикам и отбойщикам прибавку (2 руб.) к существующим нормам заработной платы. Одновременно соглашение обязывало предприятия снабжать рабочих продовольствием. Вопрос же о 8-часовом рабочем дне остался открытым, а в некоторых местах (на Петроградско-Донецком руднике) вводился явочным порядком.

Так на основе имеющегося фактического материала рисуется упорная борьба пролетариата Донбасса за свои трудовые права.

Борьба рабочих за тарифы была одновременно и борьбой за свободу своих организаций.

Союзы металлистов, деревообделочников и другие союзы всюду отстаивали в процессе борьбы права фабзавкомов. Фабзавкомы, благодаря огромной пропагандистско-агитационной работе в них большевиков, явились прекрасными организаторами масс. В особенности большую работу пришлось вести большевикам в профсоюзах. Работа большевиков давала прекрасные результаты. Рабочие во многих городах переизбирали советы и профсоюзы, отзывая меньшевиков и эсеров и выбирая вместо них сторонников большевистской партии.

Организованный отпор наступлению капитала на рабочий класс дали и бакинские рабочие, отстаивая свой коллективный договор.

3 июля состоялось общее собрание мастеровых и рабочих 208 участка русского т-ва «Нефть». На повестке дня стоял доклад комиссии по коллективному договору.

Общее собрание, заслушав доклад комиссии по коллективному договору и всесторонне обсудив его, вынесло следующее постановление: «Если нефтепромышленники откажутся утвердить коллективный договор, применить к ним тот способ борьбы, который они применяют к нам, рабочим, т. е. тех предпринимателей, которые говорят, что предприятия не могут выдержать кол-договора и они принуждены будут закрыть (свои предприятия.— Ф. Л.),— мобилизовать годных фабрикантов и отправить на фронт, а остальных посадить в тюрьму, как врагов рабочего класса, а предприятия их реквизируют»¹.

На конференции 27 июля, где присутствовали 583 человека, комиссия выработала ставки на основании коэффициента вздорожания, равного 4,6. Выработанные ставки были предъявлены 1-му и 2-му союзам нефтепромышленников и администрации котельных мастерских.

Предприниматели отказались удовлетворить требования коллективного договора до повышения цен на нефть. Отказ нефтепромышленников заключить коллективный договор вызвал сильное волнение среди бакинских рабочих, и рабочие потребовали проведения демонстрации протеста.

¹ «Бакинский рабочий» № 23, 1917 г.

Меньшевистский совет рабочих и солдатских депутатов, вместо того, чтобы объявить демонстрацию протеста, запретил последнюю, продолжая тем самым свою тактику соглашательства с буржуазией.

Капиталисты цинично и нагло отказались удовлетворить требования рабочих, будучи полностью поддержаны меньшевистским советом.

Представитель министерства труда в Баку Рамишвили, пытаясь уговорить рабочих не начинать забастовки, выступил с «успокоительной» речью: «Здесь указывали на мою умеренную политику. Вам нужна бурная политика, нужны аресты промышленников. Я утверждаю, что работа по колдоговору шла очень быстро. Я верю тем капиталистам, которые говорят, что не могут удовлетворить требования рабочих. Я думаю, что вопрос может быть решен без забастовки. Я против забастовки и открыто об этом заявляю. Нужно иметь холодный рассудок и горячее сердце»¹.

Фролов — председатель бакинского исполнительного комитета общественных организаций, состоявшего из меньшевиков и эсеров, — при объявлении забастовки выступил вместе с буржуазной печатью против забастовки. Он писал: «Кто и по какому праву решил объявить забастовку? Ссылка на голод — демагогический прием. Забастовка — признак бессилия. Забастовка не должна быть!»².

Опасаясь последствий все разрастающегося движения бакинских рабочих, в Баку прибыл 4 августа и «сам» министр труда Скобелев, со своими знакомыми речами: «Россия гибнет, рабочие должны ограничить свои требования, нужны жертвы» и т. д.

Бакинские рабочие, не внимая «сладким» речам министров-«социалистов», устойчиво стояли на пути борьбы за свои классовые интересы.

16 сентября на конференции заводских и промысловых комиссий рабочие снова выдвигают требования о повышении заработной платы, об уплате при ликвидации предприятия двухнедельного заработка, о распространении новых ставок на рабочих, признании заводских и промысловых комиссий и введении 8-часового рабочего дня для всех категорий служащих.

В случае отказа предпринимателей удовлетворить эти требования конференция постановила объявить забастовку, каковая и была объявлена 27 сентября после окончательного отказа промышленников удовлетворить требования рабочих.

Бакинские рабочие 27 сентября в 8 час. утра организованно начали борьбу со своими эксплуататорами, проявив при этом огромную творческую силу и создав мощную дисциплинированную организацию. В этой забастовке рабочие были поддержаны солдатами и матросами. 2 октября на заседании стачечной конфе-

¹ «Бакинский рабочий» № 33, 1917 г.

² «Бакинский рабочий» № 59, 1917 г.

ренции председателем было доложено о переговорах с нефтепромышленниками по следующим пунктам:

- 1) распространение коллективного договора на всех служащих «Зафатема»;
- 2) введение 8-часового рабочего дня для всех категорий служащих;
- 3) уплата при ликвидации предприятия двухнедельного заработка;
- 4) основное жалование для рабочих «Зафатема» исчислять по нормам крупных нефтепромышленных фирм и
- 5) уплата за забастовочные дни.

Нефтепромышленники под давлением рабочих согласились на их требования, за исключением уплаты за забастовочные дни и введения 8-часового рабочего дня.

Центральный стачечный комитет предложил объявить вопрос о 8-часовом рабочем дне для служащих боевым и если в течение 24 часов не удовлетворят этого требования, забастовку не прекращать и вопрос об оплате за забастовочные дни в этом случае объявить ультимативным. Под угрозой столь ультимативных требований промышленники сдались, и 2 октября 1917 г. был заключен договор между представителями промышленников и рабочих, окончательная редакция которого была затем выработана на согласительной комиссии.

Экономическая борьба бакинских рабочих под твердым руководством большевиков подвела их вплотную к борьбе политической, к борьбе за власть. В дни Октября бакинские рабочие под руководством коммунистической партии были в первых рядах борцов за власть.

От нефтепромышленных рабочих г. Баку не отставали и типографские рабочие. Для улучшения условий своего труда 1 августа рабочие всех бакинских типографий предъявили через свой профессиональный союз хозяевам выработанный рабочими тариф для проведения его во всех типографиях.

Наниматели в бесцеремонной и пренебрежительной форме отказались даже от обсуждения вопроса о тарифе, по существу подчеркнув тем самым полное игнорирование жизненных интересов рабочих.

Тогда представители рабочих созвали 4 августа экстренное общее собрание всех рабочих для разрешения вопроса о дальнейших действиях. На собрании было решено объявить забастовку. По объявлении забастовки предпринимательский союз согласился приступить к обсуждению тарифа, при условии немедленного возобновления работы.

Солидарная забастовка в течение пяти дней вынудила хозяев приступить к рассмотрению тарифа. В предъявленном рабочими тарифе первые 12 пунктов относились к урегулированию общих условий труда, а 13-й пункт содержал тариф заработной платы для каждой отдельной специальности типографского труда, причем каждая такая специальность делилась на три категории с соответствующей для каждой категории оплатой, например, для набор-

щиков, печатников и переплетчиков 1 категории — 225 руб. в месяц, 2 категории — 180 руб., 3 категории — 150 руб.

Переговоры между рабочими печатниками и предпринимателями носили с самого начала ожесточенный и острый характер, причем соглашение по некоторым пунктам тарифа (прием и увольнение рабочих через союз, равенство в оплате мужского и женского труда и др.) было достигнуто лишь после угрозы начала новой забастовки.

Упорную борьбу за тариф пришлось вести и работникам печатного дела Петрограда.

Первыми выступили на защиту своих интересов квалифицированные рабочие газетных типографий. Затем последовали работники книжных типографий и другие.

Собранием уполномоченных была учреждена тарифная комиссия, которая к концу марта закончила разработку временного тарифа, предъявив его типографскому отделу общества заводчиков и фабрикантов и союзу владельцев предприятий графических искусств Петрограда. На совместном заседании представителей обеих сторон были приняты общие положения и нормы оплаты труда данного временного тарифа.

Особо упорное сопротивление встретила комиссия со стороны предпринимателей по вопросу о ставках тарифа.

Исходя из размеров прожиточного минимума, проект тарифа устанавливал плату для чернорабочих в 160 руб. в месяц, тогда как предприниматели соглашались повысить ставки только до 85—90 руб. Собрание уполномоченных, созванное рабочей комиссией, постановило до конца отстаивать тарифы, не останавливаясь даже перед забастовкой. Вышеуказанный временный тариф работников печати не затрагивал целого ряда вопросов, как, например, отпуска, вопроса о выборных организациях, медицинской помощи и т. д. Он не охватывал также всех рабочих, не касался, например, конфетчиков, билетопечатников и т. д.

Тарифные ставки, установленные этим тарифом, ввиду чрезвычайно быстрого вздорожания предметов первой необходимости очень скоро оказались слишком низкими для большинства групп рабочих. Потребовался пересмотр старого тарифа. Была вновь создана Центральная тарифная комиссия для переработки старого тарифа и внесения в него дополнений и изменений, необходимость в которых обнаружилась во время действия первого тарифа. В новый тариф были введены уже подробные положения о медицинской помощи, санитарно-гигиенических условиях в типографиях, об отпусках, праздниках и автономных правилах (правила внутреннего распорядка). Последние занимали центральное место в новом тарифе, так как содержали в себе пункт о праве контроля приема и увольнения рабочих. Эти автономные правила, наряду со ставками, служили главным предметом переговоров с предпринимателями при проведении данного тарифа.

Спротивление предпринимателей начало сказываться еще во время разработки тарифа. Так, для установления определенной нормы выработки литографов Центральной тарифной комиссии

необходимо было ознакомиться на месте с машинами, их работой и другими чисто техническими вопросами.

Ряд предпринимателей категорически отказался допустить представителей союза в помещении фабрики, несмотря на протесты фабричных комитетов. Одновременно правление союза владельцев предприятий графических искусств и типо-литографической секции при обществе заводчиков и фабрикантов приступило к составлению черных списков рабочих и 5 августа разослало членам союза владельцев предприятий графических искусств следующий циркуляр: «Правление просит Вас ранее чем принять квалифицированного рабочего справиться о нем по телефону в правлении, а равно просит г.г. членов секции и союза сообщить письменно имя, фамилию и специальность тех рабочих, которые оставят ваше предприятие из-за нового тарифа»¹.

Спротивление предпринимателей проявилось также и в вопросе о сроке вступления в силу нового тарифа. Срок старого тарифа истекал 1 августа, и, естественно, рабочие считали, что с этого момента должен вступить в действие новый тариф. Однако предприниматели, ссылаясь на то, что проект тарифа им не был представлен своевременно, предлагали начальный срок действия нового тарифа установить со дня подписания договора обеими сторонами.

Решительный отказ предпринимателей считать начало действия нового тарифа с августа вызвал объявление стачки, и 12 августа уже бастовали рабочие 20 типографий.

Через некоторое время в борьбу открыто вмешалось министерство труда, предложив свое посредничество для ликвидации конфликта. Рабочие согласились на предложение министра труда передать вопрос на окончательное решение междуведомственного совещания, которое вынесло свое постановление считать 1 августа днем введения нового тарифа.

Этим борьба за тариф не была еще закончена, и 25 сентября министерство труда получило от общества заводчиков и фабрикантов заявление об отказе подчиниться договору с профсоюзом печатников, который был подписан его уполномоченным 15 сентября.

Это обстоятельство вновь вызвало волну забастовок.

Не менее упорную борьбу за тариф пришлось вынести рабочим других специальностей и в других городах России, причем в большинстве случаев предприниматели соглашались на принятие тарифа лишь под давлением объявленной или подлежащей объявлению забастовки.

Здесь необходимо отметить, что вопрос о контроле над приемом и увольнением был одним из боевых вопросов борьбы за колдоговор. Во многих отраслях промышленности рабочие предъявляли категорические требования о том, чтобы прием и увольнение рабочих происходили исключительно под контролем профсоюзов или фабзавкомов. Предприниматели же не соглашались на

¹ Материалы по статистике труда, Петроград, 1919 г.

эти требования, считая это посягательством на их предпринимательские права.

Целый ряд забастовок в различных отраслях промышленности и был вызван борьбой за этот пункт колдоговоров, причем если предприниматели с трудом соглашались на контроль профсоюзов за приемом рабочей силы, то в вопросе увольнения предприниматели не шли ни на какие уступки. Да это и понятно. Фабриканты, сохраняя за собою свободу в вопросах увольнения, в любой момент могли избавиться от нежелательных для них революционно-настроенных рабочих.

Обладали ли заключающиеся в рассматриваемый период коллективные договоры юридической силой?

Законной регламентации коллективные договоры в этот период вообще не получили. Лишь образованная при министерстве труда комиссия решила включить в разработанный ею проект о трудовом договоре пять статей, специально посвященных коллективному договору. Содержание этих статей следующее:

«Ст. 10. Союзы рабочих или служащих могут заключать с союзами предпринимателей или хозяев, а также с отдельными предпринимателями или хозяевами и эти последние с занятыми у них рабочими или служащими условия, которых участники соглашения обязуются придерживаться как при совершении ими трудовых договоров, так и вообще при установлении условий труда в каждом отдельном предприятии или хозяйстве. Коллективное соглашение имеет обязательную силу для всех членов заключившего его союза, хотя бы они вступили в союз после того, как состоялось соглашение.

Ст. 11. Коллективное соглашение совершается в письменной форме и освобождается от гербового сбора; подлинный договор может быть внесен в местный промысловый суд. По просьбе заинтересованных лиц суд выдает засвидетельствованные копии или выписи.

Ст. 12. Когда трудовой договор заключен с нанимателем, связанным коллективным соглашением, и содержит условия, менее благоприятные для нанявшегося, обязательными для сторон признаются условия коллективного соглашения. Зарегистрированный союз, членом которого он состоит, может требовать от нанимателя уплаты суммы, равной выгоде, извлеченной им из нарушения обязательного для него коллективного соглашения. Если размер извлеченной выгоды не может быть точно установлен, он определяется судом по справедливому усмотрению, основанному на соображении всех обстоятельств дела.

Ст. 13. Союзы обязаны принимать все зависящие от них меры к тому, чтобы их члены не нарушали условий коллективного соглашения, но они несут имущественную ответственность за нарушение ими коллективного соглашения, в какой она предусмотрена соглашением.

Ст. 14. Если в коллективном соглашении определено, что споры и разногласия по поводу толкования и применения этого соглашения должны разрешаться третейским судом или специально

созданным для этой цели учреждением, стороны обязаны подчиниться решению третейского суда или указанного учреждения¹.

Таким образом в проекте о трудовом договоре устанавливались следующие положения:

- 1) право союзов заключать коллективные соглашения;
- 2) их обязательность для всех членов союза, хотя бы они вступили в него после того, как состоялось соглашение;
- 3) автоматическое и принудительное применение условий коллективного соглашения, если только индивидуальный договор не содержит более благоприятных для нанявшегося условий;
- 4) обязанность союза удерживать своих членов от нарушения коллективного договора.

При обсуждении проекта в заседании особого комитета при министерстве труда принимавшие в нем участие представители петроградского общества заводчиков и фабрикантов неизменно указывали на то, что законодательная нормировка тарифных договоров представляется не только излишней, но и вредной.

Мнение промышленников послужило серьезным аргументом для министерства труда, и оно сделало все возможное для того, чтобы провалить даже куцый проект о трудовом договоре.

Вышеупомянутый проект закона, а вместе с ним пять статей о коллективном договоре, в связи с этим так и не увидел света.

Еще до февральской революции, в связи с появлением колдоговоров в России, мы встречаемся с попыткой буржуазных юристов обосновать юридическую силу колдоговоров на основе общих принципов гражданского права.

Эти юристы указывали, что на основании ст. 570 т. X ч. I Св. законов коллективное соглашение, как и всякое обязательство, правильно составленное, имеет обязательную силу для его участников.

Буржуазными юристами, в том числе и одним из видных представителей буржуазной теоретической мысли проф. Талем², эта концепция целиком применялась и к коллективным договорам 1917 г., так как старые гражданские законы оставались в силе, а особого закона о колдоговорах издано не было.

Такое обоснование юридической силы колдоговоров было всецело наруку предпринимателям.

Из совокупного смысла архаических статей 570, 572, 693 ч. I т. X Св. законов вытекало, что неисполнение всякого обязательства дает право на иск и что предмет иска составляет «удовлетворение во всем, что в оных постановлено», а при наличии убытков — их возмещение. Следовательно и нарушение коллективного договора влекло за собой право отыскивать убытки, но это право было предоставлено лишь предпринимателям при нарушении коллективного договора рабочими, рабочая же сторона коллективного договора была лишена возможности требовать причиненные нарушением договора убытки.

¹ Таль, Очерки промышленного рабочего права, 1918 г. Приложение — Проект закона о трудовом договоре, стр. 183.

² Таль, Очерки промышленного рабочего права, 1918 г.

По общим началам гражданского права убытки мог отыскивать лишь потерпевший, а таким потерпевшим в случае нарушения договора предпринимателем и заключения с рабочим индивидуального договора на условиях худших по сравнению с условиями, предусмотренными в тарифе, выступал сам рабочий, которому право отыскивать убытки не было предоставлено, так как он добровольно согласился на предложенные ему условия.

Профсоюзная организация, заключившая колдоговор, также не имела права на взыскание убытков, ибо она, по смыслу закона, в случае нарушения колдоговора предпринимателем не несет никакого ущерба.

Так действовавшие в период Временного правительства законы создавали порядок, при котором предприниматели могли безнаказанно нарушать коллективные договоры.

В тарифном договоре определялся порядок его пересмотра и возобновления на новый срок, а также порядок его истолкования и разрешения отдельных вопросов по его применению. Для толкования коллективного договора и разрешения отдельных споров по его применению обыкновенно учреждались примирительные камеры.

В тарифный договор должно было включаться постановление о сроках его действия. Если в тарифном договоре не был указан его срок, то каждая из сторон могла в любое время отказаться от дальнейшего соблюдения договорного тарифа.

Договор, заключенный незарегистрированным союзом, не имел юридической силы. Из договоров, заключенных незарегистрированным союзом, не вытекало ни права, ни возможности предъявления иска, ибо, согласно постановлению Временного правительства от 12 апреля 1917 г. о собраниях и союзах, гражданские права были предоставлены союзам только при условии регистрации.

Пункт 6 указанного постановления гласил: «Право приобретения и отчуждения недвижимых имуществ, образовывать капиталы, искать и отвечать на суде предоставляется лишь тем обществам и союзам, уставы которых зарегистрированы судебной властью». Стороной тарифного договора могли быть только зарегистрированные союзы.

Не отмененные Временным правительством царские законы, отстаивавшие интересы денежного мешка, продолжали действовать. Продолжавшие активно действовать буржуазное право и буржуазный суд защищали только интересы фабрикантов и заводчиков.

Рабочей стороне тарифного договора Временное правительство совершенно не обеспечивало судебной защиты. Однако рабочие мало считались с писанными буржуазией законами и смело отстаивали свои требования, предпочитая боевой способ разрешения коллективных споров хождению по инстанциям и судебным процессам, затягивавшимся на долгое время.

Это обстоятельство и создало положение, при котором вопрос

о судебной защите против нарушителей коллективного соглашения даже почти и не возникал.

Обращаясь к общей характеристике забастовочной борьбы этого периода, следует прежде всего отметить, что забастовочное движение носило длительный, упорный и непрерывный характер. Одна забастовка сменялась другой, переходя из одного района в другой, из одной отрасли промышленности в другую. Борьба шла весьма ожесточенная, ибо ни правительство, ни промышленники без упорной стачечной борьбы рабочих не делали ни шагу, чтобы сколько-нибудь улучшить положение рабочего класса.

Как только конфликт принимал более острые формы, правительство спешило применить новые, более изощренные способы борьбы, используя для этого «социалистическое» министерство. И не раз представителям министерства труда приходилось выезжать в места забастовок (приезд Скобелева в Баку, посылка министерством труда своего уполномоченного в Донбасс и пр.) с целью убедить, уговорить, призвать рабочих прекратить забастовку и пойти на соглашение с буржуазией.

Между министерством труда и промышленниками существовала тесная верноподданническая связь. Министерство труда, выступая в качестве посредника между трудом и капиталом, защищало в этом посредничестве прежде всего интересы русских фабрикантов и заводчиков, игнорируя и предавая при этом интересы рабочих во всех принципиальных вопросах, прикрывая при этом свое предательство пафосом соглашательской фразеологии.

Меньшевики под маской защитников интересов рабочих делали все, чтобы сорвать стачечное движение, стараясь примирить рабочий класс с буржуазией и укрепить позиции буржуазии в борьбе с пролетариатом. Эта замаскированная деятельность меньшевиков, стремившаяся ослабить активную стачечную борьбу, все время разоблачалась большевиками, которые не упускали ни одного случая для того, чтобы сорвать предательскую маску с меньшевиков.

Заключенные тарифные договоры являлись договорами между двумя борющимися сторонами, причем предприниматели при поддержке правительства всячески суживали значение и смысл отдельных пунктов заключенного таким образом договора.

Тарифный договор не избавлял рабочих от невыносимых условий существования и не облегчал их тяжелого положения.

Подъем массового революционного движения за повышение заработной платы, за 8-часовой рабочий день и за контроль над производством вплотную подвел рабочий класс к борьбе за власть. На опыте тарифной борьбы рабочий класс со всей очевидностью убедился, что никакими соглашениями и договорами с капиталистами нельзя сколько-нибудь существенно улучшить положение рабочего класса. Рабочему классу стало ясно, что эта задача может быть кардинально разрешена лишь после захвата рабочим классом власти в свои руки.

Перед рабочим классом вплотную встала задача овладения властью, задача перехода к социалистической революции.

Опираясь на революционное движение масс, партия большевиков руководила этим движением, формируя и организовывая массовую политическую армию для октябрьского вооруженного восстания. И в ночь на 25 октября российский пролетариат под руководством большевистской партии Ленина—Сталина одержал всемирно-историческую победу, результатом которой явилось создание на $\frac{1}{6}$ части земного шара социалистического строя.

ЛЕНИНОВНА Р. И.

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА
В ПОДЪЕМНОМ СЕЗОНЕ

(по материалам Ленинграда)

СТАТЬЯ

ДАВИДОВИЧ Я. И.

ОЧЕРК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА В ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

(по материалам Ленинграда)

I

Товарищ Сталин в день празднования XII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции опубликовал статью «Год великого перелома»¹. Статья эта посвящена подведению итогов 1928/29 г. во всех областях социалистического хозяйства.

Недаром и не случайно этот год, начальный год первой сталинской пятилетки, товарищ Сталин назвал годом великого перелома.

1928/29 г., как известно, ознаменован решительным наступлением социализма на капиталистические элементы города и деревни, ознаменован рядом крупнейших успехов во всей народнохозяйственной жизни Союза ССР.

Значительнейшими успехами, достигнутыми социалистическим хозяйством и отмеченными товарищем Сталиным в указанной статье, явились:

а) рост производительности труда, обусловленный разворачиванием творческой инициативы и трудового подъема рабочего класса Союза ССР и решительной борьбой за железную трудовую дисциплину;

б) разрешение проблемы накоплений для капитального строительства тяжелой индустрии, ускоренный темп ее развития;

в) коренной перелом в развитии нашего советского земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному, передовому социалистическому коллективному земледелию, к колхозам, опирающимся на МТС, к социалистическим совхозам.

Настоящая статья, являющаяся переработанной главой кандидатской диссертации, представляет собой лишь очерк отдельных вопросов правового регулирования труда в ленинградской промышленности, опыта работы органов суда, прокуратуры и Наркомтруда в Ленинграде в год великого перелома (1928/29).

Обращение к опыту ленинградского пролетариата и ленинград-

¹ «Правда» № 259 от 7 ноября 1929 г.

ской промышленности обусловлено той исключительной ролью, которую играли и играют ленинградские рабочие и ленинградская индустрия в социалистическом строительстве.

Год великого перелома навсегда войдет в историю социалистического строительства в СССР как одна из наиболее славных и героических ее страниц.

Товарищ Сталин не случайно ссылается в своей статье «Год великого перелома» на известное место из доклада В. И. Ленина IV конгрессу Коммунистического Интернационала, в котором Владимир Ильич подчеркивал решающее значение тяжелой индустрии для разрешения основных задач строящегося социализма. Говоря о средствах для тяжелой промышленности, В. И. Ленин говорил:

«Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли»¹.

Именно в свете этих ленинских указаний о значении тяжелой индустрии Ленинград с его высокоразвитой промышленностью и в особенности его кадрами представляет особый интерес.

Именно поэтому также опыт работы за первый год пятилетки, его победы и поражения, его основные черты и детали так важны и современны, несмотря на прошедшие 10 лет.

Вопрос о людях, о кадрах, этот фактор, решающий и решивший победу ленинградской промышленности в эпоху первой пятилетки, также как и в другие периоды борьбы за социализм, требует специального и пристального внимания. В этой связи следует еще и еще раз вспомнить слова товарища Сталина:

«Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»².

Ленинградская промышленность встретила год великого перелома вооруженной и подготовленной к разрешению хозяйственно-политических задач чрезвычайной важности.

Посмотрим, с какими кадрами вступила ленинградская промышленность в период первой пятилетки³.

В 1928 г. в ленинградской ценовой промышленности работали 229 985 рабочих⁴ и учеников, распределявшихся по отраслям (приводятся данные лишь по основным отраслям) следующим образом:

в металло-электропромышленности	81 761
в химической промышленности	18 899
в текстильной промышленности	53 720
в пищевой промышленности	17 920
в полиграфической промышленности	11 058 и т. п.

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 349.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 466.

³ Все приводимые цифровые данные заимствованы из экономико-статистического сборника «XV лет диктатуры пролетариата», изд. Леноблсполкома и Ленсовета, 1932 г., стр. 73—74 и след.

⁴ Число рабочих и служащих в ценовой и мелкой промышленности в 1927/28 г. 288 700 чел., в 1928/29 г. — 308 500 чел.

Удельный вес ИТР и служащих: в металло-электропромышленности — 17,2%, в химической — 11,2%, в текстильной — 5,5%, в пищевой — 12,2% и во всей промышленности в среднем — 12,1%.

Что характерно в составе ленинградского пролетариата?

Статистические данные с исключительной убедительностью свидетельствуют об огромном количестве рабочих Ленинграда, имеющих значительный производственный стаж (40% до 1914 г.) и квалификацию (свыше 70% квалифицированных и полуквалифицированных рабочих).

Больше половины ленинградских металлистов и текстильщиков по происхождению — потомственные пролетарии.

Более 40% металлистов и около 35% текстильщиков — члены Всесоюзной коммунистической партии большевиков и ленинского комсомола.

Таким образом ленинградская промышленность вступила в период первой пятилетки, обладая превосходным рабочим составом.

* *
*

Октябрь 1928 г. является начальным периодом первой пятилетки, пятилетний же план ленинградской промышленности в первом варианте утвержден в I квартале 1929 г.

Остановимся вкратце на плане по труду и его выполнении.

На 1928/29 г. ленинградская промышленность получила следующие оперативные задания по сравнению с 1927/28 хозяйственным годом:

Рост производства	на 27,7%
Рост рабочей силы	„ 9,8%
Рост производительности труда	„ 16,4%
Рост зарплаты (среднемесячный)	„ 5,1%
Снижение себестоимости	„ 7,8%

В итоге работы за год индустрия Ленинграда имела по трудовым показателям следующие результаты: план роста производства был перевыполнен, но с превышением плана по рабочей силе (по промышленности союзного подчинения на 1,3%).

Картина выполнения других показателей в области труда в год великого перелома такова: общий процент неявок на работу снизился с 12,9 до 12%, неуважительные прогулы — с 1,2 до 0,7%; снизилась и заболеваемость (с 4,5 до 4,4%).

Касаясь вопроса использования рабочего времени, другого немаловажного фактора в деле повышения производительности труда, ленинградская промышленность работала лучше, чем в 1927/28 г.

Значительно выросла производительность труда (на 16%), сократились простои.

Уменьшение прогулов — прямой результат издания специального законодательного акта¹, разрешавшего в предприятиях со-

¹ Постановление СНК СССР от 6 марта 1929 г. о мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях (Президиум ЦИК

циалистического сектора увольнять нарушителей дисциплины без предварительной санкции РКК. Это был серьезный удар по нарушителям дисциплины труда. Однако и при этом положение не могло считаться нормальным. Не следует забывать, что неявки на работу вызывали ежемесячно недовыработку продукции на 10 млн. рублей. Одни только прогулы влекли за собой ежемесячную недовыработку в сумме полтора миллиона рублей.

II

В этой части работы мы останавливаемся на влиянии норм советского трудового права и практической работы органов НКТ, суда и прокуратуры на состояние трудовой дисциплины, серьезного фактора поднятия производительности труда в ленинградской промышленности.

Прежде всего коснемся тех правовых мер, которые проводили в Ленинграде органы НКТ, суда, прокуратуры и промышленности, реализуя постановление СНК СССР от 6 марта 1929 г., о котором уже было сказано выше. Речь идет, таким образом, о роли трудового права в деле укрепления дисциплины труда. Реализация закона, т. е. предоставление права администрации увольнять работника, нарушившего трудовую дисциплину, без предварительной санкции РКК, решало вопрос лишь частично.

Необходимо было изменить и общий режим в промышленном предприятии, поднимая трудовую дисциплину на более высокую ступень. Необходима была четкая линия суда, прокуратуры и органов НКТ в деле разрешения трудовых споров об увольнениях за нарушение дисциплины.

Ленинградский отдел труда принял 29 мая 1929 г. в связи с этим ряд решений, обеспечивающих укрепление трудовой дисциплины¹. Эти меры были прямо основаны на особых циркулярных указаниях НКТ СССР².

Ленинградский областной отдел труда (ЛООТ) начал учитывать в своей конфликтной практике, что действующими табелями взысканий предусмотрена возможность увольнения в качестве меры взыскания при первом же грубом нарушении трудовой дисциплины.

Табель взысканий давал лишь общие положения, не затрагивающие конкретно обстановки совершения проступка. Условия, в которых был совершен проступок, могли в некоторых случаях резко усугублять вину работника. Если, например, пребывание на работе в нетрезвом виде влекло за собой в первый раз, как правило, по табелю лишь выговор, работа в пьяном виде на осо-

СССР 3 апреля 1929 г. утвердил. ст. 1 постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г., распространив ее и на государственные учреждения). В связи с этим изменено и прим. 1 к ст. 47 КЗоТ РСФСР.

¹ Постановление от 29 мая 1929 г. 3-й АОР Фонд. отд. труда, дело № 1. стр. 1—5.

² Циркуляр НКТ СССР 8 марта 1929 г. № 107 о мерах по укреплению трудовой дисциплины («Изв. НКТ» № 14, 1929 г.).

бо ответственных механизмах, угрожая предприятию или жизни и здоровью рабочих, служила основанием к немедленному увольнению. Поэтому в подобных случаях на основе директив НКТ ЛООТ отказывал в отмене решений РКК по жалобе нарушителя трудовой дисциплины, хотя формально по табелю на работника следовало, может быть, наложить взыскание в виде выговора. Далее, на основе этих же указаний ЛООТ не отменял решений РКК по вопросу о взысканиях за нарушение трудовой дисциплины, если отступления формального порядка в решениях РКК не могли повлиять на существование решения.

В этом плане и была резко изменена линия отдела труда в деле надзора за решениями РКК по конфликтам об увольнениях за нарушение трудовой дисциплины.

Вот первые результаты этой новой линии:

Год	Месяц	Подано жалоб на решения РКК об увольнении за нарушения трудовой дисциплины	Утверждено увольнений
1929	Январь	97	95
	Февраль	123	117
	Март	126	121

В дальнейшем, с 1 апреля по 1 октября 1929 г., в ЛООТ было подано 327 жалоб на решения РКК, утвердившие увольнения за нарушения трудовой дисциплины. Большинство этих жалоб было отклонено.

Наконец, отдел труда в целях ликвидации отлучек рабочих с предприятий в рабочее время по конфликтным делам организовал вечерний ежедневный прием рабочих.

В связи с непрерывным набором на заводы новой рабочей силы биржа труда получила специальные указания о предотвращении просачивания на предприятия классово чуждых элементов, прогульчиков и нарушителей дисциплины труда (см. об этом дальше). Одновременно бирже труда было предложено при посылке на работу учитывать местожителство безработного в связи с местонахождением завода, фабрики. По постановлению президиума ЛОСПС и ЛОСНХ был поставлен и положительно разрешен вопрос о продлении ночной работы трамвая до двух часов ночи в целях обеспечения проезда рабочих второй и третьей смен.

Органы социального страхования и здравоохранения получили исчерпывающие директивы об усилении контроля над симулянтами и систематическими «бюллетенщиками».

Надо иметь в виду, что влияние постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г. не ограничилось узкой сферой установления нового порядка увольнения за нарушение трудовой дисциплины.

Это постановление оказало свое влияние и на страховое законодательство.

Союзный совет социального страхования при НКТ СССР¹ вскоре после издания постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г. вынес чрезвычайно важное решение об изменении правил о назначении и выдаче пособий по временной нетрудоспособности².

В силу этого решения пособие по болезни не выдавалось в случае наступления нетрудоспособности вследствие острого опьянения застрахованного или причинения нетрудоспособности его действиями, вызванными острым опьянением (драки, ранения и т. п.), причем в обоих случаях пособие не выдавалось, в силу указанного решения СССР, за первые три дня нетрудоспособности независимо от общей ее продолжительности.

Приводим другой пример значения постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г. в деле борьбы за дисциплину труда на разных участках нашего трудового законодательства. СНК РСФСР предложил НКТ и НКЮ пересмотреть действовавшее положение о взысканиях за мелкую фабрично-заводскую кражу³. НКТ и НКЮ, выполняя эту директиву СНК, установили⁴, что при несогласии работника с распоряжением администрации о применении к нему в качестве дисциплинарного взыскания увольнения в случае установления факта кражи путем поимки с поличным или другими бесспорными доказательствами (свидетели, очевидцы) дело подлежало передаче в народный суд. Если последний выносил обвинительный приговор, администрация приобретала право на расторжение трудового договора без оплаты за время отстранения от работы и без выходного пособия. Если выносился оправдательный приговор (или в случае прекращения дела) ввиду малозначительности проступка (хотя бы последний и был установлен), администрация освобождалась от обязанности выплатить заработную плату за время ареста или отстранения от работы. В этих случаях администрации предоставлялось право уволить работника по непригодности (п. «в» ст. 47 КЗоТ), если преступление было связано с работой и это обстоятельство обнаруживало непригодность работника к дальнейшей работе на данном предприятии.

Работа судебных органов в 1929 г., в первом году пятилетки, в особенности в деле укрепления трудовой дисциплины, имела огромное политическое значение.

В нашей стране каждое судебное решение, по какому бы делу оно ни было вынесено, имеет большое общественно-политическое значение.

¹ Постановление СССР от 6 марта 1929 г. № 205 («Изв. НКТ» № 30, 1929 г.).

² Вводная часть ст. 38 и п. «а» ст. 38 Правил, утвержденных СССР при НКТ СССР 9 мая 1927 г. № 121 («Изв. НКТ» № 23, 1927 г.).

³ Постановления НКТ и НКЮ РСФСР 28 июня и 2 июля 1928 г. («Изв. НКТ» № 37, 1928 г.).

⁴ Постановление НКТ и НКЮ РСФСР от 5 декабря 1929 г. («ЕСЮ» № 2, 1930 г.).

Неправильное решение, вынесенное по трудовому делу (неправильное восстановление на работе прогульщика, необоснованное снятие с работника дисциплинарного или материального взыскания), неизбежно должно было влечь за собой вредный общественно-политический резонанс.

Вредительские и контрреволюционные элементы часто использовали в своих интересах против рабочего класса подобные ошибочные судебные решения. Неправильные судебные решения вообще могли способствовать расшатыванию трудовой дисциплины.

Но наряду с необходимостью твердой политической линии в делах о нарушениях трудовой дисциплины все иные моменты работы суда: строгое соблюдение норм материального и процессуального права, быстрота и четкость вынесения и исполнения решений — имели, разумеется, не меньшее значение.

В области борьбы за дисциплину труда необходимо отметить значение отнесения дел об увольнении за нарушение трудовой дисциплины к числу обязательных для рассмотрения в РКК. Это было закреплено в п. «в» ст. 10 Положения об РКК, утвержденного НКТ СССР 12 декабря 1928 г., обеспечивая при надлежащем инструктировании РКК и в особенности рабочей части наиболее правильное разрешение конфликта. Указанное мероприятие имело воспитательное значение, приближало разбор конфликта к производству, к рабочей массе, давало возможность с максимальной тщательностью учесть не только всю конкретную обстановку производства, в которой имело место нарушение, но и вскрыть лицо нарушителя.

Судебные органы, куда конфликт попадал уже после установления в РКК разногласия или отмены решения РКК в порядке надзора, принимали во внимание, откуда нарушитель дисциплины труда пришел на завод, являлось ли нарушение случайным или умышленной вылазкой чуждого человека.

Это положение с особенной четкостью подтверждено пленумом Верховного суда 27 мая 1929 г.¹, прямо воспретившим на основе указанных выше положений прием судом к производству дел (об увольнениях за нарушения дисциплины), не рассмотренных РКК. Если же решение РКК было отменено или соглашение сторон не было достигнуто и дело, таким образом, принималось для рассмотрения по существу, пленум предложил судам строго соблюдать директивы о борьбе с прогулами, пьянством на работе и т. п. и при наличии серьезного (хотя бы и единичного) нарушения дисциплины труда отказывать в иске о восстановлении на работе.

Подводя итоги работы судебной системы РСФСР за первое

---

¹ Протокол № 8 заседания пленума Верховного суда РСФСР от 27 мая 1929 г. («Судебная практика» № 11, 1929 г.). В этом постановлении имеется ссылка на циркуляр НКЮ от 15 марта 1929 г., изданный в развитие известного постановления СНК СССР от 6 марта 1929 г. («ЕСЮ» № 13, 1929 г.).

полугодие 1929 г., президиум Верховного суда¹ еще раз обратил внимание ГКК на необходимость в связи с новыми задачами в области трудовой дисциплины сосредоточить особое внимание на работе трудовых сессий и предложил ГКК систематически изучать работу судов по трудовым делам, обеспечив проведение живого руководства ими с тем, чтобы добиться поднятия трудовой дисциплины, обеспечить борьбу с рвачеством, развертывание самокритики и проведение принципа единоначалия.

Работа особой сессии народного суда по трудовым делам в Ленинграде в условиях действия нового закона о порядке разрешения трудовых споров² в начальном периоде первого пятилетия резко улучшилась.

Быстрота и четкость разрешения трудовых дел, оперативная реакция суда на ненормальные явления в деле правового регулирования труда в промышленности, общественное значение на производстве каждого судебного решения, активная роль суда в деле помощи партии и правительству по реализации принципов социалистической организации труда — все эти моменты очень интересны и важны для оценки работы ленинградской трудовой сессии³.

На первое июля 1929 г. остаток нерассмотренных дел в нашей ленинградской трудовой сессии состоял лишь из дел, поступивших за последние шесть дней. В 1929 г. все поступившие в трудовую сессию заявления назначались к слушанию на пятый — седьмой день. Если в 1928 г. количество дел, рассмотренных в семидневный срок, составляло лишь 46,6%, то в 1929 г. это количество поднялось до 61,1%. Количество отложенных дел по сравнению с 1928 г. снизилось с 22 до 17% по гражданским и с 8 до 7% по уголовным трудовым делам.

Твердая линия трудовой сессии, основанная на постановлении СНК СССР от 6 марта 1929 г. (о котором уже неоднократно упоминалось), в вопросах увольнения за нарушение трудовой дисциплины характеризуется хотя бы тем, что по 70% дел об этих увольнениях трудовая сессия в иске отказала. Вместе с тем, не забывая о задаче борьбы с бюрократическими и неправильными увольнениями честных советских тружеников, трудовая сессия по 42 делам привлекла к уголовной (ст. 133 УК) и материальной (ст. 72 закона от 29 августа 1928 г.) ответственности виновных в незаконных увольнениях хозяйственников.

Необходимость единообразной линии всех камер трудовой сессии в сложных и принципиальных вопросах и установления единой точки зрения на спорные моменты с органами прокуратуры, ЛООН и профсоюзами вызвала к жизни интересные объединенные совещания судей, членов суда, работников союзов и

¹ Постановление президиума Верховного суда по докладу ГКК за первое полугодие 1929 г. («Судебная практика» № 22, 1929 г.).

² Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов.

³ Р. Шифер, Работа трудсессии Ленинграда, «Рабочий суд» № 17—18, 1929 г., стр. 175.

органов труда. В течение 1929 г. было проведено 9 таких совещаний, на которых было разрешено 20 сложных и принципиальных вопросов.

Качество решений трудовой сессии резко поднялось вместе с квалификацией работников. Только 3,7% решений в 1929 г. было отменено в кассационном порядке. Общие данные о работе трудовой сессии в 1929 г. характеризуются следующими цифрами: сумма предъявленных исковых требований достигла 2,5 млн. руб., количество исков, удовлетворенных полностью, — 43,5%, частично — 26,6%, отказано — 34,9%.

Ленинградская трудовая прокуратура проявила инициативу созыва ряда специальных совещаний работников хозяйственных и профессиональных органов, суда, РКК и ЛООТ в целях назначения конкретных путей борьбы за дисциплину труда. Представители ленинградской прокуратуры сделали ряд докладов на рабочих собраниях. Наконец, ленинградская прокуратура, систематически изучая дела, проходящие через трудовую сессию и особенно кассационную инстанцию, сумела во время сигнализировать областному суду о некоторых недочетах в работе трудовой сессии. В одном из документов НКЮ¹ ленинградская прокуратура названа «горячо отзывавшейся на директиву центра по укреплению трудовой дисциплины».

Одновременно с этими мерами правового порядка первый год пятилетки характеризуется усилением массовой воспитательной работы по вопросам трудовой дисциплины, особенно среди новых рабочих. Широко разворачивается организация товарищеских судов на предприятиях. Наконец, ЛОСНХ, отмечая, что администрация предприятий далеко не всегда использует установленные законом права по борьбе за твердую трудовую дисциплину, предложил директорам резко изменить линию в этом вопросе.

* *

*

Если в начальный период первой пятилетки закон предоставил право руководителю социалистического предприятия увольнять нарушителей дисциплины без предварительной санкции РКК, то на рубеже второй сталинской пятилетки наше законодательство делает новый решительный шаг вперед.

После окончания первой пятилетки, когда были завершены исторические мероприятия величайшей важности по технической реконструкции социалистической индустрии, созданы новые отрасли промышленности и новые промышленные районы, когда основные массы крестьянства повернули на путь колхозов, наше трудовое законодательство снова было на передовых позициях борьбы за дисциплину. Требования широчайших масс объявить беспощадную борьбу против лодырей и прогульчиков в усло-

¹ Распоряжение по НКЮ РСФСР № 45-а от 4 июля 1930 г. («С. Ю.» № 19, 1930 г.).

виях размаха социалистического соревнования и сила примера лучших людей фабрик и заводов предопределили новый этап борьбы за трудовую дисциплину.

15 ноября 1932 г. правительство приняло новый закон о прогулах¹. По этому закону администрации не только предоставлено право увольнения прогульщика², но на нее возложена и обязанность уволить работника в случае одного дня неявки на работу без уважительных причин. Стало быть, по закону 15 ноября 1932 г. руководители предприятий или учреждений обязаны уволить прогульщика. Более того:

«лица администрации, виновные в неисполнении обязанностей, возлагаемых постановлением ЦИК и СНК СССР 15 ноября 1932 г. и настоящей инструкцией, должны привлекаться НКТ и его местными органами к административной или судебной ответственности»³.

Надо сказать, что в последующие годы НКТ и его органы, а равно органы суда и прокуратуры не всегда проявляли должное большевистское упорство в выполнении этой директивы. Недавно СНК СССР и ЦК ВКП(б) в решении от 28 апреля 1937 г. о работе угольной промышленности Донбасса отметили, что прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины не стали еще объектом беспощадной борьбы со стороны многих хозяйственных, партийных и профессиональных органов и что эти нарушения дисциплины труда происходят «...зачастую при их попустительстве отсталым и недисциплинированным элементом, что наносит прямой ущерб как работе угольной промышленности, так и интересам всех рабочих, мешая правильной организации работ, росту добычи, а, следовательно, и росту заработка рабочих»⁴.

Совершенно очевидно, что эти указания касаются не только угольного Донбасса, но и всей нашей промышленности.

Наконец, в период третьей сталинской пятилетки, когда в условиях коллективного счастливого труда неизмеримо выросли сознательность и культура трудящихся Советского Союза, когда под знаменем Сталинской Конституции социалистические труженники под руководством партии Ленина—Сталина завершили в основном построение социализма, дальнейшее потакание и попустительство нарушениям дисциплины труда стали абсолютно неприемлимыми.

Значение укрепления трудовой дисциплины неизмеримо выросло. Трудовая дисциплина—не частное дело работника, а вопрос большого государственного значения. Именно поэтому советский народ с большим воодушевлением встретил постановление

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. (СЗ 1932 г. № 78, ст. 475).

² Ст. 47, п. «е» КЗоТ в старой редакции. Этот пункт был исключен из КЗоТ вообще, увольнение же за прогул было в КЗоТ РСФСР определено новой ст. 47¹ (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 ноября 1932 г.—СЗ 1932 г. № 85, ст. 371).

³ Ст. 13 инструкции НКТ СССР от 26 ноября 1932 г., одобренная СНК СССР («БФХЗ» № 13, 1933 г.).

⁴ СЗ 1937 г. № 28, ст. 114.

СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по укреплению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»¹.

XVIII съезд ВКП(б), определивший программу третьей сталинской пятилетки, — пятилетки «...завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму...»², — вопросы трудовой дисциплины поднял на новую ступень.

Постановление от 28 декабря 1938 г. — акт величайшего значения, принятый на основе многочисленных требований честных социалистических тружеников.

Мы привели три этапа развития советского трудового законодательства на одном лишь из его участков (дисциплина труда рабочих и служащих только лишь за 10 лет). Не ясно ли, что постановление СНК СССР от 6 марта 1929 г. о порядке увольнения за нарушение дисциплины труда, постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. об увольнении за прогул и постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины — исключительно яркое и четкое доказательство роли права в организации и укреплении социалистической организации труда?

Антисоветский характер гнусных бредней врагов и их подголосков о «свертывании», «выветривании» трудового права выступает с особой рельефностью в свете только что кратко очерченного пути законодательства о дисциплине труда.

III

Обзор правового регулирования труда в первом и частично во втором году пятилетки (мы намеренно касаемся здесь и 1930 г.) был бы неполным, если бы мы не осветили вопроса о безработице, фактически окончательно ликвидированной во втором году пятилетки — в 1930 г.

В результате социалистического наступления по всему фронту, индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства была окончательно и навсегда ликвидирована безработица в СССР. Этот процесс в СССР происходил в то время, когда в условиях все возраставшего капиталистического кризиса безработица в эти годы (1928—1930) в капиталистических странах непрерывно росла.

В СССР на 1 января 1928 г. на учете биржи труда было	..	1352 тыс. безработных
„ 1 января 1929 г. „ „ „ „ „	..	1616 тыс. безработных
„ 1 мая 1929 г. „ „ „ „ „	..	1772 тыс. безработных
„ 1 января 1930 г. „ „ „ „ „	..	1316 тыс. безработных
„ 1 мая 1930 г. „ „ „ „ „	..	1025 тыс. безработных

¹ Собр. пост. и расп. СССР 1939 г. № 1, ст. 1.

² Из тезисов доклада т. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), одобренных в основном Политбюро ЦК ВКП(б), ГИПЛ, 1939 г., стр. 7.

После середины 1930 г. безработица резко идет на убыль и исчезает совсем. Но и эти официальные цифры НКТ СССР нуждаются в более чем серьезной корректировке.

Товарищ Сталин в отчете XVI съезду ВКП(б) говорил:

«Перейдем к вопросу о безработице. Нужно сказать, что в этой области существует большая неразбериха как у НКТруда, так и у ВЦСПС. С одной стороны, по данным этих учреждений, выходит, что мы имеем безработных около миллиона человек, из коих минимально квалифицированные составляют всего 14,3%, а около 73% составляют лица так называемого интеллигентного труда и неквалифицированные, при чем громадное большинство из числа последних составляют женщины и подростки, не имевшие отношения к промышленному производству. С другой стороны, по тем же данным, мы переживаем ужасающий годок в квалифицированной рабочей силе, биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80, и мы вынуждены, таким образом, наскоро, буквально на ходу переучивать совершенно неквалифицированных людей и готовить из них квалифицированных на удовлетворение хотя бы минимальных потребностей наших предприятий. Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе. Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни резервной, ни, тем более, постоянной армии безработных нашей промышленности. И что же? Даже по данным НКТруда выходит, что за последнее время количество безработных сократилось в сравнении с прошлым годом более чем на 700 тыс. чел. Это означает сокращение числа безработных на 1 мая этого года более чем на 42%.

Вот вам еще один результат роста социалистического сектора в нашем народном хозяйстве¹.

Характерным признаком безработицы в СССР являлось огромное количество людей, впервые предлагающих свой труд, и незначительное количество квалифицированных безработных.

В начальные годы первой пятилетки безработица в Ленинграде представляла собой следующую картину²:

Отрасли труда и группы профессий	На I/I 1928 г.	На I/X 1929 г.
1. Квалифицированные и полуквалифицированные промышленные рабочие	20 963	21 728
В том числе: а) металлисты	4 277	3 800
б) текстильщики	3 156	6 651
в) швейники	2 969	3 795
г) пищевики	2 706	1 887
д) кожевники	1 268	1 221
е) химики	885	882
ж) печатники	3 079	1 718
2. Работники умственного труда	32 895	18 947
3. Неквалифицированные рабочие	63 416	54 001

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 380.

² Экономико-статистический сборник ЛУНХУ «XV лет диктатуры пролетариата», изд. Облесполкома и Ленсовета, 1932 г., стр. 113.

Таковы официальные статистические данные, нуждающиеся, повторяем, в серьезном коррективе.

После XVI съезда ВКП(б) Центральный комитет партии принял известное решение от 20 октября 1930 г., в котором констатируется фактическая ликвидация безработицы.

В этот момент уже явно ощущается дефицит рабочей силы. Перед ЛООТ не стоит более задача приискать работу безработным, а стоит задача дать промышленности рабочую силу. Надо было бороться с ликвидацией излишков, изыскивать новые трудовые ресурсы среди членов семей рабочих и в сельских местностях, развернуть подготовку и переподготовку кадров (прежде всего строительных рабочих). Нормы трудового права сыграли в этом вопросе не последнюю роль.

В деле борьбы с мнимой безработицей большую роль сыграло постановление НКТ СССР¹ о проверке состава безработных, вернее «безработных»; было предложено вовсе снять с учета:

1) лиц, лишенных избирательных прав, за исключением тех, кто в течение не менее пяти лет занимался производительным и общественно-полезным трудом и показал свою лояльность к Советской власти;

2) лиц, которые хотя и не лишены по каким-либо причинам избирательных прав, но прибегали к наемному труду в целях извлечения прибыли, жили на нетрудовые доходы или занимались торговлей, а также членов их семей, находившихся на иждивении этих лиц;

3) лиц безработных, но занимавшихся мелкой торговлей, имевших побочные заработки, обеспечивающие средства к существованию.

Лица, виновные в хулиганских поступках, установленных судебными приговорами, снимались с учета на биржах труда на срок не свыше года.

К проверке состава безработных был широко привлечен советский и профсоюзный актив.

Одновременно с работой по очищению бирж труда от мнимых безработных комиссиям было вменено в обязанность выявление кадров действительных безработных и пригодности их к той или иной работе.

26 февраля 1930 г. НКТ РСФСР издал постановление², в котором предписывал: лиц, получавших пособия по безработице в порядке социального страхования, во всех случаях неуважительного отказа их от работы в первый раз лишать пособия на три месяца и снимать на тот же срок с учета биржи труда, при повторном же отказе от работы лишать пособия на весь период безработицы и одновременно снимать с учета биржи труда на срок, установленный Комитетом биржи труда, но не менее чем на шесть месяцев.

¹ Постановление НКТ СССР № 224 от 23 июля 1929 г. («Изв. НКТ» № 30, 1929 г.).

² «Труд» № 62, 1930 г.

Что касается лиц (безработных), не получавших пособия по безработице, то они во всех случаях неуважительных отказов от работы в первый раз должны были, согласно постановлению, сниматься с учета биржи труда на три месяца, а при повторном отказе от работы — на срок, устанавливаемый Комитетом биржи труда, но не менее чем на полгода.

Историческим документом, в котором отражен коренной перелом в постановке вопросов планового снабжения народного хозяйства кадрами, явилось постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. Это постановление легло в свою очередь в основу постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. о порядке найма и распределения рабочей силы¹. Сознательно несколько забегая вперед (ведь закон относится к концу 1930 г., а настоящая статья — к 1928/29 г.), мы коснемся лишь его части, относящейся к ликвидации безработицы. Итак, нас интересуют разрешенные этим законом основные вопросы ликвидации безработицы и новые правовые формы организации планового снабжения народного хозяйства рабочей силой, посылки на работу и т. п.

ЦИК и СНК СССР в своем постановлении от 15 декабря 1930 г. исходили из следующих положений:

- 1) ликвидация безработицы — факт и непосредственный результат успехов социалистического строительства;
- 2) плановое использование наличных рабочих кадров и их подготовка для всей системы советского народного хозяйства — одна из актуальнейших задач в области социалистической организации труда;
- 3) действительное разрешение этих задач немислимо без широчайшего развертывания социалистического соревнования и ударничества, с одной стороны, и решительной борьбы с дезорганизаторами производства, летунами — с другой.

Основные положения закона от 15 декабря 1930 г. в части организации приема и посылки на работу сводятся к следующему:

а) обеспечение народного хозяйства плановым распределением и снабжением рабочей силы в пределах утвержденных планов было возложено на органы НКТ СССР;

б) за некоторыми изъятиями² прием на работу предприятиями, учреждениями и хозяйствами должен был производиться только через органы труда;

в) органы НКТ получили право перераспределения рабочих и квалифицированных специалистов внутри социалистического сектора нашего хозяйства, использованных не по специальности;

г) в течение шести месяцев злостные дезорганизаторы производства не должны были направляться органами труда на работу в промышленные предприятия и на транспорт;

д) зарегистрированных, но отказывающихся от работы без

¹ СЗ СССР 1930 г. № 60, ст. 641.

² Статьи 3 и 5 закона подробно перечисляют эти категории.

уважительных причин, органы труда должны были снимать с учета также на срок до шести месяцев.

Наконец, заслуживает особого внимания специальная директива, данная органам труда и свидетельствующая о том значении, которое придавали партия и правительство классовому составу наших социалистических предприятий.

Статья 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. установила, что при посылке на работу «...должно быть предусмотрено, чтобы в промышленность и на транспорт направлялись лица, наиболее близкие по своему социальному положению к рабочему классу».

Наконец, закон предписал СНК СССР произвести срочную реорганизацию органов, ведающих учетом рабочей силы.

Биржи труда прекратили свое существование в нашей стране навсегда.

Наша страна, наше хозяйство нуждались не в органах, ищущих работу для безработных, а в органах, ищущих, подготавливающих и планомерно распределяющих рабочих для растущего социалистического народного хозяйства.

Новые условия потребовали не только новых организационно-правовых форм приема и посылки на работу. Необходимы были принципиальные и структурные изменения всей системы органов труда, ведающих учетом и распределением рабочей силы.

Факт ликвидации безработицы в нашей стране означал полное обеспечение права на труд, провозглашенного Великой Октябрьской социалистической революцией. Примером правового выражения этого факта является ст. 5 постановления НКТ СССР от 23 декабря 1930 г. о регистрации и посылке на работу лиц, ищущих труда. Эта статья обязывала управления кадров органов труда предоставлять работу зарегистрированным ищущим труда в трехдневный срок с момента регистрации. Уволенные из РККА получали работу в день регистрации.

Положение о регистрации и посылке (ст. 6) на основе закона от 15 декабря 1930 г. прямо предписывает обратить особое внимание на кадры, посылаемые на транспорт и в промышленность (особо выделяя новые заводы), с тем чтобы посылались лица, наиболее близкие по социальному происхождению и положению к рабочему классу: рабочие, члены их семей, уволенные из РККА, члены артелей, батраки, бедняки, единоличники и колхозники.

В отношении отказывающихся от работы и злостных дезорганизаторов производства Положение конкретизировало лишь установки закона, о которых мы уже говорили.

Таковы были правовые мероприятия, разрешившие в 1930 г. по-новому вопрос о планировании и использовании трудовых ресурсов в условиях ликвидации безработицы и острой потребности народного хозяйства в кадрах.

***

На фоне работы ленинградской промышленности в первом году первой пятилетки мы рассмотрели отдельные вопросы правового регулирования труда, роль норм трудового права в напряженной борьбе по выполнению политических и хозяйственных задач года великого перелома.

Мы пытались показать, что наше трудовое законодательство активно включилось в выполнение кардинальных задач социалистической организации труда, что нормы нашего трудового права сыграли серьезную роль в успехах ленинградской промышленности в области организации труда. Мы пытались, наконец, показать, что эти задачи в области социалистической организации труда (повышение производительности труда, поднятие дисциплины труда и т. д.) сохраняют свою актуальность и сейчас.

XVIII съезд ВКП(б) дал основное направление задач в области организации труда, указав, что «в целях безусловного выполнения поставленных третьим пятилетним планом задач XVIII съезд ВКП(б) требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций:

а) живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства, сосредоточения работы руководителей на правильном подборе кадров, на повседневной фактической проверке исполнения установленных партией и правительством заданий;

б) правильной организации заработной платы рабочих, мастеров и инженерно-технических работников, с должным материальным поощрением роста производительности труда;

в) развертывания социалистического соревнования и стахановского движения с обеспечением в предприятиях и учреждениях крепкой трудовой дисциплины и высокой производительности труда всех трудящихся»¹.

В годы первой пятилетки социалистическое трудовое право было на первых линиях борьбы за социалистическую организацию труда и завершение фундамента социалистической экономики. В третьей пятилетке, пятилетке вступления СССР «...в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» социалистическое трудовое право будет также на высоте стоящих перед ним ответственных задач.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. Молотова.

ЛЮБЛИНСКИЙ П. И.

(Некролог)

28 декабря 1938 г. от несчастного случая погиб один из крупнейших советских ученых в области права, доктор юридических наук профессор Ленинградского юридического института Павел Исаевич Люблинский.

П. И. Люблинский в 1904 г. окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени и был тогда же оставлен при кафедре уголовного права для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности.

В 1907 г. он был назначен хранителем кабинета уголовного права и в том же году защитил диссертацию на степень магистра уголовного права на тему: «Свобода личности в уголовном процессе».

С тех пор П. И. Люблинский посвятил всю свою дальнейшую жизнь работе в области уголовного права и процесса.

П. И. Люблинский до Октябрьской революции много лет работал в Петербургском университете в качестве ассистента, доцента и, наконец, профессора. Он читал лекции на Высших женских курсах и работал профессором на юридическом факультете Психоневрологического института.

Одновременно профессор Люблинский ведет исключительно плодотворную и разностороннюю научно-исследовательскую работу. Им было написано уже до 1917 г. большое количество работ по вопросам уголовного права и процесса.

Профессор Люблинский издает за дореволюционные годы ряд монографических работ по вопросам права и процесса. Он один из первых в России занимается вопросами англо-американского права, посвящая ему ряд книг и статей. Крупнейшей его работой в этой области являются «Очерки уголовного суда и наказания современной Англии» (1911 г.).

Профессор Люблинский являлся одним из пионеров в России в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних, а также в деле социально-правовой охраны материнства и младенчества.

Профессор Люблинский принимал активное участие в общественной жизни. В 1904 г. он был арестован за хранение революционной литературы, с 1904 г. по 1916 г. он сотрудничал с левыми фракциями Государственной думы.

Профессор Люблинский был представителем той лучшей части старой интеллигенции, которая с первых же дней Октябрьской революции честно включилась в работу по строительству нового общества, и отдавал все свои силы и исключительные способности делу воспитания советской молодежи.

После Октябрьской революции профессор Люблинский продолжает свою работу на юридическом факультете университета, а затем в юридическом институте, где он до своей смерти заведывал кафедрой уголовного процесса. Он работал много лет в педагогическом институте имени Герцена профессором по курсу социально-правовой охраны детства, заведывал отделом в институте изучения труда инвалидов, являлся действительным членом Научно-исследовательского института научной педагогики и заведывал кафедрой социальной гигиены в институте охраны материнства и младенчества.

Профессор Люблинский написал в общей сложности около 400 работ, среди них около 50 монографий.

Прекрасно владея иностранными языками (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, греческий, латинский), П. И. Люблинский перевел на русский язык целый ряд монографий, в том числе работу Черри «Развитие карательной власти в древних общинах» (1907 г.). Он перевел «Очерки доказательственного права» Стифена (1910 г.), где дает свой очерк доказательственного права Англии, сохранивший свое значение до настоящего времени, и целый ряд других работ.

П. И. Люблинский сотрудничал много лет в Энциклопедическом словаре братьев Гранат, где он поместил целый ряд статей по вопросам истории права (в частности большую статью «Главнейшие моменты развития уголовного права и суда в дореволюционной России» — 5-я часть 36 тома). Он интересовался вопросами права союзных республик, в частности УССР, его статьи систематически печатались не только в журнале «Советская юстиция» и др., но и в украинском «Вестнике советской юстиции» и других украинских изданиях.

Много работ профессора Люблинского после Октябрьской революции посвящено вопросам охраны труда детей и подростков и социально-правовой помощи матерям.

П. И. Люблинский проводил большую организационную работу в деле помощи матерям и несовершеннолетним. Он участвовал в организации в Ленинграде кабинетов социально-правовой помощи при пунктах охраны материнства и младенчества. Он организовал в Ленинграде патронат.

Профессор Люблинский принимал большое участие в разработке советских воздушных кодексов 1932 и 1935 гг.

Профессор Люблинский вел активную общественную работу по линии секции научных работников, Варнитсо и Осоавиахима (секция воздушного права). Он принимал активное участие в избирательной кампании в Верховные Советы СССР и РСФСР.

Много тысяч советских юристов, врачей, педагогов, студентов и практических работников, судей, следователей, прокуроров, ад-

докторов и научных работников учились у профессора Люблинского и на его работах.

До последних дней своей жизни профессор не оставлял активной учебной и научной работы.

Несмотря на слабое состояние здоровья, он продолжал чтение курса лекций, выступал в Институте права Академии наук оппонентом по докторским диссертациям, принимал активное участие в разработке проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР.

Смерть профессора П. И. Люблинского — большая потеря для советской науки права.

Научные труды профессора Люблинского служат ценным материалом для всех работников в области уголовного права и процесса.

М. ШАРГОРОДСКИЙ.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА П. И. ЛЮБЛИНСКОГО

Составили лаборанты кафедр уголовного права и процесса Ленинградского юридического института
Ф. М. Аскназий, Е. С. Гиршберг, В. Г. Мерзвинская.
1903 год.

1. Люблинский, П. И., О прекращении дел на предварительном следствии.
«Судебн. обзор», 1903 г., № 20, стр. 401—404.

1904 год.

2. [Люблинский, П. И.], Гражданский иск одного осужденного к другому, после него осужденному по тому же преступлению. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 5, стр. 148.
3. Люблинский, П. И., Зачет подследственного ареста в наказание. Журнал «Судебное обозрение», 1904 г., № 33, 34.
4. [Люблинский, П. И.], Из юридической жизни за границей. П. Л. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 13 и 20.
5. [Люблинский, П. И.], Кража половой энергии. П. Л-ского. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 42, стр. 807.
6. Люблинский, П. И. Клевета в театральной критике. П. Л-ского. (Из иностр. судебн. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 27.
7. Люблинский, П. И. Рецензия. Лучинский — «Основы тюремного дела». «Журн. Мин. юстиц.», 1904 г., кн. IX.
8. [Люблинский, П. И.], Недозволенная игра при помощи автомата. П. Л-ского. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебное обозр.», 1904 г., № 24, стр. 544.
9. Люблинский, П. И., О средствах, предоставленных заключенному под стражу обвиняемому для осуществления его процессуальных прав, «Вестн. права», 1904 г., кн. 9.

10. Люблинский, П. И., Оскорбление коллегиального учреждения. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 7, стр. 147.
11. Люблинский, П. И., Основания подследственного заключения.
«Судебн. обзор», 1904 г., №№ 48, 50, 52.
12. Люблинский, П. И., Основания судейского усмотрения в уголовных делах.
(Отгиск из «Ж. М. Ю.» дек. 1904 г.), СПб., Сен. тип. 1904, стр. 34.
13. [Люблинский, П. И.], Позорная надпись на надгробном памятнике. П. Л.-ского. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 42, стр. 809.
14. Люблинский, П. И., Понятие прелюбодеяния. (Из иностр. суд. практики.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 7, стр. 147.
15. [Люблинский, П. И.], Право на человеческий труп.
«Судебн. обзор», 1904 г., № 28.
16. [Люблинский, П. И.], Право свистать в театре. П. Л.-ского. (Из иностранной суд. практи.)
«Судебное обзор», 1904 г., № 27, стр. 543.
17. Люблинский, П. И., Предварительная стадия производства уголовных дел в Германии. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 31, стр. 603.
18. Люблинский, П. И., Применение условного помилования в Германии. «Ж. М. Ю.», 1904 г., кн. 10, стр. 192.
19. Люблинский, П. И., Принуждение соблазителя к признанию им себя истцом. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 42, стр. 808.
20. Люблинский, П. И., Присяжные как судьи права. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебное обзор», 1904 г., № 7, стр. 148.
21. Люблинский, П. И., Продолжительность подследственного заключения.
«Право», 1904 г., стр. 1876—1886.
22. Люблинский, П. И., Процессуальные права заключенного под стражей.
«Вестник права», 1904 г., кн. XIII.
23. Люблинский, П. И., Развращение малолетней. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 42, стр. 810.
24. Люблинский, П. И., Самовольное прекращение электрического тока. П. Л.-ского. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 42, стр. 810.
25. Люблинский, П. И., Стенография на суде.
«Судебн. обзор», 1904 г., №№ 9, 13.
26. Люблинский, П. И., Суд для детей в Нью-Йорке.
«Судебн. обзор», 1904 г., № 14.
27. [Люблинский, П. И.], Тайна совещательной комнаты. П. Л. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 27, стр. 543.
28. [Люблинский, П. И.], Убийство домашнего голубя. П. Л.-ского. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 27, стр. 544.
29. Люблинский, П. И., Условия применения принудительных мер обеспечения к личности обвиняемого.
«Право» 1904 г., стр. 3085—3095, 3170—3176.
30. [Люблинский, П. И.], Являются ли места в театре его принадлежностью. (Из иностр. суд. практи.)
«Судебн. обзор», 1904 г., № 27, стр. 544.

1905 год

31. Люблинский, П. И. — (Рецензия). Wagner «Strafinsel» и Панов «Сахалин».
«Ж. М. Ю.» 1905 г., кн. III.

32. Люблинский, П. И., Виды мер обеспечения и органы применения их.
«Ж. М. Ю.», 1905 г., кн. VI и VII.
33. Люблинский, П. И., Десятый международный съезд криминалистов в Гамбурге.
«Ж. М. Ю.», 1905 г., кн. VIII, стр. 289.
34. [Люблинский, П. И.], Из судебной практики за 1500 лет тому назад. П. Л.
«Судебн. обозр.», 1905 г., стр. 1029—1032.
35. [Люблинский, П. И.], Из юридической жизни за границей.
«Судебн. обозр.», 1905 г., стр. 120, 867.
36. Люблинский, П. И., Отдел из иностранной судебной практики и юридической жизни.
«Судебн. обозр.», 1904 г., №№ 7, 13, 20, 25, 27, 42, 1905 г., №№ 6, 29, 31.
37. Люблинский, П. И., С. В. Познышев, «Основные вопросы учения о наказании».
(Оттиск из «Литературн. обозр.») (1905), стр. 5.
38. Люблинский, П. И., Полицейский арест для целей правосудия.
Оттиск из журн. «Вестник права», 1905 г., октябрь.
39. Люблинский, П. И., Результаты деятельности судов для детей в Америке.
«Ж. М. Ю.», 1905 г., кн. II, стр. 190.
40. Люблинский, П. И., Седьмой международный пенитенциарный конгресс в Будапеште, 1905 г., СПб, 1905 г., стр. 45.
Оттиск из «Ж. М. Ю.» (Ноябрь 1905 г.).
41. Люблинский, П., Следователь как судебный орган.
«Судебн. обозр.», 1905 г., №№ 49, 50—52.
42. Люблинский, П., Усмотрение и произвол судьи.
«Судебн. обозр.», 1905 г., №№ 8 и 9.

1906 год

43. Люблинский, П. И., Вопрос о суде присяжных на Будапештском пенитенциарном конгрессе, 1905 г.
«Право», 1906 г., стр. 100—108, 183—191.
44. Люблинский, П. И., Преступления против избирательного права.
СПБ., 1906 г., 229 [3] стр.
45. Люблинский, П. И., Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия.
СПБ., 1906 г., 701 стр.

1907 год

46. Люблинский, П. И., Очерки развития карательного права в древних обществах, 1907 г.
47. Люблинский, П. И., Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование.
СПБ., 1907 г., VIII, 363 стр.
48. Люблинский, П. И., Право линча в Америке.
«Право», 1907 г., стр. 15—28, 114—121, 180—187.
49. Люблинский, П. И., — предислов. и перев. К. Черри, «Развитие карательной власти в древних общинах».
Перев. с английск. с предисл. и примеч. П. И. Люблинского. СПб., 1907 г., 111 стр.
50. Люблинский, П. И., Этическое начало и свобода личности в уголовном процессе.
«Право», 1907 г., стр. 3217—3223.

1908 год

51. Люблинский, П. И., Борстальская система.
«Право», 1908 г., стр. 1709—1724.
52. Люблинский, П. И.—Редакция, Вопросы обществоведения под редакцией: Туган-Барановского и Люблинского, П. И.
СПБ., изд. «Слово», 1908 г.
53. Люблинский, П. И., Вопросы соучастия в деле о Выборгском восстании.
«Право», 1908 г., стр. 81—96, 212—219.
54. Люблинский, П. И., Государственная помощь обществам патроната.
СПБ., 1908 г., стр. 31.
55. Люблинский, П. И.—Рецензия, Ломброзо, Ц. «Анархисты». Крим—«Психол. и социол. очерк». Перевод с 2-го итальянского издания Н. С. Житковой. СПБ., 1907 г., стр. 138.
«Юридическая библиография», 1908 г., № 4, отд. 4, стр. 8—9.
56. Люблинский, П. И., Особые суды для юношества в Северной Америке и Западной Европе, СПБ, 1908 г.
Из «Ж. М. Ю.» (сентябрь-октябрь 1908 г.), стр. 82.
57. Люблинский, П. И., Современное состояние и задачи общества патроната.
«Право», 1908 г., стр. 479—488, 552—562.
58. Люблинский, П. И., Страница из истории английского правосудия. (Ньюгэт и старый Бейли).
Из «Ж. М. Ю.», март 1908 г. СПБ, 1908 г., 38 стр.
59. Люблинский, П. И., Суды для несовершеннолетних в Америке и Западной Европе. 1908 г.

1909 год.

60. Люблинский, П. И., Введение апелляции по уголовным делам в Англии.
Стр. 80. Оттиск (Из «Ж. М. Ю.», январь, 1909 г.).
61. Люблинский, П. И.—Рецензия., А. Х. Гольмстен. Опыт методики законоведения как предмета преподавания в средней школе. СПБ, 1909.
«Критич. обзор.», 1909 г. Вып. 4, стр. 66—70.
62. Люблинский, П. И.—Рецензия. Эдуард Жюлье. «Суды для малолетних в Соединенных Штатах Северной Америки», —Перев. А. К. Г. с предисл. Н. Окунева, СПБ, 1909.
«Критич. обзор.», 1909 г. Вып. 2, стр. 76—78.
63. Люблинский, П. И.—предислов., Зайцев, Л. М.—«Ответственность при массовых преступлениях». С предисл. П. И. Люблинского.
Киев, 1909 г., стр. VIII, стр 54.
64. Люблинский, П., К реформе уголовного процесса в Германии.
«Право», 1909 г., стр. 2485—2493, 2551—2562.
65. Люблинский, П., Рецензия на книгу И. Малиновского «Кровавая месть и смертные казни».
(Русская мысль), 1909 г., кн. VI, стр. 153.
66. Люблинский, П. И., Сообщение П. И. Люблинского — «Новейший проект реформы уголовного процесса в Германии».
Труды юридич. общества, т. II. (Второе полугодие 1909 г.).
67. Люблинский, П. И., О деятельности международного союза криминалистов в период 1902—1908 г.г.
«Право»—1909 г., стр. 630—642, 686—692, 748—754.
68. Люблинский, П. И., Обзор литературы науки уголовного права за 1908 г.
«Право», 1909 г., № 26.
69. Люблинский, П., VII съезд представителей русских исправительно-воспитательных заведений.
24 стр. Оттиск из «Ж. М. Ю.», 1909 г.

70. Люблинский, П. И. — рецензия., Семинарий по уголовному праву прив.-доц. М. Н. Гернета, 1908 г. Вып. I, М., 1908 г.
«Критич. обозр.», 1909 г. Выпуск 3, стр. 84—87.

1910 год

71. Люблинский, П. И., Административная и конституционная гарантия, 1910 год.
72. Люблинский, П. И., Брюссельский международный конгресс союза криминалистов (2—7 авг. н. ст. 1910 г.).
СПБ, Сен. тип. 1910, стр. 58.
73. Люблинский, П. И., Венгерская новелла в области уголовного права (обзор иностранного законодательства).
«Ж. М. Ю.», 1910 г., № 6, стр. 274.
74. Люблинский, П. И., Рецензия на книгу: Владимирова Л. «Учение об уголовных доказательствах». Часть общая и особенная. СПб, 1910.
«Вопр. общ.», 1910 г., кн. II, стр. 326.
75. Люблинский, П. И., [Наказание в современной Англии]. [Б. М.], 1910. Оттиск.
76. Люблинский, П. И., Обзор литературы по уголовному праву за 1909 год.
«Право», 1910 г., №№ 4 и 5.
77. Люблинский, П. И., Основные черты условного досрочного освобождения по закону 22 июня 1909 г.
«Вопросы права», 1910 г., кн. II, стр. 17—64.
78. Люблинский, П. И., Первая практика английского апелляционного суда.
«Право», 1910 г., стр. 1571—1579.
79. Люблинский, П. И., Рецензия на книгу проф. В. Случевского — «Учебник русского уголовного процесса», изд. 3-е.
«Ж. М. Ю.», 1910 г., кн. IV, стр. 180—183.
80. Люблинский, П. И. — предисловие, Стифен, Дж. — «Очерк доказательственного права». Перевод с 8-го англ. изд. с вступительными статьями П. И. Люблинского.
СПБ, 1910, СХVIII, 155 стр.
81. Люблинский, П. И., Суды по делам о несовершеннолетних в России.
«Ж. М. Ю.», 1910 г., кн. 6.
82. Люблинский, П., Тяжкие виды лишения свободы в Италии.
«Тюр. вестник», 1910 г., №№ 6—7.

1911 год

83. Люблинский, П. И., Вашингтонский тюремный конгресс.
Труды СПб, юридич. общества, т. V, 1911 г.
84. Люблинский, П. И., Вопросы относительно несовершеннолетних на международном тюремном конгрессе в Вашингтоне. Докл. [Б. М.] [1911], 14 стр.
Оттиск.
85. Люблинский, П. И., Государственная опека и принудительное воспитание детей в Англии.
«Трудовая помощь», СПб, 1911, №№ 6, 7, 8.
86. Люблинский, П. И., Дело Милиуса.
«Право», 1911 г., стр. 211—221.
87. Люблинский, П. И., Демократизация мировой юстиции в Англии.
«Право», 1911 г., стр. 804—811, 921—929.
88. Люблинский, П. И., Итоги международного тюремного конгресса в Вашингтоне. СПб, Сен. тип., 1911 г., 93 стр.
Оттиск из «Ж. М. Ю.» (февраль-март 1911 г.).
89. Люблинский, П. И., О должностных почетах в связи с деятельностью судов для детей. Докл. П. И. Люблинского (1911 г.).

- 25 стр. (VIII съезд представителей русск. воспит.-исправ. заведений для несовершеннолетних).
90. Люблинский, П., Обзор литературы уголовного права за 1910 г. «Право», 1911 г., №№ 6 и 8.
91. Люблинский, П. И., Обезымы королевских судей в Англии. Ярославль, 1911 г., 84 стр. Оттиск из № 2/3 1911 г. «Юридич. зап.».
92. Люблинский, П. И., Основные черты нового закона об условном досрочном освобождении. Труды СПб. юридич. общ-ва, т. III (первое полугодие 1910 г.), 1911 г., стр. 200—244.
93. Люблинский, П. И., Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб, 1911 г., VII, 715 стр.
94. Люблинский, П. И., Полицейские суды в Англии (по поводу реформы местного суда). «Вопросы права», 1911 г., кн. I, стр. 104—173.
95. Люблинский, П. И., Проект об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе. «Право», 1911 г., №№ 46—47, стр. 2537—2544 и 2626—2635.
96. Люблинский, П. И., Родительская власть и публичная опека над детьми. 12 стр., 1911. Оттиск из журн. «Вестник права и нотариата», 1911 г., № 39—40.
97. Люблинский, П. И., Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры. М., 1911 г., 109 стр.

1912 год

98. Люблинский, П. И., Возрождение мирового суда. Закон 15 июня 1912 г. СПб, «Общ. польза», 1912 г., 45 стр.
99. Люблинский, П. И., Вопросы международного уголовного права на съездах криминалистов в 1910 г. Изд. м. ин. д. 1912 г., кн. II, стр. 193—225.
100. Люблинский, П. И.—Рецензия, Гернет, М. Н.—«Детоуиство», социологическое и сравнительно-юридическое исследование, М., 1911. «Юридич. библиогр.», 1911—1912 г., т. V, № 1.
101. Люблинский, П. И.—Рецензия, Громберг, Б. Опыт изложения основных начал этиологии преступления, ч. I, СПб, 1911. «Журн. угол. пр. и проц.», 1912 г., № 1.
102. Люблинский, П. И., Девятое общее собрание русской группы союза криминалистов. «Ж. М. Ю.», 1912 г., № 5.
103. Люблинский, П. И.—Рецензия, Дриль—«Учение о преступности и мерах борьбы с нею». «Право», 1912 г., № 28.
104. Люблинский, П. И., Законы штата Нью-Йорк относительно условного осуждения и попечительного надзора для взрослых. «Ж. М. Ю.», 1912 г., № 10, стр. 351.
105. Люблинский, П. И., К вопросу об ответственном редакторе. «Право», 1912 г., стр. 1184—1193.
106. Люблинский, П. И., Какие улучшения могли бы быть внесены в систему условного досрочного освобождения, уже применяемую в некоторых странах. «Тр. СПб. юр. общ-ва», 1912 г., т. IV, прилож. 11—19.
107. Люблинский, П. И., Новая мера борьбы с вырождением и преступностью. «Русская мысль», 1912 г., кн. III, стр. 31—67.
108. Люблинский, П. И., Об особом судопроизводстве для несовершеннолетних. «Тр. СПб. юр. общ-ва», 1912 г., т. IV, прил. 34—46.

109. Люблинский, П. И., Парижское совещание центрального бюро союза криминалистов.
«Ж. М. Ю.», 1912 г., стр. 1041—1049.
110. Люблинский, П. И., Реформа местного суда, 1912 г.
111. Люблинский, П. И., Смертная казнь в Северной Америке.
«Журн. угол. пр. и проц.», 1912 г., № 1.
112. Люблинский, П. И., Условное осуждение и попечительный надзор в Америке.
«Ж. М. Ю.», 1912 г., кн. 9 и 10.

1913 год

113. Люблинский, П. И. — Рецензия., Вассерман, Р. «Понятие и границы уголовной статистики».
«Журн. угол. пр.», 1913 г., № 1.
114. Люблинский, П. И., Великобритания (английское право) (1913).
Энцикл. словарь «Гранат», т. IX, стр. 326—343.
115. Люблинский, П. И., К вопросу об инициативе законов по русскому праву.
«Право», 1913 г., № 22.
116. Люблинский, П. И., Конституционная или административная гарантия? (К вопросу о пределах и порядке ответственности членов Госуд. думы). Ярославль, 1913 г., 115 [1] стр.
Отд. оттиск из «Юридич. записок», изд. Демидовским юридич. лицеем (№ 4—1912 г.).
117. Люблинский, П. И., Новые течения по вопросу о выделении умственно-дефективных преступников в С.-А. С. Штатах.
«Вестник психологии», 1913 г., т. X, вып. 5, стр. 1—26.
118. Люблинский, П. И., О высшем женском образовании в Северной Америке.
М., 1913 г., 35 стр.
119. Люблинский, П. И., О защите торговых знаков.
Коммерч. школа и жизнь, 1913 г., № 2.
120. Люблинский, П. И., Общее помилование по указу 21 февраля 1913 г.
«Право», 1913 г., № 19.
121. Люблинский, П. И., Памяти Изабеллы Баррово.
«Право», 1913 г., № 45.
122. Люблинский, П. И., Первый международный съезд по охране детства в Брюсселе.
М., 1913 г., 43 стр.
123. Люблинский, П. И., Постановка принудительных мер в новом законе о местном суде.
«Вестн. права», 1913 г., № 44.
124. Люблинский, П. И., Процессы о ведовстве в Англии и суд присяжных. (1913).
Оттиск.
125. Люблинский, П. И., Публичная защита в уголовном процессе.
13 стр. Оттиск («Юрид. вестн.», 1913 г., кн. 1, стр. 84—96).
126. Люблинский, П. И. — Редакция., Современная тюрьма и ее влияние.
Перевод с англ. под ред. П. Люблинского.
СПБ, 1913 г.
127. Люблинский, П. И., Уголовное рабство в Южных штатах Северной Америки.
«Вестн. Европы», март, 1913 г., стр. 194—218.
128. Люблинский, П. И., Условное освобождение и неопределенные приговоры в Северной Америке.
«Журн. угол. пр. и проц.», 1913 г., №№ 2 и 3.

1914 год

129. Люблинский, П. И., В защиту святого дела.
«Право», 1914 г., № 3, стр. 177—185.

130. Люблинский, П. И., Возражение А. И. Заку.
«Вестник права», 1914 г., № 3.
131. Люблинский, П. И., Двенадцатый международный конгресс криминалистов в Копенгагене.
«Ж. М. Ю.», 1914 г., № 1.
132. Люблинский, П. И. — Рецензия, Е. Ефимов. Природа преступления. Естественно-научная теория преступления.
«Ж. М. Ю.», 1914, кн. 6.
133. Люблинский, П. И., Законопроект об исправительно-работных домах.
«Право», 1914 г., № 16, стр. 1829—1300, 1377—1383.
134. Люблинский, П. И., Критика господином Берманом нового закона о детях.
«Право», 1914 г., № 5, стр. 348—358.
135. Люблинский, П. И., Новый английский закон об уголовном правосудии.
«Право», 1914 г., стр. 3274—3288.
136. Люблинский, П. И., О действии наказания.
1914 г., 27 стр. Отгиск из сборн. «Новые идеи в правоведении» № 1.
137. Люблинский, П. И., Памяти трех русских криминалистов — И. Я. Фойницкого, Д. Я. Дриля, Н. Д. Сергеевского.
СПБ., 1914 г., 152 стр.
138. Люблинский, П. И., Понятие наказания.
(Отд. оттиск из журн. «Юридич. вестн.», 1914 г., VII—VIII (III—IV), 32 стр.
139. Люблинский, П. И., Преследование шпионства в Германии.
«Вестник права», 1914 г., № 44.

1915 год

140. Люблинский, П. И., Борьба с женской адвокатурой и уроки законности.
«Право», 1915 г., № 21.
141. Люблинский, П. И., Вопросы международного уголовного права в связи с настоящей войной.
[Б. М.] [1915 г.], 23 стр. Отгиск.
142. Люблинский, П. И., К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях.
«Право», 1915 г., № 48, стр. 2999—3008, 3065—3071.
143. Люблинский, П. И., Малолетние преступники.
Новый энцикл. словарь, 1915 г., т. 25.
144. Люблинский, П. И., Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905—1915).
ПТГ, Сен. тип., 1915 г., 379 стр.
145. Люблинский, П. И., На смену старого права.
Сборник статей по вопросам текущей правовой жизни. ПТГ., 1915 г., 433 [1] стр.
146. Люблинский, П. И., Новые течения в области устройства бедных детей в Англии.
16 стр. Отгиск из журн. «Труд. помощь», июнь 1915 г.
147. Люблинский, П. И., Новый закон о правовой охране детей.
«Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью», 1915 г.
148. Люблинский, П. И. — Рецензия, Новый труд об условном осуждении (Н. С. Тимашев. «Условное осуждение»). СПб., 1914 г.).
«Юридич. библиография», 1915 г., № 1, стр. 21—27.
149. Люблинский, П. И., Ответственность за оставление семьи без средств.
«Ж. М. Ю.», 1915 г., кн. 4, стр. 24.
150. Люблинский, П. И., Отношение к смертной казни русского общественного мнения. Докл., представленный международному пенитенциарному конгрессу в Вашингтоне.

- Сборник П. И. Люблинского «На смену старого права», 1915 г., стр. 276—295.
151. Люблинский, П. И., Патронат и улучшение пенитенциарной системы.
Сборник П. И. Люблинского «На смену старого права», 1915 г.
152. Люблинский, П. И., Политические процессы.
Сборник П. И. Люблинского «На смену старого права», 1915 г., стр. 207—268.
153. Люблинский, П. И., Суд и права личности.
40 стр. Оттиск из книги «Судебная реформа», т. II, 1915 г.
154. Люблинский, П. И. — Рецензия., Судебные уставы за 50 лет. (Изд. «Мин. юст.»).
«В. права», 1915 г., № 15.
155. Люблинский, П. И., Участие народного элемента в отправлении правосудия.
«Судебная реф.», 1915 г., т. III, ч. 1.

1916 год

156. Люблинский, П. И., Борьба со взяточничеством.
«Утро России», 1916 г., № 9.
157. Люблинский, П. И., Борьба с дороговизной и уголовный закон.
Оттиск из журн. «Коммерческая школа и жизнь», 1915/16, № 3, стр. 10—33.
158. Люблинский, П. И., Военный суд в Англии, 98—133 стр.
Оттиск. («Юридич. вестн.», 1916 г., кн. XVI (IV).
159. Люблинский, П. И., Война и детская преступность. (По германским и английским данным.)
«Призрение и благотворительность в России», 1916 г., № 9, стр. 893—914.
160. Люблинский, П. И., Всероссийское совещание по призрению детей в связи с войной.
«Труд. пом.», 1916 г., № 5.
161. Люблинский, П. И., Двойственность уголовного законодательства и вопросы толкования.
«Право», 1916 г., стр. 506—519, 554—564.
162. Люблинский, П. И., Дело Кезмента.
«Утро России», 1916 г., № 198.
163. Люблинский, П. И., Закон и чрезвычайный указ в военное время.
«Право», 1916 г., стр. 1449—1461, 1516—1526.
164. Люблинский, П. И., Закон об уголовной ответственности за повышение цен.
«Право», 1916 г., стр. 2381—2388, 2450—2456.
165. Люблинский, П. И., Законодательство военного времени в Германии и Австрии.
1916 г.
166. Люблинский, П. И., Комментарий к уставу уголовного судопроизводства, под редакцией Гернет.
(Ряд разделов) 1915—1916 г.
167. Люблинский, П., Наказание (1916).
Новый энцикл. словарь, т. XXVII, стр. 824—834.
168. Люблинский, П. И., Новая теория уголовного процесса.
Пгр., 1916 г., 44 стр.
169. Люблинский, П. И., Объяснительная записка к проекту уголовных узаконений, относящихся к борьбе с пожарами.
Пгр., изд. Имп. Росс. пож. общ-ва, 1916 г., 23 стр.
170. Люблинский, П. И., Отмена административной гарантии.
«Утро России», 1916 г., № 142.
171. Люблинский, П. И., — Рецензия., Петроградский мировой суд за 50 лет.
«Ж. М. Ю.», 1916 г., кн. 10.
172. Люблинский, П. И., А. А. Пионтковский.
«Право», 1916 г., № 1 (некролог).

173. Люблинский, П. И., Подсудность дел о должностных преступлениях.
«Утро России», 1916 г., № 165.
174. Люблинский, П. И., Помощь русским военнопленным.
«Утро России», 1916 г., № 69.
175. Люблинский, П. И., Призрение сирот воинов.
«Призрение и благотворительность в России», 1916 г., кн. 8—10.
176. Люблинский, П. И., В. К. Случевский, К. 50-летию его служебной деятельности.
«Право», 1916 г., № 20.
177. Люблинский, П. И., Совещание по вопросам призрения детей в связи с войной.
24 стр. Оттиск из журн. «Труд пом.» (апрель, 1916 г.).
178. Люблинский, П. И., Уголовное законодательство военного времени в Германии и Австро-Венгрии.
Журн. Мин. юстиции, 1916 г., кн. III, стр. 259, кн. IV, стр. 223.

1917 год

179. Люблинский, П. И., Акты Временного правительства об амнистии.
«Право», 1917 г., стр. 487—498, 557—566.
180. Люблинский, П. И., Выборный местный суд.
Пгр. «Муравей», 1917 г., стр. 31.
181. Люблинский, П. И., Гарантия свободы и правильности выборов.
Пгр., 1917 г., 32 стр.
182. Люблинский, П. И., Запрет торговых сношений с неприятелем и ответственность за его нарушение.
Пгр., 1917 г., 55 стр.
183. Люблинский, П. И., Необходимость не знает закона.
«Право», 1917 г., стр. 358—370.
184. Люблинский, П. И., Неприкосновенность личности.
Пгр. «Муравей», 1917 г., 30 [2] стр.
185. Люблинский, П. И., Новая теория уголовного процесса и процесс как судебный порядок, 1917 г.
186. Люблинский, П. И., Памяти Г. Н. Штильмана.
«Юридич. вестн.», 1917 г., кн. 7 (1), стр. 100—104.
187. Люблинский, П. И., Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение.
Пгр., 1917 г., 330 стр.
188. Люблинский, П. И., Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса.
Пгр., тип.-лит. Руманова, 1917 г., 267 стр. (Записки юридич. фак. Петрогр. ун-та).

1922 год

189. Люблинский, П. И., Проект статей, подлежащих внесению в уголовный кодекс.
«Сов. право», 1922 г., № 2.

1923 год

190. Люблинский, П., Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки).
М. Юр. изд-во Наркомюста, 1923 г., 302 стр.
191. Люблинский, П. И., Законодательная охрана труда детей и подростков.
Пгр. «Academia», 1923 г., 102 [1] стр.
192. Люблинский, П. И., Новое в области дактилоскопии.
«Р.-К. милиция», 1923 г., №№ 9—10.
193. Люблинский, П. И., Новости американской литературы по криминологии.
«Право и жизнь», 1923 г., №№ 5—6.

194. Люблинский, П. И., Новые достижения в области полицейской работы в Америке.
«Новый путь», 1923 г., № 5.
195. Люблинский, П. И., Опека и детская беспризорность.
«Вестн. просвещ.», 1923 г., апрель.
196. Люблинский, П. И., Предварительное следствие. (Общ. условия произв. предварит. следствия — гл. IX УПК.)
М., «Право и жизнь», 1923 г., 46 стр.
197. Люблинский, П. И., Проект уголовно-судебной реформы в Германии.
«Сов. право», 1923 г., № 1.
198. Люблинский, П. И., Роль психопатической лаборатории в деле борьбы с преступностью.
«Право и жизнь», 1923 г., №№ 9—10.

1924 год

199. Люблинский, П. И., В каких случаях производство экспертизы на судебном следствии обязательно для суда?
«Вестник Сов. юст.», 1924 г., № 11.
200. Люблинский, П. И., Гарантии прав подозреваемого при производстве дознания.
«Вестник Сов. юст.», 1924 г., № 15.
201. Люблинский, П. И., Границы кассационного обжалования и кассац. рассмотрения.
«Право и жизнь», 1924 г., № 9.
202. Люблинский, П. И., О доказательствах в уголовном суде.
Практич. коммент. к главе IV УПК., изд. 2., испр. и доп.
М., «Право и жизнь», 1924 г., стр. 74.
203. Люблинский, П. И., Охрана детства и борьба с беспризорностью.
Л. «Academia», 1924 г., 146 стр. Перед загл. авт. П. И. Люблинский, С. Е. Капелянская.
204. Люблинский, П. И., Применение уголовного закона по аналогии.
«Право и жизнь», 1924 г., № 1.
205. Люблинский, П. И., Социальная помощь одиноким матерям.
Пгр. — М. «Книга» (1924), 56 стр.
206. Люблинский, П. И., Упрощенные порядки процесса по УПК.
«Право и жизнь», 1924 г., № 10.
207. Люблинский, П. И., Условное осуждение в иностранном и советском праве.
М., «Право и жизнь», 1924 г., 128 стр.

1925 год

208. Люблинский, П. И., Кинематограф и дети.
М., «Право и жизнь», 1925 г.
209. Люблинский, П. И., Методы лабораторного исследования личности заключенного.
«Изучение личности преступника в СССР и за границей», 1925 г., стр. 36—61.
210. Люблинский, П. И., Наркомания и преступность.
«Право и жизнь», 1925 г., № 6.
211. Люблинский, П. И., Преступления в области половых отношений.
М. — Л. «Френкель», 1925 г., 244 [2] стр.
212. Люблинский, П. И., Противозачаточные советы и охрана материнства и младенчества.
«Ленингр. медиц. журнал», 1925 г., № 5.
213. Люблинский, П. И. Edwin H. Sutherland. Criminology. Lippincott sociological series. Philadelphia and London, 1925 г., 643.
Библиография.

1926 год

214. Люблинский, П., Автомобилизм, авиация и уголовное право.
«Революционная законность», 1926 г., март, апрель.
215. Люблинский, П. И., Ближайшие задачи в области детского права.
(В книге Детская беспризорность и датский дом. Сборн. статей и материалов... под редакц. С. Тизанова и др.), М., 1926 г.
216. Люблинский, П. И., Борьба с проституцией в США.
«Социальная гигиена», 1926 г., № 5.
217. Люблинский, П. И., William A. White. Jnsanity and crimc. Mental Hygiene. Vol. X April. 1926.
Библиография.
218. Люблинский, П. И., Меры пресечения (Коммент. к ст. ст. 143—161 УПК). Изд. 3-е, испр. и доп.
М., «Право и жизнь», 1926 г., 41 стр. (УПК РСФСР. Практич. коммент. под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича).
219. Люблинский, П., Половые посягательства против детей.
«Проблемы преступности». Сборник под редакц. Ширвинга, 1926 г., вып. I.
220. Люблинский, П. И., Рождаемость и проблема народонаселения в современном обществе.
«Русск. евгенич. журн.», 1926 г., т. 3—4, вып. 4.
221. Люблинский, П. И., Современное состояние евгенического движения.
«Русск. евгенич. журн.», 1926 г., № 11.
222. Люблинский, П., Судебно-процессуальная реформа в Англии 1925 г.
(Отд. оттиск из журн. «Сов. право», № 5 (23), 1926 г., стр. 86—95).
223. Люблинский, П. И., Zur Reform des Sexualstrafrechts kritische Beiträge Monographien aus dem Institut für Sexualwissenschaft in Berlin, herausg. von M. Hirschfeld. Bern und Leipzig. 1926.
Библиография.

1927 год

224. Люблинский, П. И., Брак и евгеника (о контроле над здоровьем лиц, вступающих в брак).
«Русск. евгенич. журн.», 1927 г., т. 5, вып. 2. «The Famil». 1928 г., № 5.
225. Люблинский, П. И., Брачный возраст.
Сборник по охране мат. и млад. в честь доктора Гершензона, Одесса, 1927 г. Посвящ. 25-лет. Одесской «Капли молока».
226. Люблинский, П. И., Должны ли меры безопасности стать на место наказания или же только дополнять его. (Доклад Энрико Ферри).
«Право и жизнь», 1927 г., № 1.
227. Люблинский, П. И., Новое в вопросе о стерилизации дефективных.
«Русск. евгенич. журн.», 1927 г., т. 5, вып. 3 и 4.
228. Люблинский, П., О лишении родительских прав.
«Вестник Сов. юст.», 1927 г., № 15.
229. Люблинский, П., О построении сети народных судов в больших городах.
«Вестник Сов. юст.», 1927 г., № 11.
230. Люблинский, П. И., Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет.
«Право и жизнь», 1927 г., № 8.

1928 год

231. Люблинский, П. И., Забота о семье заключенного.
«Вестник Сов. юст.», 1928 г., № 18.
232. Люблинский, П. И. — Ред. и предисл. Маргольд. Ч. В. «Половая свобода и общественный контроль».
Перевод с английск. под редакц. и с предисл. П. И. Люблинского, 1928 г., стр. 70.
233. Люблинский, П. И., Методика социального обследования детства.
М. — Л. Гиз., 1928 г., 96 стр. с илл. («Б-ка педагога»).

234. Люблинский, П. И., Нормальный и аномальный путь включения ребенка в социальный коллектив. «Педология», 1928 г., кн. 1, стр. 86—100.
235. Люблинский, П. И., О мерах пресечения взамен поручительства или залога. «Право и жизнь», 1928 г., № 1.
236. Люблинский, П. И., О подготовке работников по социально-правовой охране детства. «Народное просвещение», 1928 г., № 12, стр. 106—115.
237. Люблинский, П., Обследование преступности в Соединенных штатах Америки (Отгиск). Стр. 225—237 и «Проблемы преступности», вып. III, 1928 г.
238. Люблинский, П. И., Общественно-этические взгляды А. Ф. Кони. «Право и жизнь», 1928 г., кн. 1, стр. 66—77.
239. Люблинский, П. И. и Островская, Первые шаги семейного патроната в Ленинграде. «Ленингр. медиц. журн.», 1928 г., № 21.
240. Люблинский, П. И., Преступник и преступность по произведениям Максима Горького. Докл. в Ленингр. криминалог. кабинете. «Рабочий суд», 1928 г., № 12, стр. 938—946.
241. Люблинский, П. И., Система хозяйственных преступлений по уголовному кодексу. «Проблемы преступности», вып. III, 1928 г., стр. 110—125.
242. Люблинский, П. И., Статистика преступности в СССР. «Вестник Сов. юст.», 1928 г., № 4, стр. 99—102 и № 5, стр. 131—133.
243. Люблинский, П. И. Уголовно-процессуальный кодекс. Научно-популярный практическ. коммент. проф. П. И. Люблинского и Н. Н. Полянского. М., «Право и жизнь», 1928 г., 428 стр.

1929 год

244. Люблинский, П. И., Алименты в рабочем бюджете. «Вопросы труда», 1929 г., № 5.
245. Люблинский, П. И., Вопросы социальной помощи матерям и их младенцам. Журн. «Вопросы педиатрии», 1929 г., т. I, вып. 1.
246. Люблинский, П. И., Государственное финансирование дела охраны матер. и младенч. Журн. «Вопросы педиатрии и педологии», 1929 г., т. I, вып. 2.
247. Люблинский, П. И., Marriage and divorce in Soviet Russia. «The Family» 1929 March.
248. Люблинский, П. И., О возможности влиять на пол потомков. «Вестник знания», 1929 г., №№ 17—18.
249. Люблинский, П. И., Охрана материнства и развод. «Русск. евгенич. журн.», 1929 г., т. 7, вып. 1.
250. Люблинский, П. И., Покинутые маперы. «Журнал по изучен. раннего детского возраста», 1929 г., № 1—3.
251. Люблинский, П. И., Профилактика беспризорности детей раннего возраста. «Журнал по изучению раннего детского возраста», 1929 г., № 4—5.
252. Люблинский, П. И., Социальная профилактика в борьбе с беспризорностью детей раннего возраста. «Журнал по изучению детского возраста», 1929 г. № 4—5.
253. Люблинский, П. И., Социально-правовые кабинеты и их работа. «Труды Всесоюзного совещания Охматмлада», М., 1929 г.
254. Люблинский, П. И., Хулиганство и его социально-бытовые корни. Сборник «Хулиганство и хулиганы», под редакц. Толмачева, М., 1929 г.

1930 год

255. Люблинский, П. И., Молодые рецидивистки.
Л. упр. испр. — труд. учр. НКВД УССР 1930 (в кн. Изучение преступности и пенитенциарная практика, № 3, стр. 1—33).
256. Люблинский, П. И., Подкидыши, прошедшие через Ленингр. институт охр. мат. и млад. и их последующая судьба (1925—1929).
Журн. «Вопр. педиатрии и педологии», 1930 г., т. 2, вып. 4.

1933 год

257. Люблинский, П. И., Полиция, суд и тюрьмы в США, 1933 г.
258. Люблинский, П. И., Эксплоатация труда заключенных в США.
Сборник «Карательная политика капиталистических стран», 1933 г.

1934 год

259. Люблинский, П. И., Social backgrounds of school children in Soviet Russia. The Journ. of education Sociology.
1934 г. апрель.

1935 год

260. Люблинский, П. И., А. П. Антонов. (К 25-летию врачебной деятельности.)
Журн. «Вопросы педиатрии», 1935 г., № 7, вып. 6.
261. Люблинский, П. И., Ассоциация международного права.
«Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 1, стр. 84—94.
262. Люблинский, П. И., Вооружение американских преступников.
«Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 5, стр. 34—38.
263. Люблинский, П. И., Детская преступность и борьба с нею в США
В кн.: Сборник по детской преступности в капиталистических странах, 1935 г., стр. 15—28.
264. Люблинский, П. И., «Новый курс» США и его отражение в федеральном уголовном законодательстве.
«Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 4, стр. 21—28.
265. Люблинский, П. И., Преступность, связанная с проституцией, и экономическая депрессия в США.
«Бюллетень иностранной информации», 1935 г., №№ 6—7.
266. Люблинский, П. И., Тюремный труд в США.
«Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 2—3, стр. 64—70.
267. Люблинский, П. И., Убийства в США, «Бюллетень иностранной информации», 1935 г., № 5, стр. 3—7.

1936 год

268. Люблинский, П. И., Об усилении роли прокуратуры в буржуазных странах.
Сборник «Пробл. уголовн. полит.», кн. II, 1936 г.
269. Люблинский, П. И., Ответственность за понуждение к производству аборта.
«Соц. законность», 1936 г., № 3, стр. 22—25.
270. Люблинский, П. И., Уклонение от платежа алиментов (ст. 158).
«Соц. законность», 1936 г., № 10, стр. 32—39.

1937 год

271. Люблинский, П. И., Взятничество.
Дополн. листок к X т. Энцикл. словарь «Гранат», 1937 г., стр. 5.
272. Люблинский, П. И., Главнейшие моменты в развитии уголовного права и суда в дореволюционной России.
Оттиск из Энциклопед. словаря «Гранат», т. 36, ч. V, стр. 530—694. [1937].

273. Люблинский, П. И., Из истории законодательства о признании душевно-больных в России.
Журн. «Невропатология и психиатрия», 1937 г., т. VI, вып. 12.
274. Люблинский, П. И., Оставление в опасном состоянии. Ст. 156 УК РСФСР.
«Сов. юстиция», 1937 г., № 2, стр. 15—18.

1938 год

275. Люблинский, П. И. — редакц. Датский уголовный кодекс 15 апреля 1930 г., вступивший в силу с 1 января 1933 г.
Перевод с франц. М. В. Красильникова, под редакц. проф. П. И. Люблинского, Л., 1938 г.
276. Люблинский, П. И., Процессуальные вопросы в новом законе о судостроительстве.
«Сов. юстиция», 1938 г., № 20—21, стр. 21—28.
277. Люблинский, П. И., Ростовщичество в уголовном праве.
Энцикл. словарь «Гранат», 1938 г., т. XXXVI, ч. 6. «Россия», стр. 239—243.
278. Люблинский, П., Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма.
Сборник «Проблемы соц. права», 1937 г., № 2, стр. 79—108, 1938 г., кн. 3, стр. 147—175.
279. Люблинский, П. И. — переводч. Уголовный кодекс Китайской республики, утвержд. 1 января 1935 г., Л., 1938 г.

Без года

280. Люблинский, П. И., Женское равноправие.
Энцикл. слов. «Гранат», т. 40, вып. 1.
281. Люблинский, П. И., Задачи социально-правовой охраны материнства и младенчества.
«Труды Всесоюзного съезда детских врачей».
282. Люблинский, П. И., Закон.
Энциклопед. словарь «Гранат», т. XX, стр. 460—478.
283. Люблинский, П. И., Кодификация.
Энциклопед. словарь «Гранат», т. XXIV, стр. 414—432.
284. Люблинский, П. И., Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и о материнстве.
Журн. «Признан. и благотворительность». (Изд. до-рев.)
285. Люблинский, П. И., О судебском усмотрении.
(Доклад на Киевском съезде Русской группы криминалистов.)
286. Люблинский, П. И., Очерк современного состояния детского права.
Журн. «Охрана матмлада» № 1.
287. Люблинский, П. И., Преступление и наказание, Энциклопед. словарь «Гранат», т. XXX.
288. Люблинский, П. И., Преступление и преступность.
Энциклопед. словарь «Гранат», т. XXXIII, стр. 363—387.
289. Люблинский, П. И., Проект изменений в уголовном законодательстве Англии.
(Оттиск), стр. 299—306.
290. Люблинский, П. И., Проституция в Сев.-Америк. соединенных штатах.
Оттиск, стр. 48—81.
291. Люблинский, П. И., Пути и формы ликвидации суда присяжных в капиталистических странах.
(Печатается.)
292. Люблинский, П. И., Евгенические тенденции и новейшие законодательства о детях. (Оттиск.)
«Русск. евгенич. журнал».

293. Люблинский, П. И. — перевод Маркус Клерк. Английская тюрьма (Роман).
Перевод с англ. П. И. Люблинского.
294. Люблинский, П. И., Mord wegen 40 kor. Aus der russischen Praxis. «Archiv für Criminal Anthropology».

Дополнительный список

295. Люблинский, П. И. — Рец., Матвеев, В. Ф., Право публичных собраний.
«Критическое обозрение», 1909 г., вып. VII, стр. 63—66.
296. Люблинский, П. И., Коллизия.
Энциклопед. словарь «Гранат» [1913 г.], т. XXIV, стр. 505—509.
297. Люблинский, П. И., К вопросу об электрификации железных дорог.
Изд. НКПС, 1920 г.
298. Люблинский, П. И. — ред. Гейндль, Роберт. Уголовная техника. Из мастерской угол. розыска. Перевод с нем. под редакц. П. И. Люблинского.
М., «Право и жизнь», 1925 г.
83 стр. (серия «Криминалистика» под общ. ред. М. Н. Гернета, П. И. Люблинского и А. И. Трайнина).
299. Люблинский, П. И. — Ред. Шнейкерт, Ганс. Тайна преступника и пути к ее раскрытию (к учению о суд. доказательствах) перев. с нем. под ред. П. И. Люблинского,
М., 1925 г., 63 стр.
300. Люблинский, П. И., Das neue Strafrecht in der Sovjetunion.
«Zeitschrift für Ostrecht». Июнь 1927 г. Heft. 3.
301. [Люблинский, П. И.], Бездействие.
Дополнит. листок к 5 т. энциклопед. словаря «Гранат».
302. [Люблинский, П. И.], Бесхозяйственность.
Дополнит. листок к 5 т. энциклопед. словаря «Гранат».
303. [Люблинский, П. И.], Обман.
Дополнит. листок к 30 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1934 г.
304. [Люблинский, П. И.], Клевета.
Дополнит. листок к 24 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1935 г.
305. [Люблинский, П. И.], Обольщение.
Дополнит. листок к 30 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1934 г.
306. Люблинский, П. И., Обогащение неосновательное.
Дополнит. листок к 30 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1934 г.
307. [Люблинский, П. И.], Халатность.
Дополнит. листок к 45—II т. энциклопед. словаря «Гранат», 1935 г.
308. Люблинский, П. И., Бродяжество.
Дополнит. листок к 6 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1937 г.
309. [Люблинский, П. И.], Взлом.
Дополнит. листок к 10 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1937 г.
310. [Люблинский, П. И.], Взрывчатые вещества.
Дополнит. листок к 10 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1937 г.
311. [Люблинский, П. И.], Взятничество.
Дополнит. листок к 10 т. энциклопед. словаря «Гранат», 1937 г.
312. [Люблинский, П. И.], Толкование закона.
Дополнит. листок к тому XLI, ч. 8, энциклопед. словаря «Гранат», 1937 г.
313. Люблинский, П. И., Из семейного прошлого предков Пушкина.
31 стр. Сб. «Литературный Архив», изд. Акад. наук, 1938 г.
314. Люблинский, П. И., Из области новейшей литературы по педагогической психологии. «Вестник пр.», 1923, стр. 182—208 (библиография).
315. Люблинский, П. И., Всемирная педагогическая ассоциация. «Вестник пр.», 1923 г., № 10.
316. Люблинский, П. И., Социально-правовая помощь матерям при пунктах охраны материнства и младенчества. «На помощь детям». 1925 г., изд. деткомиссии ВЦИКА.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
АГЕЕВ А. Н., Собственность в СССР	5
СОЛОДКИН И. И., Шпионаж и уголовно-правовая борьба с ним в капиталистических странах	21
ГАЛЬПЕРИН Г. Б., К вопросу об истории возникновения Государственной думы (Булыгинская дума)	41
ЛЕВИАНТ Ф. М., Борьба рабочих России в 1917 г. (февраль—октябрь) за повышение заработной платы	75
ДАВИДОВИЧ Я. И., Очерк правового регулирования труда в год великого перелома (по материалам Ленинграда)	94
Люблинский. П. И. Некролог	110
Библиография печатных трудов доктора юридических наук профессора П. И. Люблинского	112

Редактор М. С. Розофаров:
Корректор Э. С. Арлик.

II квартал 1939 г. № 59
Подписано к печати 31/V 1939 г.
В бумажном листе 98000 вл.

Индекс Ю—4

Печатных листов 8
Формат 60×92¹/₁₆
Заказ № 187

Технич. редактор Л. Т. Васильев
Обложка работы худ. Е. С. Скалана

Слано в набор 25/II 1939 г.
Учетно-издательских листов 9,36
Уполн. Главлита № А-10735

Тираж 3000